Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

ГРИШКИНА Елена Николаевна

НОВИЗНА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПАРАМЕТР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА
(на материале психолингвистического эксперимента)

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Тогоева Светлана Ивановна

Тверь – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. СОПОСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ
К ИССЛЕДОВАНИЮ НОВИЗНЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

1.0. Вводные замечания 15

1.1. Специфика логико-рационального подхода к проблеме
исследования новизны лексической единицы 20

1.2. Проблемные вопросы системно-структурного направления
исследования феномена нового слова 30

1.3. Подходы к исследованию новизны лексической единицы
с позиций когнитивного спектра языкознания 39

1.4. Периферийные единицы ментального лексикона как основа
для формирования новизны слова в индивидуальном сознании 44

1.5. Анализ критических замечаний
в адрес «ощущения новизны» лексической единицы 48

Выводы по главе 54

Глава 2. ПАРАМЕТР НОВИЗНЫ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

2.1. Специфика междисциплинарного подхода
к исследованию параметра новизны лексической единицы 58

2.2. Роль восприятия в возникновении
субъективной новизны лексической единицы 63

2.3. Психофизиологические предпосылки
возникновения субъективной новизны лексической единицы 71

2.4. Теоретические вопросы исследования психологической
структуры значения слова 78

2.5. Внутренний контекст как когнитивное пространство
для формирования субъективной новизны слова 88

Выводы по главе 96

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАМЕТРА НОВИЗНЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

3.1. Обоснование выбора материала для исследования 99

3.2. Общие вопросы выбора экспериментальной методики 104

3.3. Отбор испытуемых и процедура проведения эксперимента..... 113

3.4. Процедура обработки результатов эксперимента 115

3.5. Интерпретация результатов экспериментального исследования 128

Выводы по главе..... 131

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 135

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 140

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 141

Приложение 1. Российские научно-исследовательские работы в области изучения аспекта новизны лексической единицы 159

Приложение 2. Анкетный лист № 1 174

Приложение 3. Анкетный лист № 2 175

Приложение 4. Анкетный лист № 3 176

Приложение 5. Анкетный лист № 4 177

Приложение 6. Результаты пилотажного анкетирования на предмет знакомости стимулов исходного списка 178

Приложение 7. Результаты основного анкетирования на предмет знакомости стимулов исходного списка 179

ВВЕДЕНИЕ

Слово является ключевым компонентом языковой системы и элементарной составляющей речемыслительной деятельности человека, в связи с чем слово в современной науке о языке изучается, с одной стороны, как часть языковой системы, ее структурный элемент, с другой – как часть «живого» знания человека. Изучение слова в качестве структурного элемента языковой системы осуществляется в рамках традиционной лингвистики, что позволяет раскрыть и сформулировать основные механизмы и принципы функционирования языка как универсальной знаковой системы, обеспечивающей реализацию основных языковых функций в социуме. Однако владение словом на уровне индивида представляет собой нечто большее, чем простое научение человека пользоваться данными языковыми механизмами. Владение словом можно справедливо отнести к функции высшей нервной и психической деятельности человека и определить в качестве горизонта изучения когнитивного спектра лингвистических исследований. Особое внимание в современных исследованиях уделяется «живой» речемыслительной деятельности человека. Ее особенность заключается в индивидуальном опыте взаимодействия человека со словом и процессе его присвоения психикой, в результате чего в течение жизни формируется индивидуальный лексикон, являющийся инструментом ежедневной речемыслительной деятельности человека.

Проблема определения границ *нового* является фундаментальной в вопросе изучения механизмов функционирования «живого» знания. Актуальность данного исследования заключается в неослабевающем интересе к проблеме нового слова и недостаточной изученности самого феномена новизны лексической единицы для индивида, а отчасти и спутанности его трактовок. Исследование новизны лексической единицы приводит нас к изучению явления «ощущения новизны» и его психофизиологической первоосновы – психических (познавательных)

процессов индивида, что проявляется в психологической структуре значения слова. Широкое использование понятия «ощущения новизны» одновременно в традиционной лингвистической неологии и психолингвистической теории нового слова для обозначения определенного свойства лексемы, позволяющего говорить о ее принадлежности к категории новых слов, выявляет потребность в более детальном осмыслении данного языкового явления с позиций его отраженности в психологической структуре значения слова и задает определенный исследовательский вектор для его изучения.

Объектом исследования является психологическая структура значения слова как элемент психофизиологической организации речемыслительной деятельности индивида. Предметом исследования выступает параметр новизны в психологической структуре значения слова.

Цель исследования заключается в выявлении, описании и обосновании особенностей проявления и функционирования параметра новизны лексической единицы в индивидуальном сознании на основании анализа результатов психолингвистического эксперимента.

В основу диссертационного исследования заложена следующая гипотеза: новизна лексической единицы, трактуемая с позиций когнитивного спектра лингвистических исследований, является интегративным параметром психологической структуры значения слова, проявляющимся в корреляции ее параметров, и определяется совокупностью пересечений ассоциативных связей ментального лексикона, возникающих при идентификации лексической единицы.

Достижение поставленной цели исследования и проверка выдвигаемой гипотезы реализовывались в ходе решения следующих задач.

1. Рассмотреть феномен новизны лексической единицы в парадигме знаний современного языкознания и выявить специфику параметра новизны в индивидуальной речемыслительной деятельности на основании сопоставительного анализа исследовательских подходов к изучению феномена.

2. Сформулировать понятийно-терминологический аппарат исследования в целях систематизации базовых теоретических представлений о феномене новизны лексической единицы.

3. Проанализировать и обобщить основные теоретические положения, касающиеся психологической структуры значения слова, изучить ее составляющие и факторы, влияющие на ее формирование.

4. Выделить характеристики «ощущения новизны» как базового критерия для восприятия лексической единицы индивидом в качестве новой.

5. Выявить особенности проявления параметров психологической структуры значения слова при идентификации слова, трактуемого носителем языка в качестве нового.

6. Подготовить экспериментальный материал, разработать и апробировать методику проведения экспериментального исследования по проблеме исследования параметра новизны лексической единицы в индивидуальном сознании.

7. Организовать и провести психолингвистический эксперимент с последующей обработкой, анализом полученных экспериментальных данных и описанием на их основании специфики изучаемого явления.

Научная новизна работы определяется тем, что проблема новизны лексической единицы впервые изучается с позиций корреляции параметров психологической структуры значения слова на основе данных, полученных от носителей языка посредством субъективного шкалирования.

Личным вкладом автора являются: 1) систематизация понятийно-терминологического аппарата по проблематике исследования явления новизны лексической единицы; 2) осмысление феномена новизны лексической единицы в качестве комплексного явления системно-структурного и когнитивного спектров языкознания и уточнение статуса нового слова в индивидуальном лексиконе как единицы периферии; 3) характеристика особенностей феномена «ощущения новизны» в психологической структуре значения слова; 4) выявление соотношения

параметров психологической структуры значения слова, создающего параметр узнаваемости лексической единицы и служащего основой для формирования параметра новизны.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в исследование проблематики феномена новизны слова и его психолингвистическую трактовку с позиций теории индивидуального лексикона. Кроме того, полученные результаты, основанные на анализе данных субъективного шкалирования параметров психологической структуры значения слова и их корреляции, расширяют сведения о специфике проявления новизны лексической единицы в индивидуальном лексиконе. Также расширяется и специфицируется понятийно-терминологический аппарат по проблематике феномена новизны лексической единицы, что может быть полезно для пополнения теоретической базы специализированных разделов языкознания.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения результатов исследования для решения ряда психолингвистических и лингвистических задач. Полученные результаты будут способствовать переосмыслению традиционных представлений об «ощущении новизны» как критерия дифференциации новых лексических единиц. Результаты диссертационной работы также представляют интерес для дальнейших исследований проблематики феномена нового слова в индивидуальном лексиконе и могут послужить источником информации при изучении подходов к интерпретации феномена новизны лексической единицы. Практическая ценность усматривается и в возможности использования сформулированных автором теоретических положений и собранных данных в соответствующих разделах учебных курсов по неологии и психолингвистике.

Материалом исследования послужили данные психолингвистического эксперимента, содержащие информацию об особенностях субъективного восприятия лексической единицы испытуемыми

(далее – Ии.) и параметрах психологической структуры значения слова. В результате проведенного эксперимента сформирован корпус из 10 560 ответов Ии. на предъявленные в эксперименте стимулы – русскоязычные существительные, используемые в сфере маркетинга и рекламной деятельности. В исследуемый корпус вошли данные субъективного восприятия лексической единицы из 8 010 ответов и данные субъективного шкалирования из 2 550 ответов. Бланки с инструкциями для Ии., принявших участие в эксперименте, представлены в приложениях к диссертационному исследованию.

В соответствии с целью работы и поставленными задачами основными методами исследования послужили общенаучные методы дедукции и индукции, интегративный теоретический анализ и синтез исследуемого материала, психолингвистический эксперимент с привлечением метода субъективного шкалирования, метод интроспекции, количественная и качественная обработка экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов всех этапов эксперимента, комплексное обобщение теоретических и экспериментальных данных, метод моделирования и графического представления полученных экспериментальных данных.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся вопросами исследования нового слова в рамках системно-структурной неологии (Л.Б. Гацалова, С.И. Алаторцева, Т.В. Попова, О.В. Косович, Н.М. Шанский, В.Г. Гак, Ю.Н. Антюфеева, Е.В. Сенько, Р.Ю. Намитокова, А.В. Волостных, А.Г. Лыков, Н.З Котелова, Е.В. Розен, L. Guilbert, B. Quemada, R. Rheims, R.K. Barnhart, J. Elliot и др.); проблемой исследования механизмов функционирования слова в индивидуальном сознании (Л.В. Щерба, Л.С. Выгодский, А.А Залевская, А.А. Леонтьев, Н.О. Золотова, И.А. Бубнова, Е.Н. Гуц, Т.Ю. Касаткина); вопросами исследования нового слова с позиций когнитивного спектра лингвистических исследований

(С.И. Тогоева, Ю.В. Федурко, Э.В. Саркисова, Л.И. Плотникова, Н.Б. Милявская, Л.Ю. Касьянова, Е.О. Атланова, Т.А. Гридина, С.Н. Цейтлин); вопросами формирования психологической структуры значения слова и ее параметрической природы (Е.И. Беляева, О.В. Загоровская, И.А. Стернин, В.Ф. Петренко, А.А. Нистратов, Е.Н. Колодкина, О.И. Блинова, Е.А. Юрина, Ф.Е. Василюк, И.Л. Медведева, Е.В. Карасева, Е.Ю. Мягкова, Н.И. Курганова, A. Paivio, K.J. Gilhooly, M.P. Toglia); стратегиями идентификации значения слова (И.Л. Медведева, Т.Ю. Сазонова, Т.М. Рогожникова, И.С. Лачина, С.И. Тогоева, Т.Г. Родионова, Л.В. Барсук, Э.В. Саркисова, Н.М. Ткаченко, Л.В. Газизова, Ю.В. Федурко); нейрофизиологическим вопросами организации речи как элемента высшей нервной деятельности человека (А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов, А.М. Иваницкий, А.О. Роик, А.Н. Савостьянов, S.E. Weisler, C.M. Brown, P. Hagoort, J. Feldman, B. Stemmer, H.A. Whitaker, D. Caplan), а также общими вопросами мозговой организации высшей нервной деятельности человека (П.К. Анохин, Н.П. Бехтерева, Т.М. Марютина, H.W. Magoun, W.G.Walter, K.H. Pribram, J.E. Bloom, A. Lazerson, C.D. Frith).

Проведенное исследование базируется на основных положениях психолингвистической теории слова как достояния человека и концепции индивидуального лексикона, разработанных А.А. Залевской. Вслед за А.А. Залевской слово понимается как средство доступа к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и культуры, а индивидуальный лексикон – как функциональная динамическая (самоорганизующаяся) система, в которой имеет место органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида, а также социально принятых и личностно переживаемых смыслов, норм и оценок [Залевская 2014].

В работе используются результаты исследований представителей Тверской психолингвистической школы и их последователей, посвященные изучению ментального лексикона индивида, а также психологической структуры значения слова и ее параметрической природы (Е.Н. Колодкина,

Т.Г. Родионова, Т.М. Рогожникова, С.И. Тогоева, Т.Ю. Сазонова, Шумилина, Е.Ю. Мягкова, Н.О. Золотова.) и данные зарубежных экспериментов, целью которых было установление особенностей параметров психологической структуры значения слова [Pavio, Yuille, Madigan 1968; Gilhooly, Logie 1980; Altarriba, Bauer, Benvenuto 999; Kacinik, Shears, Chiarello 2000; Juhasz, Lai, Woodcock 205]

В данной диссертации реализован комплексный междисциплинарный подход к анализу материала, предполагающий рассмотрение феномена новизны лексической единицы в тесной связи с данными лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики и когнитивной психологии. Разработанная модель междисциплинарного пространства для изучения компонента новизны лексической единицы основывается на исследованиях по междисциплинарности В. Бажанова, Е. Князевой, Р. Шольца, О.В. Федоровой, L. Apostel, P. Thagard, H. Gardner и др.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается опорой на фундаментальные теоретические положения современного гуманитарного научного знания, адекватностью методов исследования, его задач, а также объемом корпуса данных для практического исследования, полученным в ходе психолингвистического эксперимента.

По итогам проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения.

1. В речемыслительном опыте выявляются субъективные новые слова – лексические единицы, обладающие субъективной новизной, которая реализуется в психологической структуре значения слова, делая ее гибкой и пластичной для формирования новых ассоциативных связей.

2. Критерием субъективной новизны слова в индивидуальном сознании является «ощущение новизны», выступающее в качестве субъективного переживания взаимодействия индивида с лексической единицей и являющегося определенным когнитивным маркером для подсознательно поиска новой информации.

3. В пространстве ментального лексикона субъективное новое слово обладает статусом единицы периферийных слоев, которые, в отличие от ядерных и приядерных зон ментального лексикона, обладают достаточно разреженными ассоциативными связями, выступающими своеобразными опорами для идентификации незнакомых или малознакомых слов.

4. Субъективное новое слово не тождественно незнакомому слову: «ощущение новизны», формирующее исследуемую субъективность в оценке лексической единицы в качестве новой, является большим, чем лишь незнание данной лексической единицы, и представляет собой определенный эвристический потенциал слова, субъективно наличествующий для индивида применительно к его речемыслительному опыту.

5. В пространстве психологической структуры значения слова параметр новизны выполняет интегративную функцию: с одной стороны, в результате идентификационных процессов выявляется определенное соотношение параметров психологической структуры значения слова, которое служит исходной базой для опознания слова в качестве знакомого/ незнакомого, с другой стороны – «ощущение новизны» оказывает влияние на психологическую структуру значения слова, делая ее более гибкой и открытой для усвоения новой информации. Параметры эмоциональности, конкретности, образности не имеют достаточно проявленности при возникновении «ощущения новизны», однако служат «когнитивной платформой» для формирования параметра новизны.

6. Соотношение параметров эмоциональности, конкретности и образности психологической структуры значения слова является отражением сети ассоциативных связей ментального лексикона и образует параметр знакомости слова, находящийся в обратно пропорциональной корреляции со степенью новизны лексической единицы, что свидетельствует о неоднородности субъективной новизны в пространстве ментального лексикона и наличии нескольких уровней новизны в соответствии со степенью их знакомости носителям языка.

7. Наиболее эффективной методикой исследования субъективной новизны лексической единицы является сочетание методов субъективной оценки знакомости лексических единиц, субъективной оценки по критерию «ощущение новизны» и субъективного шкалирования параметров эмоциональности, конкретности и образности психологической структуры значения слова, что обеспечивает доступ к внутреннему речемыслительному опыту индивида; субъективные оценки носителей языка в форме анкетирования и соотнесенное с ними субъективное шкалирование наиболее эффективно выявляет специфику субъективных новых слов.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и практические выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры регионоведения факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета (Тверь, 2014-2017); на следующих международных и всероссийских научно-практических конференциях: V Международная научная конференция молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2016); VIII Всероссийская научно-практической конференция молодых ученых «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Тверь, 2016); I Международная научно-практическая конференция «Язык, культура, коммуникация: проблемы изучения и обучения» (Орёл, 2016); Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: традиции и перспективы» (Тверь, 2016); VI Международная научная конференция молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2017); IX Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Тверь, 2017). По теме диссертационного исследования опубликовано 8 статей общим объемом 3,1 п.л., 3 из которых – в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений. Во введении дается обоснование выбора темы исследования и её актуальности, излагается цель и задачи исследования, определяются предмет и объект анализа, характеризуются материал и методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации результатов исследования

В первой главе исследования проводится сопоставительный анализ подходов к исследованию новизны лексической единицы с позиций системно-структурной лингвистики и когнитивного спектра языкознания, выявляется специфика феномена новизны лексической единицы, на основе которой отображается его внутренняя структура, конструируется особое междисциплинарное пространство для изучения нового слова индивидуального лексикона, выделяются направления исследования феномена новизны слова в рамках когнитивного спектра языкознания, а также приводится анализ критических замечаний в отношении явления «ощущения новизны» слова.

Во второй главе анализируются особенности функционирования феномена новизны лексической единицы в индивидуальном сознании, раскрывается его взаимосвязь с психическими (познавательными) процессами, выделяется специфика «ощущения новизны» как базового субъективного критерия для нового слова в индивидуальном лексиконе, рассматривается психологическая структура значения слова как пространство для формирования новизны, раскрывается взаимосвязь ее параметров, а также специфика влияния внутреннего контекста на идентификацию нового слова.

В третьей главе производится анализ новизны лексической единицы на материале психолингвистического эксперимента, определяются цель и задачи экспериментального анализа, приводится обоснование выбора

лексики рекламного дискурса в качестве исходного материала для исследования, раскрывается методология проведения психолингвистического эксперимента, а также осуществляется интерпретация и обсуждение его результатов.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения параметра новизны в психологической структуре значения слова.

Глава 1. СОПОСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ НОВИЗНЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

1.0. Вводные замечания

Возникновение нового является сущностным свойством каждой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа является ярким примером данной тенденции и подтверждением двух главных принципов языковой системы – ее динамизма и открытости. Данный процесс обусловлен деятельностью человека, в результате которой появляются новые реалии, требующие наименования; его межкультурной коммуникации, в результате которой происходит заимствование иноязычных слов и их постепенное присвоение родным языком; а также его ежедневной активностью.

Одновременно с этим можно отметить другой аспект нового, направленный на носителя языка и его личный языковой опыт. Новые слова наполняют жизнь каждого человека практически повсеместно: от бытовой до профессиональных сфер деятельности. Столкновение человека с новым неизбежно, более того, подобный опыт человека обогащает и придает импульс к его развитию.

Наличие двух полярных аспектов новизны лексической единицы – коллективной и индивидуальной, формирует особый исследовательский интерес к данному феномену. Цель настоящей главы – выявить принципиальные различия в трактовках новизны лексической единицы с позиций системно-структурной лингвистики и с позиций когнитивного спектра языкознания, что предполагает обзор существующего в науке терминологического аппарата для обозначения новизны лексической единицы, выявление лакунарных позиций в традиционных подходах к

изучению феномена новых слов, анализ ключевых теоретических положений относительно новых лексических единиц и их сопоставительный анализ.

Развитие науки неминуемо сопровождается переменами во взглядах на объект ее изучения. О данной тенденции в науке о языке ярко свидетельствует смена научных парадигм (сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической), в результате которой меняются исследовательские ракурсы, устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, а также обеспечивается некоторая преемственность идей, позволяющая шире посмотреть на языковое явление (см., например, [Кубрякова 1995; Воркачев 2001; Кущева http; Костомаров http; Иванова 2016]). Антропоцентризм в лингвистике, в свою очередь, аккумулируя знания предшествующего хода лингвистической мыли, позволяет изучать язык и человека комплексно, подключая и развивая новые связи между дисциплинами, изучающими различные стороны языковой действительности.

Подобная взаимосвязь, в частности, отражена в модели взаимоотношений между различными аспектами языковых явлений, разработанной А.А. Залевской в [Залевская 1977: 5-9] и дополненной в [Залевская 2007: 90]. Данная модель основана на классической работе Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974] и составляет концептуальную основу данного исследования: она позволяет четко разделить два диаметрально противоположных направления переработки языкового материала (текстов в их общем понимании).

С одной стороны, можно говорить о логико-рациональном направлении, в рамках которого осуществляется исследование языковой системы конструктов и правил их комбинирования в ходе метаязыковой деятельности лингвиста. Данное направление реализуется в рамках традиционной системно-структурной лингвистики, объектом изучения которой выступает языковая система «сама по себе».

С другой стороны, наличествует направление изучения перцептивно-когнитивно-аффективной переработки языкового материала, в рамках которого осуществляется исследование индивидуальной речевой системы концептов и стратегий пользований ими в процессах говорения и понимания речи (речевой организации индивида) в ходе речемыслительной деятельности индивида (психолингвистика, когнитивная лингвистика, нейролингвистика) [Залевская 2007: 92-93].

Из двух направлений изучения языкового материала явствует двоякая трактовка понятия «язык» (см. рис. 1): язык$_1$ как описательная модель языковой системы и язык$_2$ как функциональные ориентиры и опоры психофизиологической речевой организации индивида [цит. раб.: 90-91]. Обе трактовки понятия «язык», в сущности, являются двумя сторонами одной «медали» – языкового материала (текстов в их общем понимании), являющегося продуктом процессов производства и понимания речи и одновременно общим материалом для исследования как языковой системы, так и индивидуальной речевой системы (психофизиологической речевой организации).

Рис. 1. Лексические единицы как промежуточный языковой материал

В этой связи лексические единицы (слова) можно рассматривать в качестве промежуточного языкового материала, на основании которого можно умозаключать одновременно как об изменениях в языковой системе, так и об особенностях речевой организации индивида. Выделение *новых* лексических единиц (новых слов) из всего лексического конгломерата языкового материала является задачей *мультимодальной*, требующей решения многочисленных дополнительных подзадач (определение

направления исследования, выбора источника языкового материала, установление критериев отбора и др.).

Особенно подчеркнем тот факт, что понятие «новое слово» вряд ли можно считать строгим научным термином. Приведем одно из возможных толкований понятия «термин»: «языковой знак (слова, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), выражающий понятие какой-либо области и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение), на которую сознательно ориентируются использующие этот языковой знак» [Шелов 2010: 796]. Вследствие того, что понятие нового слова по сей день не имеет однозначной и четкой дефиниции, а границы его понимания весьма размыты (данная проблематика особенно остро отмечена, например, в работах [Пасечная, Попова 2005; Тибилова 2009; Булавина 2012; Зарицкая 2014]), при этом данное понятие часто употребляется учеными, оно может являться результатом осмысления, познания окружающей (в частности, языковой) реальности человеком и выделения явлений, требующих систематизации. Результатом подобных процессов может служить категоризация познаваемой действительности.

Проблематика категоризации и выделения категорий уходит своими корнями в Античность (труды Платона и Аристотеля) и не теряет своей актуальности по настоящее время (G. Frege, L. Wittgenstein, А. Вежбицкая, Е. Кубрякова, E. Rosch, G. Lakoff, R. Langacker, J.R. Taylor, D. Geeraerts и др.). По мнению Е.С. Кубряковой, категоризация может рассматриваться в узком и широком смыслах. С одной стороны, категоризация может пониматься как «подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию как определенную рубрику опыта или знания и признания ее (этой сущности) членом этой категории» [Кубрякова 2004: 307]. С другой стороны, «категоризация – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях

сходных им аналогичным сущностным признакам или свойствам» [цит. раб.: 307].

На наш взгляд, «новое слово» может быть рассмотрено в качестве *универсального категориального понятия*, интерпретация которого будет напрямую зависеть от того научного направления, в соответствии с которым изучается данное явление, и различаться в зависимости от «угла зрения», то есть от той научной парадигмы, в соответствии с которой осуществляется изучение данного явления. Возможно, именно поэтому столь сложно определить содержание понятия «новое слово». Для его адекватной трактовки в первую очередь необходимо задать некоторую «систему координат», относительно которой будет осуществляться дальнейшее ее измерение.

Можно предположить, что «новое» не является абсолютным свойством того или иного языкового явления, но является своего рода субъективным «статусом», который присваивается лексической единице на основании ряда признаков и свойств в соответствии с определенным научным порядком. Это служит основой для отнесения лексической единицы к категории новой. Для получения *статуса «нового»* слово должно отвечать ряду критериев, заданных соответствующим научным направлением изучения языковых явлений.

В качестве возможных «систем координат», позволяющих конкретизировать явление нового слова, предлагаем рассмотреть вышеуказанные направления исследования языкового материала: с позиций системно-структурной лингвистики и с позиций когнитивного спектра языкознания. Данные направления позволяют разграничить два противоположных взгляда на феномен нового слова – с позиции языковой системы и с позиции речевой организации индивида. Отметим, что оба ракурса нашли отражение в науке и представлены многочисленными работами и концептуальными идеями, о чем речь и пойдет дальше.

1.1. Специфика логико-рационального подхода к проблеме исследования новизны лексической единицы

Потребность в системно-структурной классификации лексических единиц, появляющихся в речи людей / языковом материале (спонтанно или целенаправленно, подсознательно или осмысленно) и находящих отражение в языковой системе в целом, обуславливает метаязыковую деятельность лингвиста. Традиционно в лингвистике возникающие в процессе жизнедеятельности людей лексические единицы, именуемые в целом «новыми словами», являются объектом изучения неологии. Одновременно с этим источник и «продуцент» лексических единиц – носитель языка – не входит в объект изучения, то есть языковая система изучается «сама по себе».

Особенно отметим, что неология как наука зародилась на фоне именно системно-структурной лингвистики (в частности, лексикографии), где понимание новых слов, их описание и классификация осуществляется в рамках логико-рационального направления исследования языковых явлений. По мнению В.Г. Гака «в сферу этой науки (неологии – прим. автора) входит выявление путей опознания новых слов и значений, анализ факторов их появления, изучение моделей их создания, разработка принципов отношения к ним (их принятие или нет) и их лексикографической обработки (их фиксация в словарях, определение значений и т.п.)» [Гак http]. Заметим, что за последние полвека наука о языке значительно расширила свои горизонты познания, а изучение языкового материала осуществляется с учетом многочисленных экстралингвистических факторов (социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика и другие). На наш взгляд, справедливым будет замечание о направленности исследований языковых явлений в рамках традиционной неологии исключительно в системе ЯЗЫК$_1$.

Неология является сравнительно молодой и узкоспециализированной отраслью лексикологии. Как отмечает С.И. Алаторцева, «русская неология, наряду с французской, является наиболее продвинутой теоретически, самостоятельной сферой лексикологии, в то время как в других языках неология имеет более всего прагматически-лексикографическую направленность» [Алаторцева 1999: 1]. Зарубежная неология в первую очередь представлена работами французских (A. Darmester, L. Deroy, L. Guilbert, M. Cohen, R. LeBidois, A. Fabre-Luce, J. Darbelnet, J.C. Corbeil, J.-F. Sablayrolles и др.), английских (R.K. Barnhart, J. Green, A. Room и др.) и немецких (A. Heberth, D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens, H. Bußmann, T. Schippan, H. Elsen, W. Teubert и др.) лингвистов. Наибольший интерес зарубежных исследователей-лингвистов в сфере неологии представляют процессы лексикографирования неологизмов, о чем свидетельствует появление большого количества словарей неологизмов [Нургалиева 2013; Забродина 2014] (например, в немецком языке особенно можно выделить словари И. Кампе, братьев Гримм, Р. Клаппенбаха и В. Штайница, Г. Гелльвига, А. Герберта, во французском языке – словари P. Gilbert, R. Rheims, в английском – R.K. Barnhart, E. Knowles, J. Elliot, S. Tulloch).

Особый интерес так же представляют теоретические труды зарубежных лингвистов. Французский лингвист Л. Гильбер посвятил ряд работ [Guilbert 1967; 1971; 1975] проблеме изучения неологизмов. По мнению исследователя, лексическая неология выступает в качестве возможности создания новых лексем в соответствии с правилами лексической системы языка [Guilbert 1975]. Отметим работы французских лингвистов: [Goosse 1975; Sablayrolle 2000], совместную работу [Pruvost, Sablayrolles 2003], а также другие исследования по неологии авторов A. Rey, L. Déroy, J. Boissy, D. Candel, B. Quemada, J.-C. Boulanger, A. Hermas. В работе [Quemada 2007: 5] автор определяет неологию как «научное исследование новых слов и их мотивированного употребления» (перевод с источника).

Отечественная неология в основном так же остается сугубо лингвистической наукой (см., например, работы Л.Б. Гацаловой, Е.А. Зайцевой, Л.Н. Шелонцевой, О.В. Григоренко, Е.В. Сенько, А.В. Страмного, С.С. Юсуповой, Р.Ю. Намитоковой). Однако можно выделить ряд направлений по исследованию проблематики новизны лексической единицы, выходящих за рамки традиционных лингвистических представлений: социолингвистическое (например, работы Т.А. Гуральник, Е.А. Айбабиной); когнитивное (например, работы Л.И. Плотниковой, Н.Б. Милявской, Л.Ю. Касьяновой, Е.О. Атлановой); психолингвистическое (например, работы С.И. Тогоевой, Ю.В. Федурко, Э.В. Саркисовой).

Более раннее изучение явления новых слов в российской науке (1950-е – 1980-е гг.) отмечено особым вниманием к лексикографическим и словообразовательным аспектам новых лексических единиц в языковой системе (Г.О. Винокур, И.С. Торопцев, А.В. Калинин, Э.И. Ханпира, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, О.И. Александрова, И.С. Улуханов, М.А. Бакина, М.У. Калниязов, А.Г. Лыков, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Н.З. Котелова, О.А. Габинская, Л.П. Крысин), а также к общим вопросам неологии (Е.В. Розен, Ю.К. Волошин, А.А. Брагина, В.И. Заботкина, Р.Ю. Намитокова и др.).

Начиная с 1990-х годов проблематика отечественной неологии в рамках системно-структурной лингвистики дополнилась функциональным, семантическим и дискурсивным аспектами новых лексических единиц, изучение которых основывалось на разнообразном практическом материале: издания периодической печати (газетная и журнальная лексика); художественные произведения (индивидуально-авторские неологизмы и новообразования в поэзии или прозе конкретных писателей или литературных направлений – эгофутуризм, символизм, фэнтези, детская литература и др.); терминология узкой сферы деятельности (радиоэлектроника, полиграфия, реклама, досуговая сфера, масс-медиа и др.). Можно отметить, что в это же время системно-структурный подход к

исследованию феномена новизны слова расширился психолингвистическим, лингвокогнитивным и социолингвистическим.

Общей проблематике неологии посвящены работы С.И. Алаторцевой, Т.Ю. Редькиной, Ю.Н. Антюфеевой, Х.А. Шайхутдиновой, Л.Б. Гацаловой, Е.И. Михеевой, О.В. Щербаковой, О.В. Тобулток, А.В. Волостных, Х.К. Магомадова, Н.А. Князева, Е.В. Курасовой, И.В. Скуратова, Н.В. Соловьевой, А.В. Зыряновой, Н.Н. Бузунова, Д.Д. Билибина, О.А. Шишкаревой, Ю.Н. Несветайло, А.О. Тойтуковой, Е.В. Алексеевой, И.Г. Живутской, Т.А. Близнецовой, Г.О. Кипарисовой, М.О. Музофиршоева, Н.И. Вахницкой, Р.Р. Алимовой, Э.А. Тугуз, А.С. Пучниной, Н.Д. Цыгановой и др. (более развернутый перечень научно-исследовательских работ в области исследования нового слова см. приложение 1).

Возникающие в процессе жизнедеятельности людей лексические единицы настолько многообразны по способу появления и характеру употребления в речи/ языковом материале, что требуется широкий терминологический инструментарий, позволяющий систематизировать собранные знания о новых словах как элементе языковой системы. Новые слова здесь понимаются в качестве лексических единиц, ранее отсутствующих в языковой системе общества (язык$_1$) по тому или иному признаку (критерию), и именуются неологизмами в наиболее общем лингвистическом понимании. В дальнейшем под неологизмами мы будем понимать именно такую трактовку. Вопрос критериев нами будет рассмотрен далее.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные феномену нового слова, выделить единое, универсальное определение данного понятия не представляется возможным, так как его рассмотрение осуществляется через призму различных научных теорий – стилистической, лексикографической, денотативной, структурной, конкретно-исторической и психолингвистической [Попова 2005: 4]. Однако заметим, что все вышеуказанные подходы, за исключением психолингвистического,

рассматривают новую лексическую единицу с точки зрения ее включенности в языковую систему, оставляя без внимания самих носителей языка, несмотря, однако, на ряд попыток разграничить «языковое» и «речевое».

Данная проблема, в частности, проанализирована в работе [Ермакова 2012: 290], где автор четко определяет, что «в связи с проблемой новых слов необходимо разграничивать понятия “язык” и “речь”». Подобное разделение языка и речи отмечено еще в начале XX века в работах Ф. де Соссюра (см., например, [Saussure http]). Подобная тенденция отмечается в лингвистической неологии не единожды: например, в работе [Семенова 1975] автором исследуется проблема речевых неологизмов, однако феномен речи как таковой в исследовании отсутствует, так как исследовательским материалом выступает прозаический текст; в работе [Цалко 2001] автор разделяет неологизмы в лексикографии и в узусе, однако в работе исследуются преимущественно словарные дефиниции и их модификации. Вышеотмеченную попытку интерпретации феномена нового слова вряд ли можно считать исчерпывающей, так как проблематика именно «речевого» в существующем лингвистическом видении нового слова, на наш взгляд, проработана недостаточно глубоко.

Кроме того, наряду с понятием «неологизм» используется также ряд синонимичных понятий: неолексема, лексическая инновация, неономинация, новообразование, лексическое новшество, а также создание многочисленных терминосистем на базе терминоэлемента «нео-» (неоним, неографизм, *неосемантизм* и др.) (см., например, [Косович 2015, Druta http]). Отдельно исследователи выделяют окказиональные слова (окказионализмы) и потенциальные слова (так называемые «потенционализмы»), отражающие определенную специфику новых слов в языке$_1$.

Представители различных теорий неологизмы определяют по-разному: стилистически маркированные слова, значения слов или фразеологизмы, употребление которых сопровождается эффектом новизны (стилистическая теория А.Г. Лыкова, А.В. Калинина, Е.В. Сенько); слова, отсутствующие в

современных словарях (лексикографическая теория К. Барнхарта); слова, обозначающие новое явление (денотат, реалию) или понятие (денотативная теория О.С. Ахмановой, В.А. Козырева, В.Д. Черняк); слова, которые обладают абсолютной структурной, формальной новизной (структурная теория) [Ерпилова http]; а также конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой, согласно которой новизну слова необходимо конкретизировать по времени, языковому пространству, типу новизны: «слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т.д. и не существовавшие в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т.д.» [Котелова 1978: 5-26]. Интересным также представляется определение неологизма Н.М. Шанского: «слова, которые появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка» [Шанский 2007: 168]. Е.В. Розен определяет неологизмы как «вновь организованные в языке слова в течение всего времени, пока они отмечаются как новые в языковом сознании носителей языка» [Розен 1966: 53].

По мнению Е.В. Юмшановой, «неологизмы являются отдельными единицами языка, изучением и описанием которых занимается особая отрасль лексикологии - неология. Основные проблемы неологии сводятся к выявлению путей появления новых слов и значений, анализу факторов их возникновения, изучению моделей их создания и ограничения на их употребление, разработке принципов отношения к ним (их принятия или нет) в различных социопрофессиональных, возрастных и прочих группах, а также их лексикографической обработке» [Юмшанова 1999: 7].

Большинство исследований, посвященных неологизмам, рассматривают последние в их соотнесенности с языковой системой, которая таким образом реагирует на появление новых реалий, предметов явлений и фиксирует соответствующие номинации в словарях. Заметим, что роль носителей языка, их индивидуальное *восприятие* вновь появившейся

лексической единицы практически не принимается во внимание, за исключением ряда упоминаний об «ощущении новизны», которое остается туманно определенным и весьма субъективным критерием.

Отметим, что понятие «неологизм» является узкоспециализированным термином, созданным и используемым исключительно в лингвистической науке и не имеющим дополнительных коннотаций, затрагивающих другие области знаний. То же самое справедливо и для термина «окказионализм», «неолексема» и отчасти для термина «неономинация», заимствованного из лингвистической теории номинации. Вместе с тем понятия «инновация» и «новообразование» являются «привнесенными извне» (соответственно, обладающими рядом дополнительных коннотаций) и прижившимися в лингвистике как синонимы понятию «неологизм». Четкое смысловое разделение между данными понятиями в неологии отсутствует, несмотря на ряд попыток их дифференциации, которые тем не менее не получили всеобщего признания лингвистов и являются лишь возможной классификаций неологизмов.

Вместе с тем, некоторое пренебрежение «сопутствующими» коннотациями, вероятно, лишает исследователей возможности более точной и однозначной интерпретации привнесенных в лингвистику новых понятий. В работе [Милославский http] автором осуществлена попытка интерпретации понятия «инновация» в его соотнесенности с синонимичными понятиями «новшество» и «нововведение», которые также указывают на наличие признака новизны. Понятие «инновация» может означать *радикальное* улучшение в той или иной области в результате сознательной и целенаправленной деятельности человека, в то время как новшество и нововведение к таковому не приводят, а их следствием являются перемены более скромных масштабов. Сделаем допущение, что инновационная лексика включает в себя не всю совокупность новых лексических единиц, а лишь те, которые появились в результате целенаправленной, сознательной деятельности человека для обозначения новых реалий (например, новые

номинации в науке, технике, медицине, художественные номинации, создаваемые автором для усиления художественного эффекта и др.), выводящих понятийный аппарат или текст художественного произведения на качественно новый уровень.

Одновременно с этим понятие «новообразование», привнесенное из естественнонаучной сферы (в частности из физиологии, медицины, геологии), зачастую обладает дополнительной негативной коннотацией и может обозначать не поддающийся внешнему контролю процесс появления новых форм или элементов (см., например, [Ожегов 1999]). Поэтому лексические новообразования могут быть логически противопоставлены лексическим инновациям, как стихийное, незапланированное и сознательное, целенаправленное. Однако подобной трактовки в научной среде нами выявлено не было.

Весь вышеуказанный терминологический инструментарий разработан относительно давно и в достаточной степени укоренился в исследовательской и учебной среде, однако он является сугубо лингвистическим, логико-рациональным и отражает многочисленные попытки исследователей-лингвистов изучить феномен появления новых лексических единиц: описать, классифицировать, систематизировать, выявить закономерности их функционирования исключительно в рамках языковой системы. Данное направление, активно развивавшееся с середины прошлого столетия, остается актуальным по настоящее время, свидетельством чего являются проводимые диссертационные исследования и научные публикации (см., например, работы [Пасечная, Попова 2005; Москалёва 2008; Тибилова 2009; Булавина 2012; Ермакова 2012; Косович 2013; Зарицкая 2014]).

Процессы обновления и пополнения языковой системы новыми лексическими единицами принято называть неологизацией, которая является прямым свидетельством открытости и динамичности языка как системы. Например, слова «селфи», «гуглить», «смартфон», вошедшие в широкое

употребление за последнее десятилетие, являются ярким подтверждением перемен в жизни общества, новых социальных явлений, которые ведут за собой новые средства номинации. Несмотря на кажущуюся очевидность, у исследователей возникает ряд вопросов относительно критериев определения новизны лексической единицы. В рамках лингвистической неологии представляется возможным выделить шесть базовых критериев, которые традиционно принимаются в качестве «исходных точек» для отнесения лексической единицы к категории новых (см. рис. 2).

Рис. 2. Критерии новизны лексической единицы
в рамках системно-структурной неологии

- Первый, *лексикографический критерий* предполагает отсутствие лексической единицы в словарях общеупотребляемой лексики и ее лексикографирование в соответствующих словарях неологизмов (см., например, [Карпович, Малаховский 1978]).
- Второй, *структурный критерий* предусматривает наличие абсолютной формальной структурной новизны, находящей выражение в

уникальных звукосочетаниях, которые воспринимаются как нечленимые, непроизводные, немотивированные единицы. Данный критерий не имеет широкого распространения среди лингвистов, так как представляет достаточно узкую точку зрения на феномен нового слова – неологизма, в поле зрения которой не попадают многие языковые явления.

- Третий, *семантический критерий* предполагает изменения содержания семантических полей уже существующих лексических единиц. Данное явление носит название семантической деривации, результатом которой часто являются так называемые семантические неологизмы – старые слова с обновленными или измененными значениями (см., например, [Черникова 1997; Курасова 2006; Кипарисов 2011]).
- Согласно четвертому, *денотативному критерию* новым словом – неологизмом можно обозначить лишь ранее не существовавшую реалию, явление или понятие (работы О.С. Ахмановой, В.А. Козырева, В.Д. Черняка, см., например, [Козырев, Черняк 2015]).
- Пятый, *пространственно-временной критерий* наиболее ярко представлен в работах Н.З. Котеловой и предполагает своеобразную конкретизацию по временной направленности, жанрам и сферам употребления языка.
- Шестой, *критерий эффекта новизны* (качества новизны, признака новизны, ореола новизны, коннотации новизны) должен вызывать чувство нового у *всех* носителей языка, придавать лексической единице «оттенок свежести и необычности», см. [Шанский 2007]. Зачастую речь идет об «ощущении новизны» – весьма субъективном критерии оценивания лексической единицы (более подробно данный критерий рассмотрен в параграфах 2.2 и 2.3).

Несмотря на ряд спорных замечаний в адрес «ощущения новизны» в рамках системно-структурной неологии, данный критерий зачастую приписывается новому слову в его традиционном лингвистическом

понимании – неологизму и остается одним из наиболее спорных, противоречивых и неоднозначных явлений традиционной лингвистики. Отметим, что такая позиция вызывает немало споров у исследователей в виду отсутствия общепринятого и однозначного определения новизны лексической единицы.

1.2. Проблемные вопросы системно-структурного направления исследования феномена нового слова

На наш взгляд, исследователи в области феномена нового слова, понимаемого в качестве неологизмов в рамках системно-структурной неологии, сталкиваются с тремя проблемами.

Во-первых, как отмечено ранее, значительные затруднения в процесс научного поиска вносит отсутствие четко сформулированного терминологического инструментария. Зачастую, само понятие «нового слова» принимается в качестве научного термина, в то время как, вероятно, оно является лишь универсальной категорией с достаточно широкими границами трактования, включающей в себя то многообразие языковых явлений, к научной систематизации которых стремится лингвистика. Одновременно с этим, часто неологизмы определяются в качестве новых слов, а новые слова в качестве неологизмов, в результате чего возникает «бег по кругу», а загадка феномена так и остается не разрешенной. Очевидна также тенденция определения синонимичных понятий друг через друга: новообразование через инновацию, инновацию через новообразование и другие подобные вариации.

Четкие, всеобще принятые критерии дифференциации понятий отсутствуют, их понимание лингвистами разнится, несмотря на ряд предпринятых попыток, например, в [Волошин 1971; Лопатин 1973; Сенько 1994; Антюфеева 2004; Несветайло 2010]. Данная проблема отмечена, в частности, в работе [Пасечная, Попова 2005]. Отметим, что многочисленные

подходы к проблеме нового слова – неологизма наделяют данное явление определенной спецификой его понимания, при этом наличие широкого синонимичного ряда предоставляет определенную свободу их употребления, что так же, вероятно, вносит некоторую путаницу в понятиях.

В качестве примера приведем линейку понятий «неологизм» – «неолексема» – «неономинация»: при явном отсутствии жестких рамок понимания термина «неологизм» и его наделении различными смыслами (их мы понимаем вслед за Г.И. Богиным как частичную организованность рефлексии [Богин 2001]), удобными в использовании в рамках той или иной теории, исследователями активно применяются такие синонимичные ему понятия, как «неолексема» или «неономинация», которые еще более «размывают» границы понимания данного феномена. Например, в работе [Цыганова 2015: 5] все новые слова (в терминологии автора – лексические новообразования) понимаются в качестве неологизмов, но вместе с тем в связи с «неоднозначностью термина “неологизм”» используется термин неолексема. Данная тенденция может служить источником значительных затруднений при интерпретации явления новых слов в рамках системно-структурной лингвистики.

Во-вторых, недостаточный уровень изученности новых слов – неологизмов в системно-структурном аспекте и наличие ряда неразрешенных вопросов (в частности относительно терминологического ряда, в большинстве случаев не имеющего четких понятийных рамок) подталкивает исследователей обращаться к проблематике когнитивного спектра языкознания, что отчасти вносит путаницу в процесс научного поиска. В этой связи прямое переложение терминологического инструментария, изначально предназначенного для описания новых слов как элемента языковой системы, на процессы речемыслительной деятельности индивида, помогающие восполнить недостающую информацию о данном феномене, вряд ли приемлемо.

Многими исследователями-лингвистами отмечено, что важным фактором отнесения лексической единицы к неологизмам является наличие «ощущения новизны», то есть некоторого весьма субъективного показателя, в основе которого лежит индивидуальное восприятие слова носителем языка, выходящее за рамки системно-структурной лингвистики. Чувство нового является продуктом психической деятельности индивида и вряд ли может рассматриваться в системно-структурном аспекте. Однако в традиционной лингвистической неологии подход к данной проблеме не настолько однозначен: исследователями уделено немало внимания столь трудно поддающемуся описанию и определению «ощущению новизны». В работе [Калинин 2012] говорится об ощущении новизны, в работе [Лыков 1976] упоминается качество новизны, в работе [Сенько 1994] описывается признак новизны, а Большой энциклопедический словарь говорит об эффекте необычности, согласно которому неологизмы – это «новые слова и выражения, необычность которых ясно ощущается носителями языка».

С одной стороны, например, в работе [Попова 2005: 5] подчёркивается, что «ореол новизны у появившейся в языке единицы психологически важен для её отнесения к неологизмам, поскольку этот признак всегда был ключевым понятием неологии и именно те слова, которые им обладали, и воспринимались как новые». На наш взгляд, автор здесь выделяет три ключевых элемента: ореол новизны, психологическую важность и восприятие. Вместе с тем два последних относятся исключительно к индивидуальному, личностному, в то время как понятие «ореола новизны» может трактоваться не столь однозначно и к тому же использоваться в качестве метафоры к системно-структурной новизне. С другой стороны, данный критерий вызывает ряд сомнений, а в некоторых случаях и недоверие учёных, так как он недостаточно конкретизирован, недостаточно точен и при анализе «не даётся в руки» [Лыков 1976: 100].

Попытки объединить в рамках традиционной неологии явления индивидуальной речевой системы (психофизиологической организации

индивида) и языковой системы часто терпят фиаско, так как возникает ряд сопутствующих вопросов, решить которые с помощью инструментария системно-структурной лингвистики вряд ли возможно. Одновременно с этим отсутствие соответствующего инструментария подталкивает исследователей использовать уже имеющуюся терминологию для описания более сложных, психических явлений. Например, в работе [Ермакова 2012: 292] автором отмечено: «новое в языке – неологизмы и новое в речи – окказионализмы». Вероятно, автор имеет в виду способы появления лексических единиц в языковой системе: неологизмы как более общее понятие, а окказионализмы как мгновенные новообразования, возникающие в результате повседневной речевой деятельности человека. Однако как неологизмы, так и окказионализмы являются результатом системно-структурной классификации языковых явлений. Отметим также, что попытки охарактеризовать чувство нового с позиций традиционной лингвистики, придать ему некоторую системную структурированность лишают его психического элемента и делают его умозрительным параметром, что может искажать его природу.

В-третьих, наличие двух диаметрально противоположных направлений исследования языковых явлений может быть свидетельством наличия двух противоположных точек зрения на феномен новизны лексической единицы. С одной стороны, речь может идти о системно-структурной (формальной) новизне, позволяющей по определенным формальным критериям выявить новую лексическую единицу, в случае чего можно говорить о некоторой тенденции освоения языковой единицы обществом или определенном качестве слова, свидетельствующем о его формальной новизне. С другой стороны – о субъективной новизне слова, имеющей прямую взаимосвязь с ментальным лексиконом носителя языка и его жизненным опытом, на основе которых и возникает «ощущение новизны» – чувство нового как психическая реакция на взаимодействие с лексической единицей, ранее не пережитой индивидом и отсутствующей в его языковом опыте (см., например, [Тогоева

1990; 2000б; 2013; 2015; Сазонова 1993; Родионова 1994; Ткаченко 2007; Федурко 2008; Саркисова 2014]).

Отметим, что «ощущение новизны» может быть присуще каждой лексической единице с позиций общей концепции ментального лексикона, так как оно напрямую связано с восприятием слова конкретным носителем языка. С этой точки зрения лексемы, трактуемые в качестве неологизмов в рамках системно-структурного подхода, но усвоенные индивидом в его языковом сознании, подобного ощущения могут не порождать (например, слова «селфи», «смартфон», «гуглить» для современной молодежи). Однако с лингвистической точки зрения подобные лексемы формально продолжают оставаться неологизмом, при этом формальная новизна должна быть апробирована временем, прежде чем данное слово с лингвистической точки зрения перестанет трактоваться в качестве неологизма: «неологизмы, ставшие единицами языка, со временем входят в словари, отражающие актуальное состояние лексики» [Москалева 2008: 249].

Следовательно, новые слова – неологизмы по своей природе могут являться результатом ряда соответствий формальным критериям и отражать системно-структурную новизну (отсутствие в словарях, именование ранее отсутствующей реалии, уникальное звукобуквенное сочетание), в связи с чем они могут пониматься в качестве формального нового слова.

Для обозначения явлений речевой организации индивида использование термина «неологизм», имеющего традиционные лингвистические истоки, вряд ли будет корректным. В ракурсе исследований когнитивного спектра языкознания понятия «новое слово» и «неологизм» не тождественны и, более того, отчасти антонимичны. За отсутствием специального понятия, обозначающего понимание нового слова как элемента речемыслительной деятельности человека, зачастую используются понятия, содержащие в себе некоторый отсыл к новому (лексическая инновация, неолексема, неономинация и др.), однако не дающие прямого указания на

речемыслительный аспект. Поэтому зачастую такие понятия используются и в традиционной лингвистической неологии в качестве синонима неологизму.

Новизна в первую очередь ассоциируется с неологизмом лишь в рамках традиционной неологии, рассматривающей слово в структурно-системном аспекте с позиций его включенности в языковую систему общества. Однако при рассмотрении слова в качестве «живого знания» человека новое слово можно трактовать в качестве языковой единицы, ранее не встречавшейся в языковом опыте индивида (психолингвистическая теория нового слова) (см. [Тогоева 2000б, 2013, 2015]). Такие новые слова в терминах традиционной лингвистики могут включать наряду с неологизмами архаизмы, историзмы, профессионализмы, жаргонизмы и прочие лексемы, давно существующие в языковой системе, однако по той или иной причине не усвоенные конкретным носителем языка. Исследованиям нового слова в индивидуальной речемыслительной деятельности посвящены труды С.И. Тогоевой, Т.Ю. Сазоновой, Т.Г. Родионовой, Н.С. Шумовой, В.В. Петрова, К.З. Чигогидзе, Ю.Ф. Сухоплещенко, Е.М. Поздняковой и других.

Именно поэтому для обозначения лексических единиц, вызывающих «ощущение новизны» и обладающих субъективной новизной, представляется возможным использование терминологии когнитивного спектра языкознания, в частности психолингвистики, посвященной изучению проблемы психического в речи. Таковыми могут являться периферийные единицы, находящиеся за пределами ядра индивидуального лексикона (см., например, [Золотова 2005а; Залевская 2012а], что в дальнейшем нами понимается как *субъективное новое слово*. Периферийные единицы могут содержать субъективную новизну, сопровождающуюся чувством нового, или «ощущением новизны» (см. рис. 3).

Синонимичные названия, такие как «ореол новизны», «коннотация новизны», «качество новизны», «признак новизны», «эффект новизны», могут использоваться как в личностном, так и в системно-структурном аспекте, однако в последнем случае лишь применительно к формальным

критериям новизны (например, «ореол новизны сопровождает лексическую единицу, ранее отсутствующую в словарях»). В такой ситуации исследователю следует отдавать себе отчет в том, что речь идет о формальной (системно-структурной) новизне, но никак не о субъективной новизне, проявляющейся посредством «ощущения новизны». В этой связи уместно говорить о своеобразных метафорах, которые позволяют образно описать явление новизны лексической единицы. Однако их смысловое наполнение будет напрямую зависеть от того направления исследования, в рамках которого рассматривается новизна слова. В свою очередь, «ощущение новизны» содержит прямой «отсыл» к чувствам человека – его психической составляющей и являет собой достаточно конкретный исследовательский феномен.

Рис. 3. Новые слова в разных направлениях исследования лексических единиц

Анализ проблемных вопросов исследования новизны лексической единицы в рамках системно-структурного направления позволяет развить мысль о природе феномена новизны. Наличие одновременно системно-структурной и субъективной новизны может являться свидетельством неоднородности самого феномена новизны лексической единицы: субъективная новизна находит свое проявление в критерии «ощущение новизны», актуализация которого, предположительно, происходит в психологической структуре значения слова, в то время как системно-структурная новизна лексической единицы может проявляется в формальных, системно-структурных критериях новизны лексической единицы. В данном случае говорить об «ощущении новизны» неуместно в виду отсутствия личностного, психического (см. рис. 4).

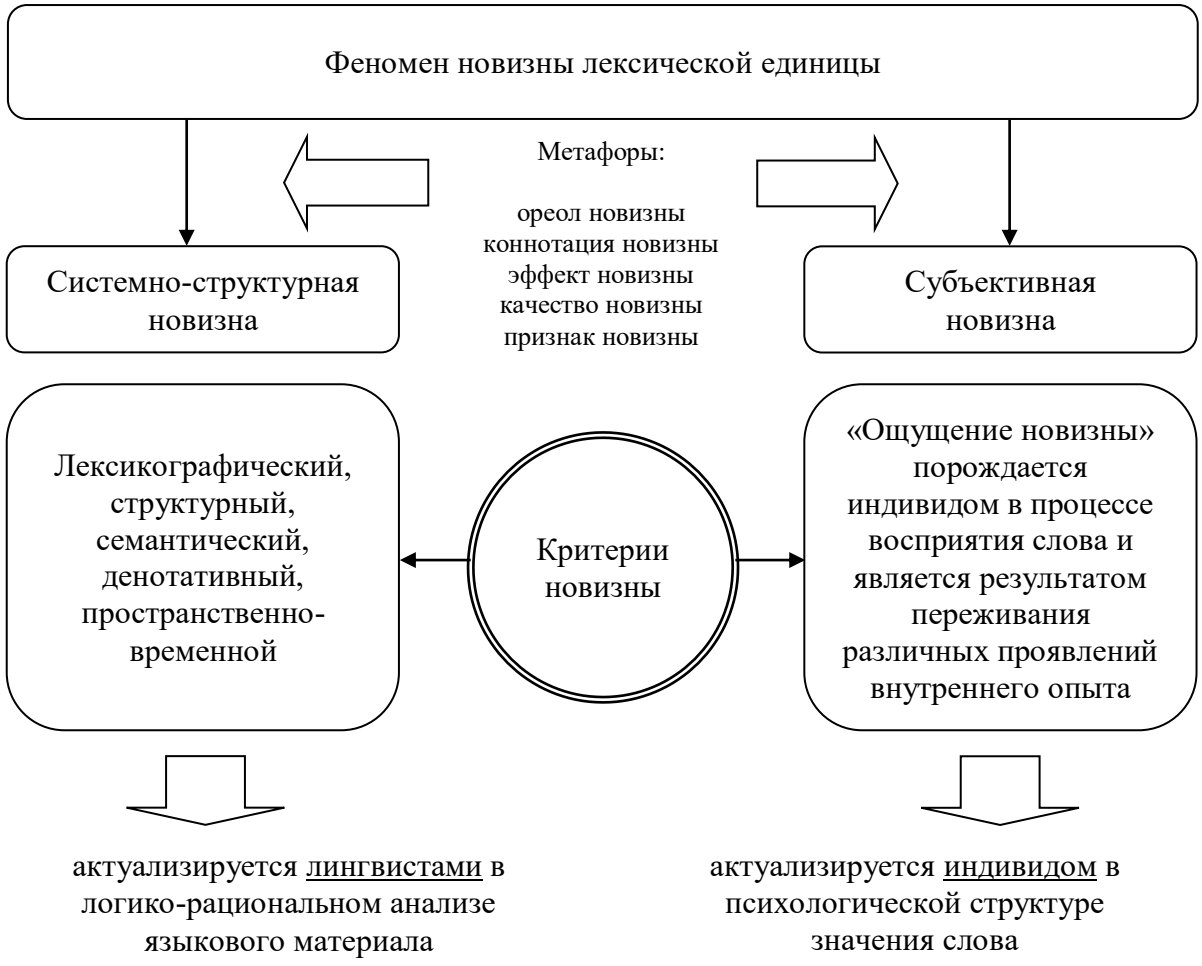

Рис. 4. Интерпретация феномена новизны лексической единицы

Как нами уже замечено, новизна может быть присуща не только новому слову в его традиционном лингвистическом понимании – неологизму, но и, с точки зрения когнитивного спектра языкознания, любому слову, ранее не встречавшемуся в речевом опыте индивида – периферийной единице. Заметим, что новизна представляет собой качество субъективного и относительного характера, приписываемое объективному явлению действительности, «впервые созданному, недавно появившемуся взамен прежнего, недостаточно знакомому, малоизвестному» [Олешков http]. Особенно подчеркнем относительность новизны, так как последняя выявляется не самодостаточно, а относительно ранее имевшегося или не имевшегося явления, и субъективность, так как новизне присуща некоторая оценка относительно прошлого. В ряде исследований, в частности в [Москалева 2008: 246], новизне приписывается свойство историчности, которое, на наш взгляд, может быть своеобразным «дубликатом» относительности (в данном случае – во времени).

В свою очередь отметим, что сравнение и оценка лексических единиц для определения формальной новизны лексической единицы в рамках системно-структурного направления осуществляется на основе метаязыковой деятельности лингвиста, носит умозрительный характер, в котором снимается психическое, в результате чего новизна намеренно объективизируется и приобретает формальные признаки. То есть новизна приписывается лексической единице не на основании собственных переживаний лингвиста, а в результате строгого соблюдения ряда правил, принятых в науке.

При рассмотрении субъективной новизны слова субъективность и относительность, основанные на способности человека сравнивать и оценивать, непосредственно связаны с его психической деятельностью, а значит, являются продуктом сугубо личностного, индивидуального. Именно поэтому в данном случае приемлемо говорить об «ощущении новизны», или чувстве нового, как психическом переживании индивида. В таком случае

«ощущение новизны» можно трактовать в качестве избранной психической реакции организма на внешний речевой стимул, переживание которого ранее отсутствовало / присутствовало в недостаточной степени в опыте, что является импульсом для развития и одновременно пусковым механизмом когнитивного поиска информации в рамках психофизиологического функционирования организма человека. «Ощущение новизны» является своеобразным критерием, по которому можно определить наличие или отсутствие субъективной новизны слова в индивидуальном сознании.

Рассмотрение нового слова с позиций двух разных направлений исследования языковых явлений и четкое разграничение категорий системно-структурного и психического поможет внести определенную ясность в феномен новизны лексической единицы, а исследование периферийных единиц индивидуального лексикона поможет более подробно исследовать природу такого неоднозначного явления, как «ощущение новизны». Более подробный анализ специфики периферийных единиц представлен в параграфе 1.4 настоящей главы.

1.3. Подходы к исследованию новизны лексической единицы с позиций когнитивного спектра языкознания

Исследование субъективной новизны лексической единицы стало возможным благодаря развитию когнитивного направления в лингвистике в общей антропоцентрической парадигме наук о языке. Центральной проблемой данного направления является вопрос о взаимосвязи речи и психики, речи и сознания (труды А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, Л.В. Щербы, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской и других). Проблема новизны лексической единицы для индивидуального сознания является одной из ее составляющих, так как является неотъемлемой частью речемыслительной деятельности человека – посредством нового происходит обогащение индивидуального лексикона

человека, имеющего выход на базовые когнитивные функции речи и мышления.

Анализ литературы позволил сформулировать ряд общих подходов к изучению и интерпретации феномена субъективной новизны лексической единицы в рамках когнитивного спектра лингвистических исследований. Можно выделить психолингвистический, онтолингвистический, лингвокогнитивный и нейролингвистический подходы (см. рис. 5). Рассмотрим их более подробно.

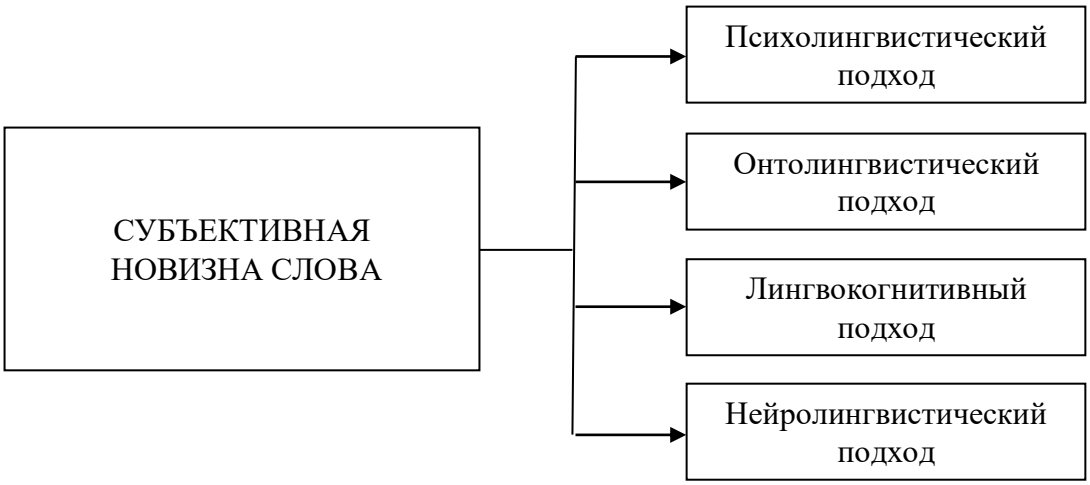

Рис. 5. Подходы к анализу субъективной новизны лексической единицы

В рамках *психолингвистического подхода*, в основе которого заложена психолингвистическая теория нового слова, феномен новизны лексической единицы анализируется относительно языкового опыта индивида. Таким образом, психолингвистическое понимание нового слова опирается на его взаимосвязь с речемыслительной деятельностью отдельно взятого человека, его индивидуальный лексикон. Под индивидуальным лексиконом понимается «самоорганизующаяся динамическая функциональная система, в которой слово имеет значение только благодаря выходу на единую информационную базу (индивидуальный образ мира), без чего оно остается «пустым» (т.е. оказывается простым набором звуков или графем)» [Залевская 2012а: 483]. Изучению специфики функционирования нового слова в рамках психолингвистики, в частности, посвящены исследования С.И. Тогоевой, Ю.В. Федурко, Э.В. Саркисовой.

В работах [Тогоева 1999, 2000б, 2013, 2014а, 2014б, 2014в, 2015] автором последовательно развиваются проблемы психолингвистической неологии. Основными параметрами нового слова для индивида автором обозначены: «ощущение новизны», пространство и время. «Наличие “ощущения” определяется “ощущающим” субъектом, который является точной отсчета, в том числе временной и пространственной. Для человека, воспринимающего, познающего некий объект, новый языковой знак – существует только настоящее время, время восприятия, и точка временного отсчета – было или не было – исчисляется исходя из сиюминутного состояния внутреннего лексикона – из бытия как времени восприятия» [Тогоева 2000б: 56]. По мнению Ю.В. Федурко, новое слово является «информационным импульсом, который интенсифицирует многочисленные связи, отношения между элементами ментального лексикона, вызывает определенные переживания, эмоции, телесные реакции, актуализирует определенный фрагмент опыта» [Федурко 2008: 3]. В работе [Саркисова 2014] автор подробно анализирует стратегии и структурные опоры при идентификации нового слова индивидом и приходит к выводу, что при встрече с незнакомым (новым) словом носителем языка осуществляется обработка получаемой извне информации, которая посылает импульс к различным уровням восприятия и идентификации незнакомого слова.

Особенностью психолингвистического подхода к изучению нового слова является фокусирование на механизмах и способах идентификации незнакомого слова индивидом. Стратегии идентификации незнакомого слова в наиболее общем понимании являются центральным элементом познания специфики феномена новизны лексической единицы в индивидуальном сознании.

В рамках *онтолингвистического подхода* новое слово осмысляется в первую очередь как продукт становления речи человека на ранних этапах его жизни и представляет собой функциональное явление, необходимое для адекватного формирования высшей нервной деятельности человека.

Подобный подход представлен в работах С.Н. Цейтлин, М.М. Барановой, Т.А. Гридиной, Г.Р. Добровой, Н.И. Лепской и других. Отметим, что ракурсы изучения феномена новизны слова в детской речи разнообразны: от системно-фукнционального до когнитивно-дискурсивного. По мнению Т.А. Гридиной, «инновации детской речи отражают операциональность формирующегося языкового сознания ребенка, “соединяющего” когнитивный опыт освоения мира с семантикой языковых форм и значений» [Гридина 2013: 123].

Онтолингвистический подход может рассматриваться в качестве разновидности психолингвистического подхода. Так, в работе [Залевская http] автором отмечено, что на «довербальной стадии онтогенеза у ребенка в различных ситуациях и через разнообразные познавательные действия формируются перцептивно-когнитивно-аффективные опоры, со временем увязываемые с принятыми в социуме именованиями». Таким образом, справедливо можно рассуждать, что лексемы, образуемые ребенком на довербальной стадии своего развития (как способ компенсации дефицита речевого опыта), являются «прасловами» и служат своеобразным речевым трамплином для ребенка. Очевидно, что в процессе овладения речью, присвоения значений лексем вопрос *нового* для него станет более, чем актуальным.

Лингвокогнитивный подход предполагает рассмотрение феномена новизны лексической единицы на базе концепта как основной категории когнитивной лингвистики. Под концептом в данном случае понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении

общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24].

Подобное осмысление, в частности, осуществлено в работе [Атланова 2009], где новое слово понимается в качестве субъективного концепта, т.е. «ментальной единицы концептосферы человека, в содержании которой доминируют субъективные когнитивные признаки» [Атланова 2009: 9]. Проведенный лингвокогнитивный анализ позволил автору прийти к выводу об отсутствии какой бы то ни было общей закономерности по поводу содержания концепта «новое слово» в языковом сознании носителей языка, при этом его содержание определяется преимущественно личным опытом носителя языка и его родом деятельности в определенный период его жизни, то есть отчасти интуитивно, подсознательно.

В основе *нейролингвистического подхода* к исследованию феномена новизны лексической единицы могут быть заложены нейрофизиологические предпосылки для возникновения новизны в индивидуальном сознании. Основанием для такого подхода могут служить исследования в области нейролингвистики (исследования А.Р. Лурии, Т.В. Ахутиной, Е.В. Каширской, Т.В. Черниговской, А.О. Роика, Г.А. Иванницкого, а также зарубежных исследователей: H. Ruthrof, D. Caplan, S. Weisler, C.M. Brown, P. Hagoort, E. Ahlsén, B. Stemmer, H.A. Whitaker и др.), в соответствии с которыми феномен новизны слова для индивида может рассматриваться как продукт внутренних мозговых процессов, лежащих в основе речевой деятельности человека. В данном ключе понимание такого явления, как «ощущение новизны» слова в ракурсе взаимосвязи сознания и телесности более чем актуально.

Междисциплинарные связи таких наук, как психология, лингвистика и нейрофизиология формируют особое когнитивное поле, в рамках которого возможно переосмысление феномена «ощущения новизны» лексической единицы в индивидуальном сознании. Отметим, что данные подходы вряд ли могут существовать вне взаимосвязи друг с другом: они постоянно

пересекаются и дополняют друг друга, что открывает новые возможности для исследований параметра новизны лексической единицы в психологической структуре значения слова (см. параграф 2.1.).

1.4. Периферийные единицы ментального лексикона как основа для формирования новизны слова в индивидуальном сознании

Разграничение ядерных и периферийных зон языковых явлений встречается в языкознании довольно часто: ядро и периферия ментального лексикона (А.А. Залевская, Н.О. Золотова); ядро и периферия языкового сознания (Е.Ф. Тарасов, Т.Н. Ушакова, Н.В. Уфимцева, Е.Н. Гуц); ядро и периферия концепта (И.А. Стернин, З.Д. Попова, О.А. Осадчая). В целом подобные исследования в лингвистике носят название полевых, где исследователями выделяются ядро и периферия при описании различных языковых явлений (функционально-семантическое, номинативно-функциональное, номинативное поле концептов, лексико-фразеологическое, семантическое, лексическое, морфосемантическое, ассоциативное поля). По мнению З.Д. Поповой, полевая структура рассматриваемого языкового явления обладает ядром и периферией, последняя подразделяется на ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии [Попова, Стернин http]. Отметим также, что рядом исследователей отмечается неоднородность самого ядра исследуемых языковых явлений: в нем выделяют также центральные и периферийные, или приядерные (в терминологии О.А. Осадчей), зоны.

В русле настоящего исследования важны результаты исследований в области полевых исследований ментального лексикона (ассоциативные поля). Послойная организация ядра ментального лексикона представлена в работах Н.О. Золотовой, где автором отмечено, что «пространство ментального лексикона представлено ассоциативной сетью с центральной зоной пересечения множества разнонаправленных связей, все более

разрежающихся по направлению к периферии» [Золотова 2005б: 52]. Таким образом, с позиций психолингвистики ядром принято называть достаточно плотную, насыщенную ассоциативными связями совокупность лексических единиц в пространстве ментального лексикона, в то время как периферия отличается рыхлыми и достаточно бедными ассоциативными связями. Сделаем акцент на неоднородности самого ядра, в структуре которого выделяют до пяти слоев исходя из полученного экспериментальным путем количества ассоциативных связей [цит. раб.: 61]. Исходя из данного утверждения можно сделать предположение о неоднородности и периферийных слоев, по аналогии выделив ближайшую, дальнюю и крайнюю периферии в ментальном лексиконе индивида.

Выделение ядерных (центральных) и периферийных зон ментального лексикона стало возможным благодаря развитию теории значения слова и разработке психолингвистической концепции слова как достояния индивида А.А. Залевской [Залевская 2007]. В работе [Золотова 2005а: 8] отмечено, что «психолингвистический критерий выделения ядра основывается на психологическом представлении о связях единиц сознания в психике человека, доступ к которой возможен через ассоциативный эксперимент. Получаемые в эксперименте ассоциации обозначаются словом и отражают степень их актуальности для носителя языка, что и является основанием для разграничения ядра и периферии в пространстве ментального лексикона» [цит. раб.: 8]. При восприятии лексической единицы, не имеющей в сознании индивида закрепленных за ней устойчивых ассоциаций, последняя может быть справедливо отнесена к периферии ментального лексикона. Подобные периферийные единицы, вероятно, и порождают у индивида «ощущение новизны», которое позволяет говорить о том, что данная лексическая единица является *субъективным новым словом* для носителя языка.

Одной из особенностей периферийных единиц индивидуального лексикона является *отсутствие жесткой временной направленности* лексической единицы, в отличие от традиционных неологизмов, имеющих

временную направленность в будущее. На периферии индивидуального лексикона могут быть собраны лексемы различных временных категорий: устаревшие слова (архаизмы), устаревшие реалии (историзмы), специализированная лексика (профессионализмы) или недавно появившиеся в языковой системе слова (неологизмы). Отметим, что периферийные единицы представляют собой не конкретные лексемы, «периферийность» которых универсальна для каждого индивида, а психофизиологическое образование отдельно взятого человека, основанное на его личном пережитом опыте.

Второй особенностью периферийных единиц индивидуального лексикона может быть *принцип варьированности временного интервала*, в течение которого лексема может быть присвоена индивидом, усвоена в его языковом опыте, то есть время, за которое лексема в пространстве ментального лексикона проходит путь от отдаленных, периферийных слоев до более глубинных, ядерных. У разных лексических единиц в зависимости от жизненного опыта индивида период усвоения незнакомой лексической единицы может быть разным как количественно (день, месяц, год), так и качественно (приблизительное понимание, четкое понимание, понимание и использование). Одни и те же лексические единицы могут усваиваться легко и быстро – за считанные недели или месяцы (например, слова «селфи», «гуглить», «лайкнуть», «копипаст» у современной молодежи) или могут вызвать значительные сложности (например, все те же слова, но у лиц более старшего или пожилого возраста, имеющих слабый опыт взаимодействия с современными информационными технологиями, через которые происходит распространение и усвоение этих лексем, или же не имеющих подобного опыта вовсе).

Другим аспектом усвоения лексической единицы является качество ее «встроенности» в активный словарный запас языка: часть лексических единиц усваивается и присваивается индивидом (понимание и активное использование лексемы), часть остается лишь на уровне приблизительного

понимания и в живой речи практически не используется, часть может не пониматься человеком вообще, однако идентифицироваться как слово родного языка.

Третьей особенностью периферийных единиц может быть их *многоуровневый характер*. Данное свойство напрямую связано со структурными особенностями индивидуального лексикона человека как «динамической функциональной системы, самоорганизующейся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская 2007: 258]. Ментальный (индивидуальный) лексикон человека является психофизиологическим феноменом, с помощью которого осуществляется доступ к живому знанию, «через его ядро, единицы которого задействованы в процессах идентификации (опознании) актуальной для человека информации, выводящей в конечном итоге на образ мира, в контексте которого происходит понимание» [Золотова 2005а: 17]. Исследователями подчеркивается неоднородность структуры ментального лексикона, в составе которого наряду с «центром» (ядром) можно выделить «периферию» [цит. раб.: 17]. И если ядро ментального лексикона является достаточно плотной и насыщенной ассоциативными связями структурой, то периферийные слои являются более «рыхлыми» образованиями, ассоциативные связи которых не настолько прочные и отчетливые.

Отметим также, что ядро ментального лексикона формируют слова, усваиваемые в раннем возрасте, значения их достаточно конкретны и эмоционально значимы для человека [Золотова 2005б]. Периферийные слои ментального лексикона формируются в течение всей жизни человека и объединяют менее значимые для человека лексические единицы с менее актуальными образами действительности. Чем ближе лексическая единица к ядру индивидуального лексикона, тем более выражены ассоциативные связи, тем отчетливей и значимей вызываемые образы, и понимание самого слова и стоящей за ним реалии. Одновременно справедливо и обратное: чем

отдаленнее лексическая единица от ядра, тем отчетливей ее степень периферийности, тем менее знакомо и значимо такое слово для индивида.

В контексте исследования субъективного компонента новизны лексической единицы периферийные единицы индивидуального лексикона являются наиболее адекватным экспериментальным материалом, так как позволяют актуализировать «ощущение новизны», возникающее при восприятии незнакомого (нового) слова. Более того, вероятно именно те лексические единицы, которые находятся на периферийных слоях ментального лексикона, и являются источником возникновения чувства нового, так как ассоциативным связям предстоит только вырабатываться. Возможно, именно поэтому эффект новизны, описываемый традиционной лингвистической неологией, вызывает массу вопросов: подчеркнем еще раз, что структурно-системная лингвистика не обладает достаточным инструментарием для анализа психических явлений, к которому можно справедливо отнести «ощущение новизны».

1.5. Анализ критических замечаний в адрес «ощущения новизны» лексической единицы

В параграфе 1.1 нами отмечено, что «ощущение новизны», по мнению многих исследователей-лингвистов, является одним из ключевых маркеров для отнесения лексической единицы к разряду новых в рамках системно-структурной лингвистики. Вместе с тем часто наблюдается ряд критических замечаний, высказываемых в адрес «ощущения новизны». Согласимся с Т.В. Поповой, и вслед за автором условно разделим данные замечания на три группы [Попова 2005]:

1) чрезвычайная субъективность, «психолингвистичность» и, как следствие, зависимость от языкового опыта индивида;
2) быстрая утрата вследствие активного употребления слова или, наоборот, длительность внедрения в языковую систему;

3) недостаточная конкретизация параметра и отсутствие формализованных характеристик.

Несомненно, подобные замечания требуют комментариев. На наш взгляд, необходимо отметить психолингвистическую направленность проблематики данных замечаний, что и вызывает ряд недоумений, а также научный скепсис у ученых-лингвистов. В ходе анализа проблемных вопросов системно-структурного направления исследования новых слов (см. параграф 1.2) нами уже была отмечена тенденция объединения системно-структурного и психолингвистического в рамках традиционной лингвистики, что, несомненно, приводит к ряду затруднений.

На наш взгляд, данные замечания вызваны отчасти тем, что в традиционной лингвистической неологии феномен системно-структурной новизны подменяется феноменом субъективной новизны из-за отсутствия жестких критериев определения нового слова в языковой системе (неологизма) и интуитивных попыток лингвистов данные критерии выработать. В связи с этим неологизм зачастую представляется в качестве некоторого вариативного феномена с «плавающими» границами его осознания, но никак не в качестве строгого научного явления, а вместо разработки критериев системно-структурной новизны слова во внимание принимаются факторы личностного восприятия («ощущения новизны») и оценки лексической единицы без указания субъекта подобного восприятия. Такая спутанность требует осмысления, а отчасти и попытки переосмысления. В связи с тем, что феномен новизны лексической единицы нами анализируется по двум противоположным направлениям, анализ замечаний целесообразно проводить по аналогии.

Во-первых, стремление лингвистов объективировать новизну лексической единицы в рамках языковой системы вызывает справедливые замечания о субъективности и «психолингвистичности» в адрес «ощущения новизны» как феномена психической деятельности человека. Как уже было отмечено, выявить «ощущение новизны» в рамках традиционной неологии

достаточно сложно, так как данное явление напрямую связано с психикой человека, оно пластично и изменчиво. Отличительной особенностью трактовки «ощущения новизны» в лингвистической неологии является его умозрительность, обобщенность, в которой снимается психическое, что искажает природу самого «ощущения новизны». Поэтому осмелимся предположить, что в традиционной неологии речь идет совсем не о психических (познавательных) процессах. Это может быть, с одной стороны, тенденция освоения языковой единицы обществом, с другой стороны, исследователи могут иметь в виду иное качество слова, свидетельствующее о новизне лексической единицы (отсутствие лексической единицы в современных словарях; обозначение нового предмета, явления, реалии или понятия; наличие абсолютной структурной новизны). Таким образом, речь идет о формальной новизне – некотором наборе системно-структурных внешних признаков, которые являются своеобразными маркерами для отнесения лексемы к категории новой.

Кроме того, при исследовании «ощущения новизны» в рамках системно-структурного направления возникает справедливый вопрос об объекте исследования: если в рамках когнитивного спектра языкознания таковым является отдельно взятый носитель языка с его индивидуальным речевым опытом, то в традиционной неологии возникает ряд дискуссий на этот счет. Вопрос о репрезентативности выборки остается открытым, несмотря на ряд предложений учитывать мнение наиболее компетентных носителей языка (лингвистов, филологов, писателей, журналистов) [Попова 2005]. Однако в стремлении снять субъективность подобный подход субъективности не снимает, а наоборот ее усиливает, т.к. она становится профессионально окрашенной. В этой связи обратим внимание, что объектом исследования системно-структурной лингвистики является языковая система *вне носителей языка*, что не предполагает изначально обращения к личностному речевому опыту. Именно поэтому мы считаем справедливым замечание о чрезмерной «психолингвистичности» «ощущения новизны»

неологизма в рамках языковой системы, однако в рамках речевой организации индивида «ощущение новизны» для периферийной единицы более чем уместно.

Во-вторых, замечание о быстрой утрате «ощущения новизны» вследствие частого употребления слова или, наоборот, длительности его приживания [Попова 2005] так же имеет двоякий аспект. С точки зрения отдельно взятого носителя языка в основе «ощущения новизны» заложены психические (познавательные) процессы. В целях исследования введем такое понятие, как «жизнь периферийной единицы» – период, в который только происходит формирование ассоциативных связей, накопление соответствующего опыта взаимодействия с лексемой, присвоение ее значения, т.е. время, пока новизна остается актуальной. Можно предположить, что для каждого слова этот период будет уникальным. Вряд ли возможно установить универсальные временные рамки, в пределах которых любое слово сохраняет свою новизну в индивидуальном сознании. Слово может встроиться в индивидуальный лексикон за день, месяц, год, по прошествии которых оно более не вызовет «ощущения новизны». Данный вопрос нами подробно был рассмотрен в ходе анализа особенностей периферийных единиц (см. параграф 1.4).

С точки зрения традиционной лингвистической неологии аналогичное явление иногда обозначается в качестве «оттенка свежести» нового слова – неологизма [Шанский 2007]. В плане вживания слова в ткань языковой системы отметим, что последняя формируется и трансформируется под воздействием человека и шире – социума, поэтому принцип варьированности временного интервала справедлив как для периферийных единиц индивидуального лексикона, так и для неологизмов языковой системы общества. «Если то или иное слово, даже возникшее недавно, стало всеобщим и общеупотребительным <…> и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм» [цит. раб.: 168]. Добавим, что новизна в традиционной неологии трактуется следующим образом: она содержится

лишь в тех недавно появившихся лексических единицах, которые «окончательно не освоились языком, не влились в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности» [Шанский 2007: 168]. Напротив, слова, недавно появившиеся в языковой системе, но уже не обладающие данными качествами, новизны в себе более не содержат.

Следовательно, употребление понятия «жизнь неологизма» в системно-структурном аспекте также справедливо, что, в частности, отмечено в работе [Пасечная, Попова 2005: 168]: «наиболее важным моментом, характеризующим сущность нового слова, является временной фактор (время появления) слова и связанный с ним фактор новизны слова, ощущение необычности слова всеми говорящими. Период рождения и смерти слова можно зафиксировать более или менее объективно. Однако продолжительность пребывания слов в “статусе нового слова” также является одной из нерешенных проблем лингвистической науки». Отметим, что «ощущение необычности всеми говорящими» может быть лишь тенденцией вживания лексемы в языковую систему. Таким образом, быстро может утрачиваться не только «ощущение новизны» с психолингвистической точки зрения, но и «оттенок свежести» с точки зрения системно-структурной лингвистики, поэтому данное замечание, на наш взгляд, является отчасти необоснованным.

В-третьих, открытым остается вопрос о способе определения наличия «ощущения новизны» для периферийной единицы или «оттенка свежести» для неологизма, на основании которого можно судить о сохранении новизны и относить слово к разряду формально или субъективно новых. Именно в этом ключе замечание о недостаточной конкретизации параметра и отсутствии формализованных характеристик представляется справедливым. Разнообразные теории, существующие в рамках традиционной неологии, как правило, сужают понятие неологизма до одного конкретного аспекта (фиксация слова в словаре, уникальное звукобуквенное сочетание,

обозначение новой реалии) и не позволяют рассмотреть данное языковое явление многогранно, многоаспектно. Накопленные знания требуют переосмысления, и немаловажным здесь является поиск *комплексного критерия*, относительно которого можно определить степень вхождения слова в активный запас языка: употребляемость слова в письменных текстах, его представленность в словарях и интернет-пространстве, наконец, его освоенность носителями языка, которая непременно будет субъективна и «психолингвистична», так как основывается на субъективных данных конкретных людей. Данный вопрос требует дальнейшей проработки в рамках исследований по неологии.

Уместным будет затронуть вопрос о методе выявления «ощущения новизны» периферийной единицы у носителей языка, что может служить своеобразным конкретизатором данного критерия в ракурсе психолингвистических исследований. На наш взгляд, справедливым будет использование метода психолингвистического эксперимента, который приоткрывает доступ к индивидуальному речемыслительному опыту индивида и предоставляет широкий практический материал для дальнейших исследований данного феномена (см. главу 3).

Выводы по главе

1. Принципы выделения новых слов реализуются в зависимости от исследовательских подходов и выбора предмета исследования. Феномен нового слова – комплексное языковое явление, которое даже в системно-структурном аспекте вряд ли можно рассматривать в одном узком ключе, например, с позиции отсутствия лексической единицы в словаре. Отсутствие единого принятого определения понятия нового слова и многочисленные подходы к его трактовке, в основе которых заложен узкий критерий оценивания, вносят определенные затруднения в процесс научного поиска ответов на возникающие вопросы.

2. Понятие «новое слово» выходит за рамки традиционной системно-структурной лингвистики и может трактоваться двояко: с одной стороны, им может выступать неологизм, который является объектом изучения традиционной лингвистической неологии, с другой стороны – периферийная единица, представляющая собой более сложное, психическое образование и являющаяся объектом изучения психолингвистической теории нового слова. Таким образом, возникает триада понятий «периферийная единица – новое слово – неологизм», зеркально отражающая два речевых аспекта: речевую деятельность индивида, проявляющуюся в его речевой организации, и метаязыковую деятельность лингвиста, проявляющуюся в описании языковой системы. Неологизм может отражать лишь структурно-системный аспект языковой единицы (наличие в словарях, частотность употребления, структурная уникальность), в то время как периферийная единица напрямую связана с речемыслительной деятельностью конкретного носителя языка, живым знанием человека.

3. При исследовании новизны можно выделить два противоположных ракурса рассмотрения данного явления. С одной стороны, новизну слова можно рассматривать в структурно-системном аспекте без опоры на носителей языка. В таком случае можно говорить или о тенденции освоении

лексемы, или о некотором наборе формальных признаков, позволяющих отнести лексему к категории новой. В данном случае речь идет о структурно-системной новизне лексической единицы, которая и придает лексеме «оттенок свежести» относительно устоявшихся норм данной языковой системы, т.е. можно говорить о некотором наборе параметров или некотором комплексном критерии структурно-системной новизны в рамках традиционной лексической неологии.

4. Традиционной лингвистической неологии предстоит выработать универсальный критерий системно-структурной новизны – комплекс формальных признаков, на основании которых представится возможным определить принадлежность лексемы к категории новой в рамках логико-рационального подхода. При разработке комплексного критерия формальной новизны, вероятно, стоит учитывать еще и «неформальные» источники письменной фиксации лексемы, например, ее представленность в текстовом интернет-пространстве, так как словари технически не могут отражать всю лексику (она имеет свойство достаточно быстро обновляться).

5. Явление «ощущения новизны» имеет сложную психическую природу и относится к когнитивному спектру языкознания, что вызывает ряд затруднений в ходе работы с ним в рамках традиционной лингвистики. Трактовка природы новизны в традиционной неологии не психологична. В этом и возникает ряд трудностей и противоречий: ограничение нового слова структурно-системным аспектом и одновременно использование понятия «ощущение новизны», относящегося к сфере речевой, психической деятельности индивида, вносит ряд недосказанностей, а отчасти и путаницу. Именно поэтому мы предлагаем разграничивать формальную (системно-структурную) и субъективную (личностную) новизну лексической единицы.

6. Рассмотрение феномена новизны в психолингвистическом аспекте с опорой на конкретного носителя языка и его индивидуальный лексикон позволяет говорить о появлении «ощущения новизны», «чувстве новизны» в качестве психического явления, основанного на пластичном, гибком

психическом процессе восприятия. На наш взгляд, исследование психической природы «ощущения новизны» в восприятии нового слова требует более детальной и глубокой проработки, что отчасти поможет пролить свет на столь сложное и неоднозначное явление в жизни человека.

Таким образом, в первой главе нами рассмотрен феномен новизны лексической единицы в парадигме знаний современного языкознания. Очевиден тот факт, что в научной среде исследователями уделяется большое внимание системно-структурной новизне, в то время как субъективная новизна слова практически не исследуется. В целях систематизации и дальнейшего изучения вопросов новизны слова в индивидуальном сознании нами разработан следующий понятийно-терминологический аппарат, позволяющий упорядочить теоретические представления о феномене новизны лексической единицы:

- *Новизна лексической единицы* – качество субъективного и относительного характера, приписываемое объективному явлению действительности, впервые созданному или недавно появившемуся. Подразделяется на системно-структурную и индивидуальную (личностную) новизну лексической единицы.
- *Феномен / явление новизны лексической единицы* – наиболее общее понятие, используемое для обобщения ряда теоретических положений, в рамках которых возможно исследование нового слова.
- *Новое слово* – универсальное категориальное понятие с достаточно широкими границами трактования, включающее в себя многообразие языковых явлений, к научной систематизации которых стремится лингвистика; его интерпретация напрямую зависит от того научного направления, в соответствии с которым изучается данное явление. В рамках системно-структурной направления языкознания уместно говорить о формальном новом слове (неологизме и соответствующей терминосистеме), в рамках когнитивного спектра языкознания – о субъективном новом слове (периферийной единице).

- *Критерий новизны* – в наиболее общем понимании является внешним признаком, на основании которого производится определение наличия или отсутствия новизны, и подразделяется на критерии для определения формальной и субъективной новизны.
    - *Системно-структурные (формальные) критерии новизны* – совокупность внешних признаков, на основании которых лексической единице приписывается новизна в результате метаязыковой деятельности лингвиста (лексикографический, структурный, семантический, денотативный, пространственно-временной).
    - *Критерий субъективной новизны – «ощущение новизны»* – (1) личностное психическое переживание взаимодействия носителя языка с лексической единицей, не имеющей в сознании индивида закрепленных за ней устойчивых ассоциаций (или имеющей незначительные ассоциативные связи), отражающих степень актуальности слова для носителя языка; (2) избранная психическая реакция организма на внешний стимул, переживание которого ранее отсутствовало / присутствовало в недостаточной степени в опыте, что является стимулом для развития и одновременно пусковым механизмом когнитивного поиска информации в рамках психофизиологического функционирования организма человека.

Глава 2. ПАРАМЕТР НОВИЗНЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

2.1. Специфика междисциплинарного подхода к исследованию параметра новизны лексической единицы

Направление языкознания, к рамках которого изучаются процессы перцептивно-когнитивно-аффективной переработки языкового материала в рамках функционирования психофизиологической речевой организации индивида (психолингвистика, когнитивная лингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика) наряду с логико-рациональным направлением изучения языковых явлений в рамках функционирования языковой системы (традиционная лингвистика) позволяет пересмотреть традиционные представления о новизне лексической единицы как феномене исключительно языковой системы.

Развитие данного направления стало возможным благодаря переосмыслению и интеграции ряда наук о человеке (физиологии, психологии, лингвистики) на протяжении второй половины XIX века и всего XX века. Данная тенденция, в частности, отмечена в работе [Залевская 2007: 12]: «… в настоящее время <…> назрела необходимость взаимодействия более широкого круга научных дисциплин, в том числе нейронаук, культурологии, биологии и т.д., иначе говоря, <…> становится неизбежной интеграция ряда наук о человеке, без чего не удается получить ответы на актуальные вопросы функционирования языка». Отметим, что в свете быстрого развития информационных технологий, накопления колоссальных корпусов данных, а также объективной потребности общества в переосмыслении и развитии, «взаимопроникновение» знаний из разных отраслей является процессом непрерывным и ускоряющимся, что способствует выходу знаний на качественно новый уровень.

Междисциплинарность представляет собой отдельный научно-социальный феномен и является самостоятельным объектом изучения науки. Особенно можноотметить работы L. Aposter, J. Piaget, R.Miller, Stember, M.A. Boden, P. Thagard, G. Origgi, F. Darbellay, K. Huutoniemi, R. Frodeman, J.T. Klein, C. Mitcham. Одной из первых осмысленных работ по изучению междисциплинарности стала коллективная монография Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities (1972), в которой впервые были разработаны основы типологии и критерии междисциплинарности. В последующие десятилетия интерес к данной проблематике усиливается. В работе [Федорова 2014] автор описывает пять типов междисциплинарного взаимодействия наук, которые могут также подразделяться на более мелкие подвиды:

- *интрадисциплинарность*, или полное отсутствие интеграции наук, предполагает изолированное друг от друга существование дисциплин;
- *кроссдисциплинарность* предусматривает частичное заимствование положений одной дисциплины для решения задач второй дисциплины, при которой теоретический, эмпирический или методологический инструментарий последней является не в полной мере достаточным для решения текущих задач исследования;
- *мультидисциплинарность* предполагает «механистическое сложение научных достижений каждой из <…> дисциплин для решения какой-либо задачи, актуальной для обеих (каждой – прим. авт.). Однако никакого реального научного общения между представителями дисциплин <…> и, как следствие, никакого расширения дисциплинарных рамок <…> не происходит; более того, каждая наука продолжает использовать свои собственные методы и строить свои собственные модели» [цит. раб.: 9];
- *интердисциплинарность* предполагает интеграцию дисциплин и принципиальное обновление теоретической, эмпирической или методологической базы в результате синтеза новых знаний; по мнению

О.В. Федоровой, именно интердисциплинарная форма взаимодействия наук может являться источником появления новых направлений и в таком ключе актуально использование популярной метафоры «на стыке наук».

- *трансдисциплинарность* является высшей и отчасти «идеальной» степенью интердисциплинарного взаимодействия, при которой происходит абсолютное взаимопроникновение и слияние дисциплин в новую дисциплину с качественно иной теорией и методологией, таким образом, прежние дисциплины, из которых произошло подобное слияние, исчезают.

В рамках дальнейшего переосмысления феномена междисциплинарности, например, в коллективной монографии [Бажанов, Шольц 2015] некоторые авторы отмечают, что «трансдисциплинарность характеризует такие исследования, которые идут через, сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы конкретных дисциплин <…>. Трансдисциплинарные исследования характеризуются переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, разработкой и осуществлением совместных проектов исследования, связанных с переносом таких схем» [Князева 2015: 283].

Изучение языковых явлений в рамках перцептивно-когнитивной переработки языкового материала стало возможным благодаря междисциплинарным механизмам взаимодействия наук о человеке, а также развитию когнитивной науки в целом, объединяющей психологию, лингвистику, антропологию, компьютерную науку, философию, нейронауку (см, например, определение в [Thagard http]). В работе [Gardner 1985] автор отразил взаимосвязи данных дисциплин: на рис. 6 они отображены сплошными (сильные связи) и прерывистыми (более слабые связи) линиями. В рамках текущего исследования, предметом которого выступает индивидуальная новизна лексической единицы, особый интерес представляет

когнитивное поле «психология – лингвистика – нейронаука», в рамках которого анализируется и осмысляется рассматриваемое явление.

Как можно увидеть в представленной схеме, данные дисциплины имеют между собой достаточно прочные связи. В связи с тем, что нейронаука является так же междисциплинарной отраслью знаний и включает в себя многие области (биология, химия, физика, медицина, информатика и др.), в рамках данного исследования субъективная новизна лексической единицы рассматривается с позиций основных положений нейрофизиологии, которая входит в состав нейронаук, однако является составляющей такого классического научного блока, как физиология (см. рис. 7).

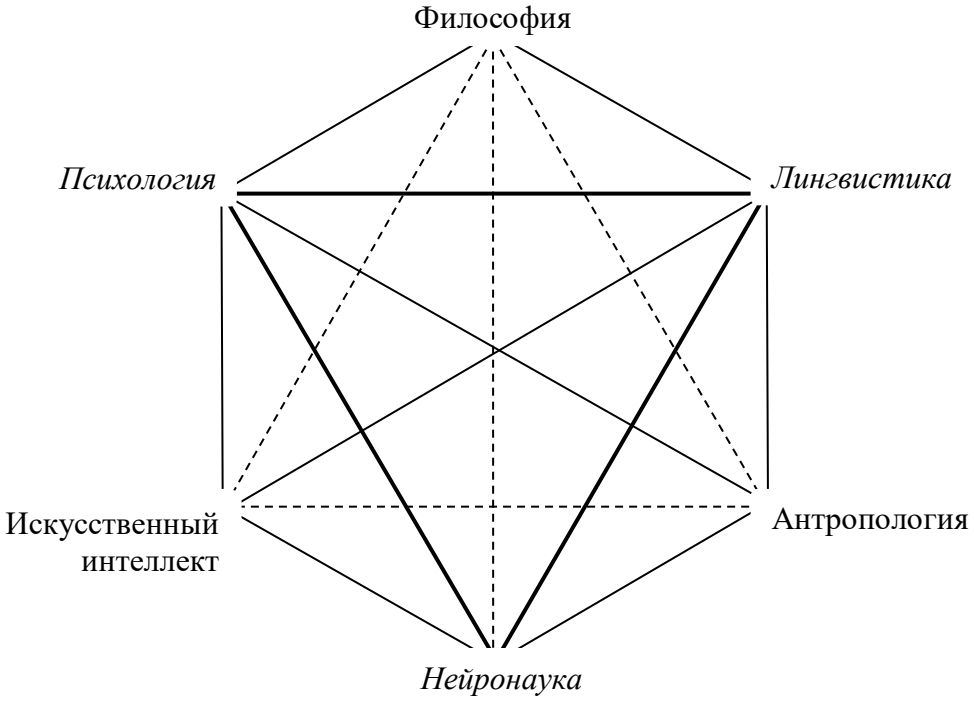

Рис. 6. Когнитивное поле для исследований новизны лексической единицы по [Gardner 1985: 37]

Оговоримся, что представленная схема на рис. 7 является лишь условным представлением взаимодействия научных дисциплин и не претендует на исчерпывающую модель взаимосвязей, а лишь отражает авторское представление о возможных междисциплинарных взаимодействиях между рассматриваемыми теоретическими положениями смежных дисциплин в рамках исследования субъективной новизны слова.

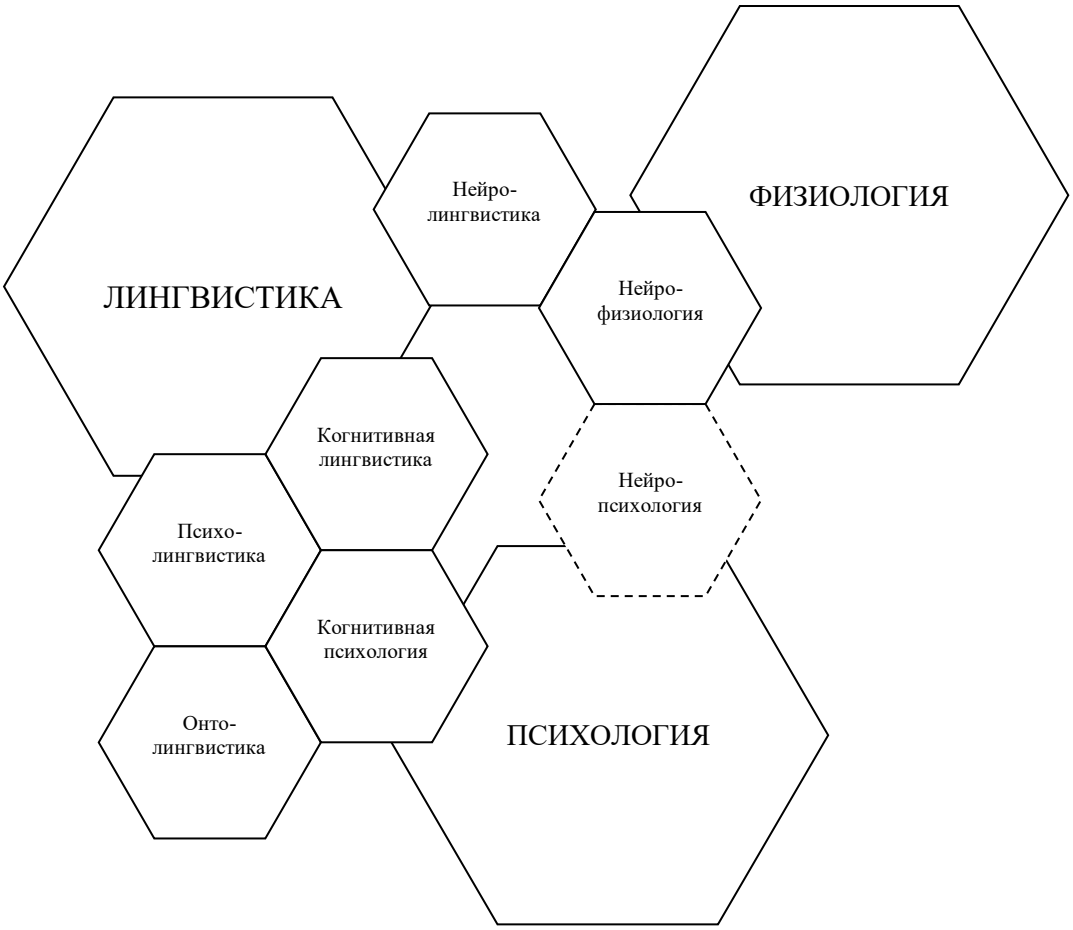

Рис. 7. Визуализация междисциплинарного подхода
к исследованию субъективной новизны лексической единицы

Подобный подход к изучению новизны слова в индивидуальном сознании приводит нас к исследованию вопросов функционирования базовых психических (познавательных) процессов, выявлению природы и специфики «ощущения новизны», психофизиологических предпосылок возникновения чувства нового у индивида, а также теоретическим вопросам исследования психологической структуры значения слова, ее параметров и роли внутреннего контекста в процессе идентификации лексических единиц носителем языка.

2.2. Роль восприятия в возникновении субъективной новизны лексической единицы

Новизна лексической единицы в индивидуальном сознании тесно сопряжена с таким явлением, как «ощущение новизны». Более того, именно последнее является продуктом речемыслительной деятельности и выступает в качестве критерия субъективной новизны лексической единицы. Исследуя феномен новизны в индивидуальной речемыслительной деятельности особенно важным представляется отметить его взаимосвязь с базовыми психическими процессами восприятия, функциональным продуктом которых выступает субъективная новизна.

«Ощущение новизны» нами понимается в качестве личностного психического переживания взаимодействия носителя языка с лексической единицей, не имеющей в сознании индивида закрепленных за ней *устойчивых* ассоциаций или имеющей незначительные ассоциативные связи, отражающих степень актуальности лексической единицы для носителя языка. Отметим, что само понятие «ощущения новизны» нами понимается в переносном смысле, поскольку ощущения имеют физиологическую природу (см. таблицу 1).

Таблица 1. Некоторые определения понятия ощущения

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Петровский 1976: 229]	Ощущение	«простейший психический процесс, состоящий в отражении отдельных свойств предметов и явлений материального мира, а также внутренних состояний организма при непосредственном воздействии материальных раздражителей на соответствующие рецепторы»
[Немов 1999: 166]	Ощущение	«осознаваемый, субъективно представленный в голове человека или неосознаваемый, но действующий на его поведение продукт переработки центральной нервной системой значимых раздражителей, возникающих во внутренней или внешней среде»
[Лекторский 2001: 115]	Ощущение	«элементарное содержание, лежащее в основе чувственного знания внешнего мира, “кирпичик” для построения восприятия и иных форм чувственности»

Таблица 1. (Продолжение)

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Лурия 2006: 99]	Ощущение	«позволяют человеку воспринимать сигналы и отражать свойства и признаки вещей внешнего мира и состояний организма. Они связывают человека с внешним миром и являются как основным источником познания, так и основным условием его психического развития»

Анализ определений свидетельствует о том, что ощущения по своей природе отражают лишь отдельно взятые свойства раздражителя (например, яркость света), что не позволяет им отражать предмет или явление в целом. В ракурсе исследования феномена субъективной новизны «ощущение новизны» может лишь отражать отдельное свойство лексической единицы, воспринятой в качестве новой.

Традиционно принято классифицировать ощущения по пяти основным видам модальностей: слуховой, зрительной, вкусовой, обонятельной и осязательной. Вместе с тем это не исчерпывающая классификация, а лишь часть более крупной, отражающая так называемые экстрацептивные ощущения, то есть те ощущения, которые позволяют организму «считывать» информацию из внешнего мира. Наряду с ними в науке выделяют также интроцептивные (состояние внутренней среды организма, регуляция гомеостаза обменных процессов в организме) и проприоцептивные (информация о положении тела в пространстве, ощущение равновесия) ощущения [Лурия 2006: 104-108]. Исходя из представленной общей классификации ощущений очевидным становится факт непричастности «ощущения новизны» к таковым.

В этой связи представляется важным отметить принципиальное различие между научным и ненаучным (бытовым) употреблением понятия ощущений. В повседневной речи ощущения часто понимаются в качестве переживаемых внутренних эмоциональных состояний индивида, например: «Огоньки свечей создавали *ощущение* уюта, которое усиливалось расставленными повсюду цветами» (С. Моэм). Однако с научной точки

зрения ощущения имеют исключительно физиологический характер, о чем говорилось выше. Когда речь идет об «ощущении новизны» лексической единицы, в данном случае понятие «ощущение» может быть использовано для индикации именно психологического, а не физиологического состояния индивида. Отметим также, что «ощущение новизны» лексической единицы напрямую не связано с физиологическими ощущениями, однако физиология здесь, тем не менее, присутствует, о чем свидетельствуют исследования по нейропсихологии, внимание которых сосредоточено на проблемах речевого и буквенного гнозиса. Данным вопросам посвящены, например, многочисленные исследования движения глаз в ходе восприятия письменного текста (А.Л. Ярбус, P.D. Allopenna, J.S. Magnuson, M.Arai, S. Brown-Schmidt, R.Cooper, Z.M. Griffin, J.K. Bock, V. Marian, A. Weber).

На наш взгляд, возможно также предположение относительно *двойственности проявления «ощущения новизны»*. С одной стороны, речь идет о физиологическом представительстве в виде электрической активности нейронных сетей головного мозга, о чем речь пойдет дальше. С другой стороны – о психическом элементе, представленном исключительно в сознании индивида, его субъективном опыте, недоступном непосредственному наблюдению извне (first person experience). По мнению К. Фрита, мозговая активность служит лишь индикатором психической активности, своеобразным объективным маркером субъективного психического опыта. Однако мозговая активность и психический опыт не тождественны: «имея в распоряжении соответствующее оборудование, я, вероятно, смог бы найти в своем мозгу нейрон, активизирующийся только тогда, когда я вижу синий цвет. Но <…> эта активность и синий цвет не одно и то же» [Фрит 2010: 29]. Данные рассуждения справедливы также и для «ощущения новизны» лексической единицы, поскольку само «ощущение» возникает как процесс и продукт психической активности, в то время как мозговая активность является лишь ее объективным маркером.

Отметим, что «ощущение новизны» возникает не как отдельно взятое свойство окружающей (языковой) действительности, а в результате функционирования организма человека как интегральной системы, каждый элемент которой вносит свой определенный вклад. Особую роль здесь выполняет восприятие как один из базовых психических процессов, проблема взаимосвязи которого с языком и мышлением уходит своими корнями в Античность (учение Платона и Аристотеля). Проблему восприятия в своих трудах исследовали Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант, Дж. Беркли, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм и другие. Несмотря на разницу в существующих взглядах, не вызывает сомнения сложная природа восприятия, объединяющая в себе рациональное и чувственное начала.

Современная психология восприятия, представленная в работах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.А. Запорожца, В.П. Зинченко, Б.М. Величковского, рассматривает восприятие как активный творческий процесс познания, а также как непрерывный когнитивный процесс извлечения информации из окружающего мира. По мнению А.Р. Лурии, «признание восприятия сложной познавательной деятельностью, опирающейся на известные вспомогательные средства и протекающие при ближайшем участии языка, в корне меняет классические представления о восприятии как о непосредственно протекающем процессе, в основе которого лежат относительно простые естественнонаучные законы» [Лурия 1974: 4].

Проблема восприятия в языкознании отражена в работах Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Е.С. Кубряковой. Связь языка и феномена восприятия прослеживается в исследованиях простейших ощущений до семантики слов. По мнению И.Н. Ивашкевича, «поиски закономерностей получения, обработки и хранения знаний, приобретаемых в результате чувственного восприятия и жизненного опыта, и изучения языковых форм, в которых происходит объективация этих знаний, стали приоритетными задачами когнитивной парадигмы научного знания» [Ивашкевич 2012: 167].

Восприятие является достаточно сложным для определения феноменом психической деятельности. Ч. Осгуд термин «восприятие» относит к набору переменных, которые находятся между сенсорной стимуляцией и осознанием [Осгуд 2002]. В работе [Петровский 1976: 250] автор определяет восприятие как «отражение в сознании человека предметов или явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств», однако в отличие от ощущений восприятие отражает предмет в целом, в совокупности его свойств. При этом восприятие не может быть сведено к сумме отдельных ощущений и представляет собой качественно новую ступень чувственного познания мира.

Восприятие лексической единицы является процессом двунаправленным и зависит, с одной стороны, от конкретного раздражителя, с другой стороны – от воспринимающего субъекта. «Воспринимает не изолированный глаз, не ухо само по себе, а конкретный живой человек, и в восприятии всегда в той или иной мере сказываются особенности личности воспринимающего, его отношение к воспринимаемому, потребности, интересы, устремления, желания и чувства человека» [цит. раб.: 253]. «Ощущение новизны» можно справедливо понимать в качестве «чувства новизны», которое возникает в результате восприятия слова как элементарной единицы речевой деятельности в ходе индивидуального взаимодействия человека с данной языковой единицей.

По мнению Ч. Осгуда, восприятие проявляется в тех случаях, когда «внутренний опыт меняется, несмотря на постоянство лежащих в его основе сенсорных событий, и когда внутренний опыт оказывается постоянным, несмотря на изменения сенсорных процессов» [Осгуд 2002]. В этой связи отметим две ключевые особенности восприятия:

во-первых, восприятие зависит от прошлого опыта человека; при восприятии какого-либо предмета или явления происходит активизация прошлого опыта восприятия, поэтому одно и то же явления или слово может восприниматься и воспроизводиться по-разному различными людьми в

зависимости от их субъективного опыта: чем больше человек знает, тем шире его опыт и богаче восприятие, и тем больше он поймет, узнает, увидит, услышит;

во-вторых, в виду того, что основой восприятия служат временные нервные связи, которые образуются в коре больших полушарий головного мозга при воздействии на рецепторы предметов или явлений окружающего мира, в ядрах корковых отделов анализаторов идет сложный анализ и синтез комплексных внешних раздражений; таким образом, восприятие является сложной формой аналитико-синтетической деятельности мозга, без которой невозможно осмысленное понимание воспринимаемого слова и стоящего за ним явления.

Отметим также такое явление, как установка в восприятии, которое оказывает непосредственное влияние на идентификацию слова. Экспериментальным путем выявлено, что при наличии исходной установки, осмысленной или подсознательной, восприятие лексических единиц трансформируется под ее воздействием, принимая заданную направленность. В работе Е.М. Сийполы отмечено, что даже бессмысленные слова, похожие по внешнему виду на осмысленные слова определенных заданных категорий, заранее озвученных испытуемым, наделялись соответствующими признаками данных категорий (sael – seal – sail) [Сийпола 2002]. Подобные установки могут искажать восприятие лексических единиц, делась их более очевидными для индивида, чем есть на самом деле.

В связи с тем, что восприятие является продуктом сложной аналитико-синтетической деятельности мозга, в процессе которой участие принимают все психические процессы (внимание, память, мышление и другие), происходит апелляция к субъективному опыту индивида. При недостаточных выработанных нервных связях незнакомая иностранная речь/ текст воспринимается как сплошной звуковой/ буквенный поток, поскольку полученные мозгом аудиовизуальные сигналы не оформляются в отдельные слова с их значениями. Данное утверждение отчасти справедливо и для

незнакомых слов родной языковой системы, значения которых не известны, не понятны человеку ввиду отсутствия ранее пережитого опыта взаимодействия с этим словом, который позволил бы сформировать нервные связи, необходимые для узнавания данного слова. В отсутствии подобных устойчивых нервных связей возникает «ощущение новизны», сохраняющееся до момента их частичного или полного формирования в процессе узнавания и присвоения значения слова индивидом.

Дальнейшие рассуждения о природе «ощущения новизны» в индивидуальном сознании стали возможны благодаря концептуальным идеям психолингвистической науки (работы Л.В. Щербы, Л.С. Выгодского А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева и других), концепции «живого знания» А.А. Залевской, в соответствии с которым слово рассматривается как «средство доступа к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры» [Залевская 2014: 7], а также исследованиям в области психолингвистической теории нового слова С.И. Тогоевой.

В работе [Тогоева 2000б: 44-45] отмечено, что «вопрос о “новизне” слова логично решать именно в аспекте его восприятия индивидуальным сознанием и в нескольких языковых пространствах <…> новое слово, воспринимаемое носителем языка, также стимулирует процесс нахождения знаний (информации) в памяти, но имеет определенную специфику». На наш взгляд, «ощущение новизны» можно трактовать в качестве избранной психической реакции организма на внешний стимул, переживание которого частично или полностью ранее отсутствовало в опыте, что может являться стимулом для развития и одновременно пусковым механизмом когнитивного поиска информации в рамках психофизиологического функционирования организма человека.

В работе [цит. раб.: 44] также отмечено, что «”ощущение новизны” не может быть ничем иным кроме “субъективного, индивидуального

ощущения”, но характер этого ощущения становится объективным в том случае, если большая часть носителей языка в определенный момент времени ощущает его. Невозможно механистически привносить данный критерий без учета всех механизмов восприятия человеком слова как значащей единицы в процессе коммуникативной деятельности. Исследовать “ощущения” нельзя иначе как в процессе изучения именно носителя языка и его индивидуального лексикона».

На наш взгляд, «психолингвистичность» является неотъемлемым свойством «ощущения новизны», что вносит определенную сложность при работе с ним в рамках лингвистических подходов, которые не обладают соответствующим инструментарием для исследования данного явления. Попытки унифицировать данный параметр без учета его отнесенности к психическому вносит еще бóльшую неопределенность и путаницу в природу «ощущения новизны». Вместе с тем рассмотрение данного феномена с позиций когнитивных наук позволяет выделить ряд особенностей:

- «ощущение новизны» является объективным критерием субъективной новизны лексической единицы, поскольку отражает внутренний, психических опыт индивида, недоступный объективному наблюдению извне;
- субъективная новизна отражается в психофизиологической организации индивида и может быть представлена отсутствующими закрепленными нейронными связями в головном мозге;
- «ощущение новизны» непосредственно не физиологично, оно имеет весьма опосредованное отношение к базовым модальностям ощущений;
- субъективная новизна является результатом сложной аналитико-синтетической деятельности нервной системы в результате переживания взаимодействия индивида со слабо ассоциирующейся лексической единицей;

- «ощущение новизны» представляет собой комплексный продукт психического процесса восприятия индивидом познаваемой действительности.

2.3. Психофизиологические предпосылки возникновения субъективной новизны лексической единицы

Попытки исследовать и проанализировать природу «ощущения новизны» лексической единицы как личностного психофизиологического переживания привели нас к проблеме мозгового представительства механизмов речевой деятельности. В свете развития нейролингвистики (в частности благодаря работам А.Р. Лурии), корпореальной теории значения слова Х. Рутрофа, интерфейсной теории значения слова А.А. Залевской исследование физиологического представительства «ощущения новизны» слова в индивидуальном сознании представляется особенно интересным и актуальным в контексте современных научных взглядов.

Исследование проблематики мозговых механизмов высшей нервной деятельности человека, и в частности речевой организации как неотъемлемой ее составляющей, прошло долгий путь и позволило накопить колоссальный эмпирический материал для формирования выводного, теоретического знания в смежных областях науки. Проблемам функционирования механизмов высшей нервной деятельности посвящены работы таких исследователей, как Г. Мэгун (1958), Г. Уолтер (1963), А.Р. Лурия (1973, 1976), К. Прибрам (1975), П.К. Анохин (1979), Ф. Блум (1988), Н.П. Бехтерева Н.П. (1988), К. Фрит (2007) и другие.

При исследовании психофизиологических предпосылок возникновения «ощущения новизны» мы предлагаем некоторые возможные маркеры рассмотрения данного феномена в нейролингвистическом аспекте. Отметим, что степень достоверности приводимых сведений по данному вопросу обеспечивается теоретическими положениями нейрофизиологии. Данные

нейрокогнитивных наук нам служат исходным, по определению достоверным материалом, на основании которого нами выстаиваются предположения о психофизиологической природе «ощущения новизны».

Как нами уже было отмечено ранее, физиологически «ощущение новизны» может быть представлено отсутствующими или слабо выраженными связями между нервными клетками головного мозга – нейронами. Однако когнитивный поиск информации приводит к образованию новых связей, следствием чего является закрепление новой информации в психике человека. В этой связи предположение относительно физиологического представительства «ощущения новизны» лексической единицы представляется более чем справедливым. В целом идея о мозговом представительстве языка и речи не нова: развитие нейролингвистических идей восходит к началу XX века и достаточно четко обозначается в работах И.М. Сеченова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Н.И. Жинкина, В.А. Богородицкого, А.Р. Лурии и других.

В работе [Бодуэн де Куртенэ 1963: 65] автором отмечено, что «все психические явления существуют только с живым мозгом и вместе с живым мозгом исчезают». При изучении природы языка И.А. Бодуэн де Куртенэ большое значение придавал взаимосвязи языковых механизмов и мозговой деятельности человека. Интересна также и мысль Н.В. Крушевского относительно физиологической природы слова: «слово, рассматриваемое физиологически, есть ряд разнообразных групп рефлексов говорильного механизма» [Крушевский 1998: 108].

В наиболее приближенном понимании «ощущение новизны» является одним из функциональных компонентов речемыслительной деятельности и интегрировано в ее механизмы, поэтому не может рассматриваться как отдельный феномен, но как часть общего процесса. «Ощущение новизны» является маркером знакомости / незнакомости лексической единицы для индивида, однако подобные маркеры в «пространстве» мозга выражены ничем иным, как синаптическими связями. В работе [Прибрам 1975: 17],

высоко оцененной в свое время А.Р. Лурией, отмечено: «То, что нервная система фактически действует посредством импульсов, хорошо известно. Существование нейроэлектрических состояний мозга также было установлено, но доказательства их существования были получены не сразу, и понимание их значения для изучения поведения приходило лишь постепенно даже в нейрофизиологии». В исследовании [Блум 1988: 37] автор отмечает, что «отдельные нервные клетки, или нейроны, выполняют свои функции не как изолированные единицы, подобно клеткам печени или почек <…> они получают сигналы от каких-то других нервных клеток и передают их третьим. Передающие и принимающие клетки объединены в нервные цепи или сети». Речь идет о нейронных ансамблях, внутри которых формируются синаптические связи, служащие основой сознания и познания окружающей действительности, включая внутренние состояния психики и организма.

Подобная нейронная активность, или «биологическое электричество», может служить основой для психических процессов в целом и речевой организации в частности. Данная активность обеспечивается благодаря функционированию мозговых центров речи – «специализированных структур коры и подкорковых образований, которые ответственны за способность произносить и понимать речь» [Марютина 2004: 138]. В данном случае речь идет об определенных зонах коры больших полушарий: центре Вернике, отвечающем за фонематический слух, и зоне Брока, обеспечивающей моторную организацию речи.

Отметим так же, что Н.П. Бехтеревой и ее сотрудниками экспериментальным методом установлены *электрофизиологические корреляты речевых процессов* [Бехтерева 1988]. Относительно данных исследований импульсной активности нейронов человека при восприятии различных акустических стимулов в работе [Марютина 2004: 146] отмечено следующее: «были выявлены некоторые общие принципы акустического кодирования слова в структурах мозга, показано, что импульсная активность нейронных популяций, а также нейродинамические перестройки в различных

звеньях системы восприятия закономерно связаны с акустическими характеристиками речевого стимула <…> с помощью электрофизиологических методов установлен ряд общих закономерностей пространственно-временной организации нейронных ансамблей и динамики биоэлектрической активности, сопровождающих восприятие, обработку и воспроизведение речевых сигналов у человека». Следовательно, при акустико-визуальном восприятии индивидом лексической единицы, вероятно, происходит «рождение» некоторых импульсов, которые могут служить своеобразным сигналом о «незнакомости» слова, что и порождает «ощущение новизны».

На этот счет интересной представляется версия натурализации порождения и восприятия речи, представленная в работе П.П. Дашинимаевой. Предложенная версия основывается на выводных знаниях нейронаук об особенностях функционирования нейронов. «Познать особенности функционирования нейрона – значит увидеть, что находится под “айсбергом”, то есть под внешней речью» [Дашинимаева 2009: 192]. За основу автором приняты базовые постулаты о функциональной, межполушарной асимметрии мозга и специализированных клетках нервной системы – нейронах. Согласимся с П.П. Дашинимаевой и приведем основные теоретические предпосылки нейронной активности:

- необходимым условием продуцирования и рецепции высказывания является анимирование (активация) нейронов посредством видоизменения своей структуры, при этом активация нейрона происходит в результате разрядов электрических импульсов, посредством чего нервная клетка получает нужные для своей жизнедеятельности вещества – метаболиты;
- хранения формальных языковых ярлыков происходит отдельно от их семантического содержания, при когнитивной активации соответствующие нейроны соединяют обе стороны, в результате чего образуются ассоциативные связи;

- нейроны функционально дифференцированы, поскольку информация обрабатывается последовательно – от нейрона к нейрону, формируются группы нейронов, связанные определенной функцией;
- процессы говорения и понимания речи осуществляются благодаря активации функциональных нейронных ансамблей (пучков), сформированные посредством импульсной активности нейронов;
- идентификация слов происходит благодаря нейронам «узнавания», или функционально сгруппированным пучкам нейронов, функционально ориентированных на распознавание слов в соответствии с хранящейся в их «базе данных» информацией;
- нейроны являются не реактивными, а активными клетками головного мозга, так как начало их деятельности связано не с отдельной реакцией на определенный стимул (внешних импульсов), а они сами посылают импульсы для достижения необходимого результата;
- модификация нервных клеток, их перестроение в отсутствии поведенческого акта (активности нервной клетки) называется системогенезом и означает в наиболее общем понимании гибель нервных клеток в результате их не востребованности (процессы забывания) и возрождение в результате нового когнитивной работы [Дашинимаева 2009: 193-195]

Наряду с классическими работами в области нейрофизиологии и нейролингвистики можно отметить также ряд более поздних концепций, в частности, нейрофизиологическую модель когнитивного пространства и концепция информационного синтеза А.М Иваницкого [Иваницкий 1984], «теория прожектора» Ф. Крика, согласно которой нейронные процессы, попадающие под луч прожектора внимания, определяют содержание нашего сознания [Crick 1984], механизм повторного входа возбуждения в нервные структуры Дж. Эделмана [Edelman 1987]. Особый интерес представляют нейроны новизны, которые отличаются от других нейронов той особенностью, что их фоновая импульсация возрастает при действии новых

стимулов разной модальности. Данная концепция особенно получила развитие в работах психофизиологической школы Е.Н. Соколова [Соколов 1981].

В свете теории информационного синтеза относительно функционального значения психических переживаний в работе [Иваницкий http] отмечено, что «<…> психические феномены содержат интегрированную оценку ситуации, способствуя тем самым выбору поведенческого ответа. Элементы обобщения содержатся в самых простых психических феноменах, таких как ощущение. При мышлении информационный синтез включает не только соединение, но и перекомбинацию уже известных сведений, что и лежит в основе нахождения решения». По мнению А.М. Иванницкого, восприятие сигнала является многокомпонентным и включает информацию о физических свойствах сигнала, поступающую от органов чувств; информацию о мотивации субъекта и его предшествующем опыте, которая содержится во внутренних структурах головного мозга и отражается на воспринимаемом событии и может быть с ним связана; а также результат синтеза полученной от разных источников информации в единый образ объекта или явления внешнего мира [цит. раб.].

Взаимосвязь нейронной активности и функционирования глубинных механизмов головного мозга с речью и мышлением отмечена также в работе Дж. Фельдмана «От молекулы к метафоре» (2006), где проводится системное и последовательное описание нейронной теории языка (neural theory of language), разработанной в Массачусетском технологическом институте. Проблематика работы настолько широка, что автор отмечает необходимость создания унифицированной когнитивной науки (Unified Cognitive Science) – очередное подтверждение о важности междисциплинарного подхода к исследованию феномена «живого языка». Предложенная автором нейронная теория языка представляет современные компьютерные модели устройства сложнейшего биологического механизма – мозга с использованием современных методов и методик исследования [Feldman http].

Столь пристальное внимание исследователей к проблемам построения нейронных моделей функционирования речемыслительной деятельности свидетельствуют о возрастающей важности и углублении данных исследований. В работе [Дашинимаева 2009: 191] тонко подмечено, что существующие когнитивные модели устройства речемыслительной деятельности «укрепляют стереотип о том, что головной мозг или те области его коры, которые непосредственно связаны с языком, функционируют в алгоритмическом режиме подобно компьютеру. Такая схематизация проблемы не только необоснованно упрощает рассматриваемый процесс, но и способствует преумножению несущественных и нелингвистических задач. Пора лингвисту изучать ситуацию “на самом деле” (Р.М. Фрумкина – прим. авт.), т.е. изучать то, что происходит в черепной коробке говорящего при порождении и восприятии речи».

Нейролингвистический подход к исследованию субъективной новизны лексической единицы должен охватывать всю совокупность последних достижений нейролингвистики, нейрофизиологии, психофизиологии, то есть являть собой комплексное изучение «ощущения новизны» на уровне функционирования нейрона. Именно нейронная активность и синаптические связи лежат в основе данного подхода. «Ощущение новизны» является результатом комплексного восприятия мозгом поступающих сигналов, интерпретация которых происходит во взаимосвязи с предшествующим опытом, то есть сформировавшимися кластерами синаптических связей. Отметим, что современные представления о нейрофизиологических процессах представляют особый интерес в рамках исследования «ощущения новизны» слова и могут быть осмыслены в ходе дальнейшего развития идей психофизиологического представительства новизны лексической единицы. Подобный взгляд на проблематику новизны лексической единицы действительно может разрешить некоторые спорные вопросы, которые накопились у лингвистов в отношении феномена новизны лексической единицы.

2.4. Теоретические вопросы исследования психологической структуры значения слова

В рамках психолингвистического подхода к анализу языковых явлений, развитого в работах Л.В. Щербы, Л.С. Выгодского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, Л.В. Сахарного, А.А. Залевской и других, объектом исследования является индивидуальная речевая организация носителя языка в ее сопряженности с психическими и физиологическими процессами, протекающими в организме. В сознании индивида значение слова «оживает», окрашивается эмоционально и образно, приобретает индивидуальные черты в зависимости от жизненного опыта человека, что формирует его особенную психологическую структуру, уникальную для каждого человека, в связи с чем важным представляется проанализировать и охарактеризовать ее основные составляющие, а также выявить специфику субъективной новизны в пространстве психологической структуры значения слова.

В работе [Залевская 2007: 271] отмечено, что «в индивидуальном лексиконе хранятся словоформы и значения слов, в совокупности выступающие в роли средства доступа к информационной базе человека, которая, в свою очередь, обеспечивает становление *психологической структуры значения слова на стыке общесистемного значения и всего комплекса знаний и переживаний, без которых словоформа остается просто некоторой последовательностью звуков или графем, а общесистемное значение не дает выхода на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира»*. Следовательно, психологическая структура значения слова является «связующим звеном» между формальной стороной слова и его внутренним переживанием индивидом.

Само выражение «психологическая структура значения слова» (далее также – ПСЗС) является устоявшимся понятием в языкознании и берет свои истоки в работах И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других. «Значение как психологический феномен есть не

вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов» [Леонтьев 1971: 8]. ПСЗС формируется благодаря сложным механизмам функционирования речемыслительной деятельности на уровнях нейрофизиологии и нейролингвистики, когнитивной психологии, психолингвистики. Особую роль в формировании ПСЗС играют идентификационные процессы, возникающие при восприятии лексической единицы индивидом. «Психологическая структура значения определяется системой соотнесенности противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона» [цит. раб.: 11]. Подобная «система соотнесенности и противопоставления слов» (в терминах А.А. Леонтьева) есть система ассоциативных связей, а ПСЗС является ассоциативной структурой значения слова.

Особый интерес к проблематике ПСЗС как психолингвистической категории стимулирует проведение исследований на уровне кандидатских и докторских работ. В работе [Касаткина 2007: 7] отмечено, что психологическая структура значения «обеспечивает соотнесение общесистемного значения с индивидуальной картиной мира, то есть переживание слова как понятого, установление значения “для самого себя”». В работе [Бубнова 2008] автор замечает, что психологическая структура значения отражается в системе ассоциативных связей. На наш взгляд, психологическая структура значения может быть представлена в качестве перцептивно-когнитивно-аффективного наполнения значения слова, без которого оно оставалось бы лишь набором звуков и графем.

В этой связи интересной представляется метафора слова как голограммы А.А. Залевской, в работе [Залевская 2013: 10] автор отмечает, что «подобно этому (голограмме – Е.Н.) слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой

(на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной помеченности». Совокупность таких граней может составлять психологическую структуру значения, которая находится в прямой взаимосвязи с жизненным опытом индивида, его внутренним и внешним контекстом.

А.А. Леонтьев полагал, что «само понятие “психологической структуры” значения уже предполагает мысль о его компонентной природе», однако она не является лишь простой суммой «субстантных семантических элементов», а представляет собой иное качество слова [Леонтьев 1971: 7]; «значение *может* <…> и должно быть в первую очередь определено через порождение речи, как определенный способ перехода от того, что мы хотим выразить, к конкретному языковому выражению. Следовательно, его психологическую структуру следует искать во внутренней структуре иерархии процессов психофизиологического порождения речевого высказывания» [цит. раб.: 9]. Осмелимся предположить, что «ощущение новизны» уходит «корнями» именно в психологическую структуру значения слова, так как напрямую связано с процессами психофизиологического порождения речи. На наш взгляд, «ощущение новизны» формирует в определенной степени ПСЗС, несмотря на то, что последняя является *многокомпонентной*: ПСЗС не монолитна, она объединяет в себе весь жизненный, эмоциональный и чувственный опыт индивида и выступает в некоторой степени «живой плазмой» (в терминах Ф.Е. Василюка, см. [Василюк 1993]) значения слова.

Отметим, что на сегодняшний момент в психолингвистической науке единая интерпретация компонентной природы значения слова отсутствует ввиду сложности и неоднозначности изучаемого феномена. Однако исследователями выделены такие компоненты ПСЗС, как образный, эмпирический, чувственно-наглядный, предметно-чувственный, эмоционально-чувственный. Каждый из компонентов ПСЗС является своеобразным подходом и свидетельствует о многогранности,

многоплановости ПСЗС. В целях более углубленного изучения каждого их компонентов исследователями разработаны психолингвистические шкалы, которые позволяют «измерить» каждый из исследуемых компонентов с помощью отдельных параметров.

Впервые параметры психологической структуры значения слова были выделены канадским ученым А. Пайвио: в результате эксперимента с 30 испытуемыми были получены коэффициенты конкретности, образности и значимости 925 английских существительных [Pavio 1968]. Дальнейшие исследования компонентной природы ПСЗС позволили расширить количественные параметры. В настоящее время в отечественных и зарубежных работах посредством психолингвистического эксперимента вычисляются показатели таких параметров, как образность, конкретность/ абстрактность, физическое взаимодействие человеческого тела с объектом, эмоциональность, субъективная знакомость, субъективный возраст усвоения (см. таблицу 2).

Таблица 2. Параметры психологической структуры значения слова

№	Наименование параметра	Значение параметра	Исследовательские работы
1	Imageability	Образность слова	Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. (1968); Gilhooly K.J., Logie R.H. (1980); Friendly M., Franclin P.E., Hoffman D. (1982); Bellezza F.S., Greenwald A.G., Banaji M.R. (1986); Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. (1999); Bennet S.D.R et al. (2011); Juhazs B.J., Lai Y.-H. Woodcock M.L. (2015); Колодкина Е.Н. (1987); Василюк Ф.Е. (1993); Юрина Е.А. (2005)
2	Concretness / Abstractness	Конкретность / Абстрактность	Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. (1968); Logie R.H. (1980); Friendly M., Franclin P.E., Hoffman D. (1982); Gilhooly K.J., Nelson D.L., Schreiber T.A. (1992); Wiemer-Hastings K., Graesser A.C. (1998); Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. (1999); Brysbaert M., Warriner A.B., Kuperman V. (2014); Колодкина Е.Н. (1987); Колодкина Е.Н. (2010)

Таблица 2. (Продолжение)

№	Наименование параметра	Значение параметра	Исследовательские работы
3	Body – object interaction	Физическое взаимодействие человеческого тела с объектом	Tillotson S.M., Siakaluk P.D., Pexman P.M. (2008); Bennet S.D.R et al. (2011)
4	Manipulability	Возможность манипулировать объектом при помощи рук	Moreno-Martinez F.J., Montoro P.R., Rodriguez-Rojo I.C. (2014)
5	Modality rating	Связь слов с отдельными модальностями восприятия	Lynott D., Connell L. (2009); Lynott D., Connell L. (2013)
6	Pleasantness	Субъективная оценка слова	Anisfeld M., Lambert W.E. (1966); Silverstein A., Dienstbier R.A. (1968); Bellezza F.S., Greenwald A.G., Banaji M.R. (1986)
7	Emotionality	Эмоциональность слова	Колодкина Е.Н. (1987); А.А. Залевская (1991); Золотова Н.О. (1991); Мягкова Е.Ю. (2000); Карасева Е.В. (2007); Ефимова М.В. (2014)
8	Subjective age of acquisition	Субъективный возраст усвоения слова	Gilhooly K.J., Logie R.H. (1980); Schröder A. et al. (2012); Moreno-Martinez F.J., Montoro P.R., Rodriguez-Rojo I.C. (2014); Juhazs B.J., Lai Y.-H. Woodcock M.L. (2015)
9	Subjective frequency	Субъективная частотность слова	Bellezza F.S., Greenwald A.G., Banaji M.R. (1986)
10	Familiarity	Субъективная знакомость слова	Gilhooly K.J., Logie R.H. (1980); Kacinik N., Shears C., Chiarello C. (2000); Juhazs B.J., Lai Y.-H. Woodcock M.L. (2015)
11	Context availability	Доступность контекста	Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. (1999); Clark J.M., Paivio A. (2004)
12	Concept familiarity	Субъективная оценка знакомости концепта	Schröder A. et al. (2012); Moreno-Martinez F.J., Montoro P.R., Rodriguez-Rojo I.C. (2014)

Для целей настоящего исследования наибольший интерес представляют параметрические описания эмоциональности, образности и конкретности лексики периферийных слоев индивидуального лексикона, которая способна вызывать «ощущение новизны». В связи с тем, что ПСЗС является многокомпонентной и содержит в себе *всю* возможную информацию о явлении / предмете, обозначаемом словом, формирующие ее

составляющие взаимосвязаны друг с другом и не могут быть искусственно отделены друг от друга: возникающий образ влечет за собой появление эмоций, эмоции могут способствовать возникновению образа. Именно поэтому возникают усложненные компоненты: предметно-чувственный (Е.Н. Колодкина, Е.В. Карасева), эмоционально-чувственный (Е.Ю. Мягкова), чувственно-наглядный (И.А. Стернин), образно-перцептивный (З.И. Резанова, А.А. Миклашевский) и другие. Разница в интерпретациях позволяет рассматривать ПСЗС с разных ракурсов.

Проблематика эмоциональной лексики напрямую связана с представлениями о значении слова, как о «живом знании», апеллирующем к субъективному, чувственному опыту индивида и широко исследуется в рамках Тверской психолингвистической школы. Вопросам эмоциональности в психологической структуре значения слова посвящены исследования Е.Н. Колодкиной, А.А. Залевской, Н.О. Золотовой, Е.В. Карасевой, М.В. Ефимовой. В работе [Мягкова 1990] для отражения психолингвистической специфики рассматриваемого явления используется понятие «эмоциональной нагрузки слова», которое понимается в качестве «различных проявлений отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово» [цит. раб.: 11].

В работе [Мягкова 2000], посвященной комплексному исследованию эмоционально-чувственного компонента ПСЗС, автор приходит к выводу о комплексном строении эмоциональной нагрузки слова, о тесной взаимосвязи эмотивности (в терминах Е.Ю. Мягковой) и оценочности. Таким образом, не только слова, выражающие эмоции, обладают эмоциональной нагрузкой, но каждое слово индивидуального лексикона, в точки зрения психолингвистики, преломляется через жизненный опыт человека и окрашивается переживаниями и является эмоционально значимым для индивида.

Исследованию конкретной лексики посвящены работы A. Paivio (1968), R.H. Logie (1980); M. Friendly (1982); K.J. Gilhooly (1992); K. Wiemer-Hastings (1998); J. Altarriba (1999); Gee N.R. (1999); K. Fliessbach (2006); M. Brysbaert

(2014); Е.Н. Колодкиной (1987, 2010) и др. «Эффект конкретности» может проявляться «в способности конкретных слов вызывать чувственные образы в сознании человека, например, *сочный арбус*, в то время как у абстрактных слов подобная способность значительно меньше, например, *сельскохозяйственные продукты»* [Колодкина 2010: 188].

В ходе исследования «эффекта конкретности» (в терминах Е.Н. Колодкиной) исследователями затрагивается проблематика организации знаний в памяти человека: экспериментальным путем установлено, что конкретные слова по сравнению с абстрактными легче воспроизводятся в памяти, они более узнаваемы [цит. раб.]. Отметим, в частности, теорию двойного кодирования А. Пайвио, в которой речь идет о существовании двух взаимодействующих систем памяти: образной и словесной [Paivio 1986]. По мнению А. Пайвио, конкретная лексика декодируется вербально и представлена невербально в образной форме. В этой связи прослеживается довольно тесная взаимосвязь с образностью: абстрактная лексика менее образна, чем конкретная.

Проблематика образной лексики рассматривается в работах Е.И. Беляевой, О.В. Загоровской, И.А. Стернина, В.Ф. Петренко, А.А. Нистратова, Е.Н. Колодкиной, О.И. Блиновой, а также в многочисленных зарубежных работах, посвященных созданию соответствующих баз данных по результатам шкалирования образной лексики: Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. (1968); Gilhooly K.J., Logie R.H. (1980); Friendly M., Franclin P.E., Hoffman D. (1982); Bellezza F.S., Greenwald A.G., Banaji M.R. (1986); Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. (1999); Bennet S.D.R et al. (2011); Juhazs B.J., Lai Y.-H. Woodcock M.L. (2015).

Отметим, что в языкознании образность, с одной стороны, рассматривается как один из компонентов коннотации, которая понимается как «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-

эмоционально-оценочных обертонов, могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [Ахманова 1969: 203-204]; с другой стороны – как самостоятельный компонент значения наряду с денотативным и коннотативным значениями. С психолингвистической точки зрения образность может пониматься как «способность слова с той или мной степенью легкости вызывать в индивидуальном сознании некоторый чувственный образ» [Колодкина 1987: 5] и «является одним из элементов единого когнитивно-перцептивного комплекса, стоящего за словом в индивидуальном сознании» [Колодкина http].

Интересно представляется также разработанная патопсихологом Ф.Е. Василюком *структура образа*, в основе которой заложена деятельностная теория А.Н. Леонтьева и разработанные в ее рамках три образующие сознания – личностный смысл, значение и чувственная ткань [Василюк 1993]. Вместе с тем автор значительно модифицирует исходные теоретические установки и выделяет четыре составляющих образа: предметное содержание образа (внешний мир), личностный смысл (внутренний мир), значение (мир культуры) и слово (знак языка), интегрируя их воедино чувственной тканью, которая уплотняется вблизи каждого из полюсов «по своему способу существования в сознании есть переживание, непосредственное внутрителесное чувствование» [цит. раб.: 18]. Данная модель «психосемиотического тетраэдра» значительно расширяет представления о значении, развитые, в частности в модели семиотического треугольника Ч. Осгуда.

Отметим, что термины «конкретность» и «образность» довольно часто рассматриваются недифференцированно, тем не менее можно выделить определенные различия между ними. В работе [Walker, Hulme 1999] авторы указывают, что конкретное слово обозначает реальный объект или лицо, которые можно ощутить с помощью органов чувств, в то время как абстрактные явления подобному восприятию не подлежат. В работе [Moss,

Tyler 1995] авторы отмечают, что референты абстрактных слов невозможно исследовать при помощи органов чувств, поэтому абстрактные слова сложнее представить в отличие от конкретных слов, имеющих высокую корреляцию с образностью. Образность, в свою очередь, является *способностью* слова вызывать внутренние образы и может представлять собой одну из характеристик конкретности. Несмотря на подобную взаимосвязанность, конкретность и образность являются разными параметрами значения слова, о чем свидетельствуют многочисленные работы, где они представлены дифференцированно ([Paivio, Yuille, Madigan 1968; Колодкина 1987; Altarriba, Bauer, Benvenuto 1999; Friendly 1982]).

Исследования параметров эмоциональности, конкретности и образности в психологической структуре значения слова позволяет сделать вывод о тесной внутренней взаимосвязанности параметров друг с другом: ПСЗС является гибким и пластичным образованием, которое является результатом функционирования сложных психических процессов и связующим между индивидуальным знанием и общесистемным значением. Тем не менее возникает вопрос относительно возможного параметра новизны и его месте в ПСЗС. Большое количество исследований, посвященных проблемам идентификации незнакомого / нового слова в индивидуальном сознании свидетельствуют о возрастающем интересе исследователей к данному параметру, тем не менее, его количественных исследований нами выявлено не было. В этой связи очевидно, что сейчас назрела необходимость психолингвистического исследования параметра новизны лексической единицы в индивидуальном сознании.

В связи с тем, что проявления параметров эмоциональности, образности, конкретности являются результатом сложной речемыслительной деятельности на подсознательном уровне, что проявляется в идентификации слова на основе построения сети ассоциативных связей, новизна слова для индивида может проявляется как временное образование ПСЗС,

определяемое спецификой проявления других параметров ПСЗС в результате слабо выраженных, разреженных ассоциативных связей (см. рис. 8).

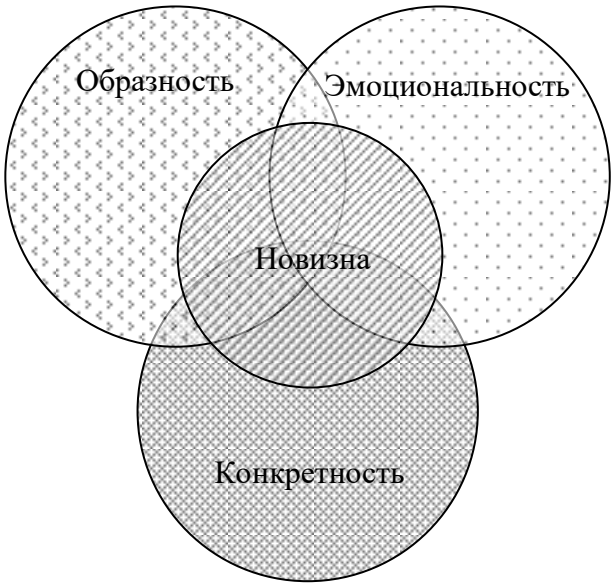

Рис. 8. Параметры психологической структуры значения слова

Новизна лексической единицы в индивидуальном сознании и ее представленность в пространстве психологической структуры значения слова являются сложными и неоднозначными явлениями, требующими комплексной и глубокой проработки. В этой связи в главе 3 нами предпринята попытка проанализировать особенности проявления субъективной новизны лексической единицы в индивидуальном сознании с использованием методики психолингвистического эксперимента. Рассмотрение субъективной новизны в ее взаимосвязи с другими параметрами ПСЗС позволит комплексно проанализировать исследуемое явление, раскрыть специфику его функционирования в сознании носителя языка, а также расширить уже существующие представления о новом / незнакомом слове в индивидуальном сознании. Дальнейшее развитие идей о психофизиологической природе новизны слова позволит разрешить ряд противоречивых вопросов. На наш взгляд, подобный ракурс рассмотрения новизны лексической единицы позволит прояснить некоторые замечания исследователей относительно природы «ощущения новизны».

2.5. Внутренний контекст как когнитивное пространство для формирования субъективной новизны слова

Формирование психологической структуры значения слова происходит в условиях функционирования как внешнего (совокупность экстралингвистических факторов восприятия слова), так и внутреннего (совокупность когнитивных особенностей восприятия слова) контекста. Само понятие контекста широко используется в современных исследованиях по прагматике, социолингвистике, дискурсионном анализе, а также в формальном лингвистическом моделировании. В наиболее общем понимании контекст может рассматриваться как языковое и внеязыковое окружение слова или высказывания, способствующее его однозначному пониманию, при этом количество составляющих контекста различается в зависимости от направления его исследования.

Вопросам исследования контекста в языкознании посвящены работы О.С. Ахмановой (горизонтальный / вертикальный контекст в [Ахманова, Гюббенет 1977]), В.Я. Мыркина (коммуникативный контекст в [Мыркин 1978]), Г.В. Колшанского (экстралингвистический и паралингвистический, микро- и макроконтекст контекст в [Колшанский 1980]), Э.Е. Бехтеля (психологический контекст в [Бехтель 2005]), А.А. Вербицкого, В.Г. Калашникова (внутренний и внешний контекст в [Вербицкий, Калашников 2011]) и другие. Отметим, что традиционное лингвистическое понимание контекста не затрагивает вопросы речемыслительной деятельности индивида: контекст анализируется в формально-функциональном аспекте.

Интересным представляется осмысление понятия контекста в психологическом аспекте: в работах А.А. Вербицкого, В.Г. Калашникова контекст анализируется как психическое явление и определяется в качестве «психической семиотической функции, способа упорядочения хаоса психических содержаний через посредство задания некоторой “системы

координат”, указывающей значение и смысл каждого из психических фрагментов» [Вербицкий, Калашников 2015: 96].

В рамках психолингвистических исследований внутренний контекст понимается как «многомерная сеть связей в голограмме образа мира человека, позволяющая переживать как понятные и эмоционально-оценочно маркированные объекты, ситуации и т.д., а также учитывать (через цепочки выводных знаний) предшествующие им обстоятельства и возможные следствия из дальнейшего развития тех или иных событий, связей между объектами, отношения к ним в культуре или вследствие личностного опыта и т.д.» [Залевская 2014: 144]. Важным представляется также определение выводного знания, которое вслед за А.А. Залевской, мы понимаем в качестве «возможных продуктов реализации разнонаправленного поиска в живом мультимодальном гипертексте дополнительных опор (признаков и признаков признаков объектов и/или ситуаций, связей и отношений, вероятных следствий и т.д.), учитываемых на разных уровнях осознаваемости, обеспечивающих ориентацию в наличной или воображаемой ситуации и принятие решений в процессах жизнедеятельности человека» [цит. раб.: 144].

В этой связи особенно интересной представляется проблематика проявления *субъективного нового слова*, понимаемого в качестве периферийной единицы ментального лексикона, которая способна вызывать «ощущение новизны» в сознании индивида и тем самым служить когнитивным маркером для поиска и переосмысления имеющейся информации на подсознательном уровне. Поскольку внутренний контекст является неотъемлемой частью ментального лексикона, отражением многомерных связей, представленных совокупностью знаний и жизненного опыта индивида, любая лексическая единица, выступающая элементом речемыслительной деятельности, попадает в пространство внутреннего контекста.

Субъективное новое слово является продуктом функционирования данного внутреннего контекста, так как подобная субъективность может

проявляться исключительно посредством опыта отдельно взятого человека. В работе [Залевская 2012б: 57] отмечено, что «для носителя языка не существует проблемы изолированного слова: чтобы опознать слово как таковое, его нужно включить во внутренний контекст предшествующего опыта познания и общения, т.е. “высветить” в голограмме индивидуального образа мира полимодальный образ соответствующего объекта <…> как некую сущность с определенными признаками, свойствами, связями и отношениями, типичными возможными ситуациями, пресуппозициями и импликациями, а также с социально принятым и/ или личностным отношением к именуемой сущности и вытекающими отсюда следствиями».

Исследование специфики субъективной новизны в индивидуальном сознании неизбежно приводит нас к вопросу о возможности ее проявления вне внешнего вербального контекста, поскольку в естественных условиях функционирования «живого языка» любая лексическая единица оказывается так или иначе вовлечена в определенный лингвистический контекст, который может стимулировать или же, наоборот, притуплять процессы идентификации слова носителем языка. При исследовании лексических единиц «изолированно» их восприятие носителями языка может искажаться в виду искусственного моделирования ситуации, когда «ощущение новизны» может возникать.

В этой связи стоит принять во внимание замечание А.А. Залевской относительно подобного рода «изолированных слов»: «<…> при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта; фактически это совпадает с идентификацией первого слова нового сообщения, восприятие которого не подготовлено ни ситуацией, ни предшествующим вербальным контекстом» [Залевская 2011: 195]. Представляется важным сделать замечание, что «ощущение новизны» является гибким и пластичным продуктом функционирования речемыслительной деятельности, который существует в режиме реального времени «здесь и сейчас» до тех пор, пока

лексическая единица актуализируется, оживляется в пространстве внутреннего контекста, переживается индивидом посредством сети ассоциативных связей.

В работе [Сазонова http] отмечено, что «идентификация никогда не происходит в “деконтекстуализированном вакууме”. Даже незнакомое человеку слово, предъявленное вне контекста, вызывает в сознании человека определенную информацию». В свою очередь «ощущение новизны» является в некоторой степени «переменной», отражающей в каждый момент времени специфику переживания слова индивидом, поэтому его возникновение будет зависеть от конкретной речевой ситуации (употребляется слово в контексте или изолированно), которая непосредственно влияет на восприятие слова. Таким образом, внутренний контекст является неотъемлемой составляющей, интегрированной в процессы речемыслительной деятельности, а «ощущение новизны», в свою очередь, исполняет роль своеобразного «внутреннего прожектора», высвечивающего в пространстве ментального лексикона в рамках функционирования внутреннего контекста информационные лакуны, подсознательно делая акцент на данной языковой единице, что может проявляться в проявлении вопросов, особого интереса у индивида.

В свете настоящего исследования особенно актуальным представляется затронуть вопрос относительно идентификационных стратегий, действующих в рамках внутреннего контекста на основе семантической памяти. Проблемам изучения стратегий идентификации лексических единиц в индивидуальном сознании посвящены исследования Т.В. Шмелевой (1988), С.И. Тогоевой (1989), Т.Ю. Сазоновой (1993), Т.Г. Родионовой (1994), И.С. Лачиной (1993), И.Л. Медведевой (1999), Л.В. Барсук (1991), О.С. Шумилиной (1997), Ю.Ф. Федурко (2008), Э.В. Саркисовой (2014).

В рамках психолингвистического подхода идентификация слова, как знакомого, так и незнакомого, может пониматься как совокупность психических процессов, в результате которых на подсознательном уровне происходит апеллирование к индивидуальному опыту человека, что

позволяет выявить определенные опоры для переживания слова в качестве знакомого и понятного или для поиска недостающей информации.

Особый интерес представляют исследования, посвященные проблемам идентификации незнакомого слова, а также сама интерпретация явления «незнакомости» для носителя языка. В работе [Федурко 2008: 3] идентификация незнакомого слова осмысляется в рамках синергетического процесса, который заключается «во взаимодетерменированном круговом процессе слияния энергии слова, направленной на опознание нового слова, и энергии слова, которая проявляется в нем как реализации репрезентативной функции языка». Вместе с тем, понятия незнакомого и нового слова автором отождествляются и понимается как слово, «впервые встреченное», таким образом акцент делается на идентификации незнакомой формы слова, содержание которой по умолчанию принимается в качестве неизвестного (нового).

В работе [Саркисова 2014] незнакомое слово также понимается в качестве незнакомой словоформы, а проведенные многочисленные экспериментальные исследования на материале псевдофраз русского и английского языка, текстов языка эсперанто, неологизмов и окказионализмов английского языка позволили выявить определенные схемы действий, к которым прибегает индивид при опознании ранее не встречавшегося ему слова, включающие восприятие самой формы слова, что, по мнению Э.В. Саркисовой, «предполагает подключение общеизвестного процесса синтеза через анализ, когда понимание целого достигается через анализ его компонентов, и опираясь на внутриязыковые ключи, связанные с исследуемым словом, т.е. на фонологические, орфографические, морфологические показатели и заканчивая подключением контекста, общих (энциклопедических) знаний и личностных факторов на восприятие и понимание текста как единого целого» [цит. раб.: 10].

Созвучной исследованию проблематики функционирования субъективного нового слова является работа Н.М. Ткаченко, посвященная

стратегиям идентификации псевдослова, которое, с одной стороны, выступает как неизвестная словоформа, с другой стороны, замедляет процесс идентификации [Ткаченко 2007]. По результатм экспериментального исследования автором выявлено, что в процессе идентификации незнакомой ранее индивиду словоформы опорами выступают формальные составляющие *знака*: фонетический или графический образ псевдослова или стимула, морфологические компоненты, цепочки графем, лексико-грамматический класс или грамматическую форму, формальные мотивирующие элементы или через внешний вербальный контекст, если таковой имеется.

Анализ работ, посвященных проблематике неизвестного / нового слова выявил необходимость конкретизации данного феномена. Формальные опоры, служащие «ключами» к неизвестной словоформе выявляют лишь субъективное предположение индивида о значении лексической единицы. Справедливым представляется предположение, что идентификация незнакомой словоформы позволяет индивиду выдвигать определенные догадки относительно его значения, проводить параллели и ассоциации с уже имеющимися знаниями в целях обеспечения определенного «когнитивного фундамента» для познания окружающей действительности. Вместе с тем подобные догадки не преобразовывают слово в знакомое: субъективная новизна в психологической структуре значения может сохраняться достаточно продолжительное время.

В этой связи представляется важным отметить явление агнонимии, связанное с проблемой понимания *значения* слова. В наиболее общем смысле агнонимами являются *неизвестные или малоизвестные* слова для индивида. В работе [Морковкин, Морковкина 1997] авторами предложен определенный алгоритм выявления агнонимов в индивидуальной речемыслительной деятельности, обобщающий специфику восприятия лексической единицы. По мнению Е.О. Савиной, «агнонимы не являются абсолютной константной характеристикой лексикона личности: чтение книг, обращение к словарям и справочникам, углубление в сферу профессиональной деятельности или

сферу личных интересов обогащает словарный запас и, следовательно, уменьшает количество агнонимической лексики в языковом сознании личности» [Савина 2014: 292]. В работе [Валова 2013], посвященной выявлению причин ошибочной семантизации слов носителями языка, по итогам проведенного экспериментального исследования автор выделяет несколько степеней агнонимичности: высокую, среднюю и низкую, в соответствии с которыми распределяется понимание значения слова индивидом: от наименее понятному к наиболее понятному.

Исследования проблематики незнакомых слов выявляют острую необходимость более комплексного осмысления данного явления, которое, на наш взгляд, возможно посредством различных граней восприятия слова как на уровне его *словоформы,* так и на уровне его *значения.* Подобный подход позволить интерпретировать феномен субъективной новизны лексической единицы в качестве интегративного компонента речемыслительной деятельности, в рамках которого «ощущение новизны» может рассматриваться как эвристический потенциал слова – способность лексической единицы сохранять когнитивные маркеры для развития и расширения ментального лексикона посредством нового: «новое в опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке нового опыта» [Залевская 1992: 55].

На рис. 9 представлены возможные сценарии дифференциации лексических единиц в пространстве индивидуального лексикона, объединяющие в себе идентификацию словоформы (1), интерпретацию значения (2), а также субъективную оценку «ощущения новизны», на основании которой формируется субъективная новизна слова в режиме «здесь и сейчас» (3). Отметим, что данные сценарии действуют на подсознательном уровне, однако могут осознаваться при определенном уровне интроспекции. Экспериментальная апробация представленных сценариев осуществляется в главе 3 настоящего исследования.

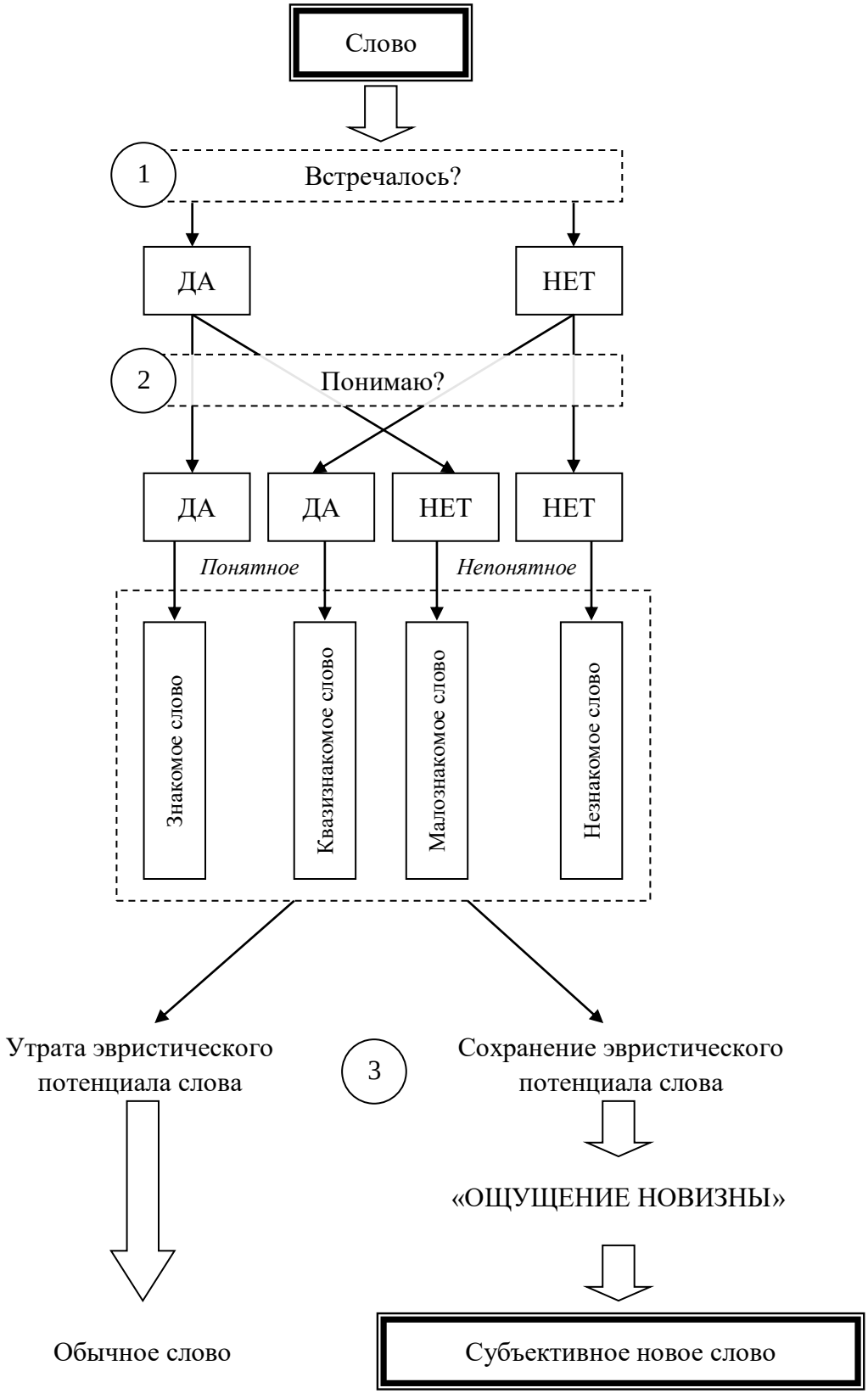

Рис. 9. Сценарии дифференциации лексических единиц
в рамках функционирования внутреннего контекста

Выводы по главе

1. Исследование проблематики субъективной новизны лексической единицы в индивидуальном сознании носит междисциплинарный характер. Развитие отдельных наук о человеке (физиологии, психолологии, лингвистики) позволило выйти на интердисциплинарный уровень познания явлений действительности, что предполагает принципиальное обновление теоретической, эмпирической и методологической базы. Феномен «ощущения новизны» также требует переосмысления в рамках интердисциплинарного подхода, а также обновление существующей теоретической базы.

2. «Ощущение новизны» является сложным психическим явлением, которое реализуется в процессе комплексного восприятия лексической единицы индивидом. При этом «ощущение новизны» не физиологично и является своеобразной метафорой для индикации внутренних субъективных, психологических процессов, в чем проявляется принципиальное различие между научным и повседневным употреблением данного понятия.

3. «Ощущение новизны» имеет двойственную природу проявления: с одной стороны оно выступает в качестве физиологического представительства в виде электрической активности нейронных сетей головного мозга, с другой стороны – в качестве субъективного опыта индивида, недоступного познанию извне.

4. Субъективная новизна носит психолингвистический характер, при этом «ощущение новизны» является ее своеобразным маркером для индивидуального сознания и представляет собой комплексный продукт психического процесса восприятия индивидом познаваемой действительности.

5. В качестве психофизиологических предпосылок возникновения «ощущения новизны» в индивидуальном сознании могут служить ансамбли нейронных (синаптических) связей, которые являются хранилищем всей

информации в форме электрических импульсов. Акустико-визуальное восприятие слова является исходным посылом для формирования подобных импульсов, при этом отсутствие устойчивых нервных связей выявляет необходимость в поиске дополнительной информации – формировании новых нейронных связей.

6. Психологическая структура значения слова отражает в себе весь жизненный и чувственный опыт индивида, при этом субъективная новизна лексической единицы является компонентом психологической структуры значения слова наряду с такими компонентами, как эмоциональный, образный, предметно-чувственный, эмпирический.

7. В пространстве психологической структуры значения слова субъективная новизна может проявляться в качестве временного компонента, объединяющего в себе всю имеющуюся информацию о лексической единице посредством процессов идентификации слова, при этом отдельная информация, представленная ассоциативными связями в пространстве мозга, может иметь определенное эмоционально-образное или предметное наполнение, что способствует пересечению параметров психологической структуры значения слова и образованию параметра новизны.

8. Формирование субъективной новизны лексической единицы осуществляется в рамках функционирования внутреннего контекста, понимаемого в качестве «многомерной сети связей в голограмме образа мира человека». Выявление базовых идентификационных стратегий позволило раскрыть общие механизмы опознания незнакомой словоформы, а также формирования предположений о ее значении. Вместе с тем субъективная новизна реализуется в индивидуальном сознании не только на основании незнакомой *словоформы*, но и на непонятном *значении*. Предположения о значении незнакомой словоформы могут не снимать субъективной новизны, а наоборот – стимулировать к ней особый интерес. При этом разграничение понятий «незнакомое слово» и «новое слово» представляется справедливым.

9. Сценарии дифференциации лексических единиц в пространстве ментального лексикона предполагают рассмотрение процесса формирования субъективной новизны слова в качестве интегрированного в общий контекст речемыслительной деятельности элемента, который реализуется:

- на уровне идентификации словоформы в качестве знакомой или не знакомой;
- на уровне понимания значения;
- на уровне субъективной оценки «ощущения новизны», которое является своеобразным эвристическим потенциалом слова – способностью лексической единицы сохранять когнитивные маркеры для развития и расширения ментального лексикона посредством нового.

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАМЕТРА НОВИЗНЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

3.1. Обоснование выбора материала для исследования

Представления о ментальном лексиконе как об ассоциативной сети с центральной зоной пересечения множества разнонаправленных связей с центральной зоной в виде «ядра» позволило сделать предположение о субъективной новизне слова как о феномене периферийных слоев ментального лексикона, особенностью которых являются разреженные ассоциативные связи. Исследование периферийных слоев лексикона в отличие от «ядра» требует тщательного отбора стимулов. В этой связи для проведения экспериментального исследования нашей задачей в первую очередь был поиск подходящего экспериментального лексического материала.

Теоретически, таким материалом могут выступать любые лексические единицы, что, на наш взгляд, не повлияет на результаты эксперимента, так как «ощущение новизны» возникает как реакция вследствие разреженных ассоциативных связей, являющиеся качественным показателем речемыслительной деятельности. Однако в связи с тем, что субъективная новизна слова находится в прямой зависимости от индивидуального знания, для изучения *нового* нам потребовалось такое лексическое пространство, которое позволило бы сформировать однородный экспериментальный материал. С одной стороны, экспериментальный материал должен приблизить условия эксперимента к естественным, когда индивид впервые сталкивается со словом и испытывает «ощущение новизны», с другой стороны, – являться вовлеченным в контекст современности. С этой целью в качестве лексического пространства для поиска экспериментального материала были определены средства номинации, отражающие современные

реалии рекламного дискурса. Использование общеупотребительной (частотной) лексики в экспериментальном исследовании в данном случае затруднило бы поиск ответов на поставленные вопросы. Особый исследовательский интерес к выбранному лексическому пространству обусловлен следующими факторами.

Во-первых, феномен новизны лексической единицы неоднократно изучался с позиций его функционирования в рекламных текстах, однако данные исследования проводились преимущественно в традиционном лингвистическом аспекте, где новое слово понимается в качестве единицы системно-структурной лингвистики – неологизма. В работе [Волостных 2005] подробно исследуются функции неологизмов в рекламном тексте с точки зрения грамматического и синтаксического анализа, однако интересной представляется общая идея автора о том, что рекламные тексты обладают особым языком рекламы, что проявляется с точки зрения грамматического анализа частотность неологизмов, образованных по различным словообразовательным моделям. В работе [Набиева 2012] анализируются новые слова в медиакультуре современности в лексикографическом аспекте с использованием лексических единиц словаря новейших слов Е.Н Шагаловой [Шагалова 2009]. Обратим внимание также на работу [Махнин 2005], где автор предпринимает попытку исследовать воздействие креолизованных рекламных текстов на индивида, однако специфика восприятия лексических единиц, используемых в текстах рекламного дискурса, здесь также не раскрывается. Экспериментальное исследование особенностей восприятия лексических единиц, используемых в текстах рекламного дискурса, носителями языка, а также портретирование психологической структуры значения данных средств номинации, с одной стороны, позволяет выявить общую специфику субъективной новизны слова, с другой стороны – изучить новое слово в текстах рекламного дискурса в психолингвистическом аспекте, где новое слово понимается в качестве периферийной единицы ментального лексикона.

Во-вторых, язык рекламного дискурса активно развивается и пополняется новыми средствами номинации в целях стимулирования интереса к конечному продукту, будь то товар, услуга или сама информация, что является потенциальным источником не только для системно-структурной новизны, но и субъективной, личностной. В работе [Зирка 2013: 368] отмечено, что «пластика и гибкость рекламного слова нередко становится источником окказиональных слов, рождает неологизмы, инициирует появление игровых элементов в рекламных текстах. Поэтому одним из наиболее продуктивных источников пополнения лексического состава являются информативные рекламные тексты как разновидность текстов рекламно-информационного жанра». Учитывая данный факт, мы пришли к выводу, что лексические единицы, используемые в текстах рекламного дискурса, в большей степени подходят для целей данного эксперимента, так как способны с большей вероятностью вызвать «ощущение новизны» у большинства респондентов и оцениваться в качестве субъективно новых, нежели общеупотребительная книжная или разговорная лексика.

Вслед за А.А. Кибриком под дискурсом мы понимаем «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста» [Кибрик 2003: 4]. Рекламный дискурс представляет собой сложный социокультурный феномен, который охватывает многие сферы жизни современного социума и связан с разнообразными видами деятельности человека. По мнению А.В. :, «рекламный дискурс лингвосемиотически параметризован, разворачивается в соответствующем стилистическом пространстве и обладает специфической лингвосемиотикой, актуализируемой разнообразными средствами» [Олянич 2011: 15], одними из которых выступают иноязычные заимствования. По мнению В.А. Буряковской, использование большого количества англоязычных заимствований свидетельствует об изменениях в коммуникативном поведении в обществе, конструкты которого быстро легализуются в продуктах массовой коммуникации, которыми в частности

являются медиатексты (тексты рекламного дискурса в данном случае рассматриваются как их частный случай) [Буряковская 2014].

Отметим, что в ходе контент-анализа медийного Интернет-пространства, представленного такими электронными средствами массовой информации развлекательного и новостного характера, как The Village, Esquire, Meduza, Elle, Afisha Daily и другими актуальными инфо-каналами, а также анализа специализированной лексики, используемой специалистами рекламной сферы, тенденция использования иноязычных заимствований в текстах проявила себя особенно ярко, что не могло не стимулировать особый исследовательский интерес к данной группе лексем. В этой связи интересным представляется замечание социолога и публициста П. Бурдьё относительно особенностей употребления средств номинаций в медийных текстах: «<…> обычные слова не могут поразить ни “обывателей”, ни “народ”. Необходимо использовать слова, выходящие из ряда вон» [Бурдье http]. В работе [Буряковская 2014] автор высказывает предположение, что подобное стремление произвести впечатление, привлечь внимание порождает феномен престижного словоупотребления. Истинное коммуникативное намерение сообщить информацию заменяется квазикоммуникативным – создать впечатление престижности. Схожие идеи мы также находим у П. Лоуренса, высказывающего идею о том, что «на смену языку как средству общения быстро пришел язык как носитель престижа» (цит. по: [Винокур 2007: 102]). Отметим также, что иноязычные заимствования в современных медийных текстах в большинстве случаев исследуются с позиций системно-структурного анализа: выделяются формальные признаки и способы образования заимствований (семантическая и фразеологическая калька, суффиксально-префиксальный способ образования, полукалька и др.), однако восприятию данных лексических единиц в индивидуальном сознании носителей языка практически не уделено внимания в исследовательских кругах.

На наш взгляд, иноязычные заимствования как средства номинации социо-культурных явлений в текстах рекламного дискурса могут послужить объективным экспериментальным материалом по двум причинам: 1) они являются неотъемлемым элементом языка наряду с обычной лексикой; 2) субъективная новизна слова является характеристикой психологической структуры значения слова и зависит от речевого и жизненного опыта индивида, поэтому заимствованная лексика может способствовать более интенсивной активизации сети ассоциативных связей и внутреннему поиску возможных интерпретаций данного слова, однако объективность субъективной новизны в данном поиске не снимается. Отметим, что при подборе экспериментального материала наряду с иноязычными заимствованиями нами использовались и модифицированные средства номинации русского языка, также используемые в целях привлечения внимания, с целью проследить возможную разницу в реакциях испытуемых на стимулы иноязычного и русскоязычного происхождения.

Для проведения эксперимента нами сформирован список из 85 существительных как единственного числа, так и грамматически необходимого множественного числа – средств номинаций, используемых в текстах рекламного дискурса, сгруппированных в два отдельных списка в соответствии с запланированными экспериментальными процедурами. Полный список слов представлен следующим образом.

1. Айдентика
2. Анорак
3. Аутлет
4. Байбэк
5. Байопик
6. Благолентие
7. Блэкаут
8. Бомбер
9. Броги
10. Брэндализм
11. Вендинг
12. Газлайтинг
13. Гилаут
14. Деним
30. Парка
31. Прайвеси
32. Праймериз
33. Пэчворк
34. Свитшот
35. Сизифинг
36. Слиперы
37. Слипоны
38. Смущауза
39. Таймлайн
40. Таймшифтинг
41. Транш
42. Тренч
43. Фидбэк
59. Гриллзы
60. Дедморобус
61. Дезерты
62. Каршеринг
63. Кейп
64. Кимоджи
65. Краунфандинг
66. Кушон
67. Кюлоты
68. Лукбук
69. Лукэтфлавер
70. Марблинг
71. Марсала
72. Мюли

15. Джегинсы
16. Драфт
17. Жусть
18. Клавака
19. Кластер
20. Кликбэйт
21. Кликфрод
22. Корнер
23. Коуч
24. Крымогон
25. Лоукостер
26. Лоферы
27. Лофт
28. Мелтдаун
29. Оупэнспейс
44. Фломат
45. Фотобомбинг
46. Френдузиаст
47. Фронтмен
48. Чиносы
49. Эгкорн
50. Экваиринг
51. Анскулинг
52. Бариста
53. Буккроссинг
54. Бульмени
55. Буратта
56. Велорикша
57. Глиттер
58. Гранола
73. Неспрессо
74. Оливьеженое
75. Рубатки
76. Скинни
77. Слоуфуд
78. Стимпод
79. Стробинг
80. Суширрито
81. Тинт
82. Тюбинг
83. Френчпресс
84. Чистазм
85. Шугаринг

3.2. Общие вопросы выбора экспериментальной методики

Наибольшую трудность в нашей работе представляла проблема выбора экспериментальной методики для изучения новизны лексической единицы в индивидуальном сознании. Поскольку она представляет собой сложный психолингвистический феномен и не поддается экспликации при анализе слова как единицы лексико-семантической системы языка, его проявление напрямую зависит от речевого и жизненного опыта индивида. Отсюда следует, что изучать данное явление можно только посредством обращения к индивидуальному сознанию. По мнению А.А. Залевской, психолингвистический эксперимент позволяет выявить специфику слова как единицы речевой способности человека посредством апеллирования к индивидуальному сознанию [Залевская 2014].

Отметим, что как в отечественных работах [Колодкина 1987; Мягкова 2000; Карасева 2007; Леонтьев 1971; Стернин 1979; Стеценко 1984; Василюк 1993; Фридман 2006; Салихова 2007; Бубнова 2008; Ефимова 2015; Резанова, Миклашевский 2016], так и в зарубежных [Paivio 1968; Gilhooly, Logie 1980; Altarriba, Bauer, Benvenuto 1999; Kacinik 2000; Juhasz, Lai, Woodcock 2015], посвященных изучению психологической структуры значения слова (далее – ПСЗС) и ее параметрической природы, нами не было найдено специальных

методик для исследования субъективной новизны слова. Вероятно, это связано с тем, что задача выявления экспериментальным путем специфики параметра новизны лексической единицы до сих пор не ставилась. Новизна лексической единицы исследовалась с позиций системно-структурного и лексикографического подхода, а также в рамках психолингвистической теории нового слова с целью выявления стратегий идентификации незнакомой лексической единицы [Сазонова 1993; Родионова 1994; Ткаченко 2007; Денисова, Немцева 2008; Федурко 2008; Саркисова 2014]. С.И. Тогоева, исследовавшая новую лексику с психолингвистической точки зрения, также не ставила перед собой задачи исследовать экспериментальным путем параметра новизны лексической единицы, а лишь указала на его присутствие в психологической структуре значения слова [Тогоева 2000а, 2014]. Таким образом, описываемые ниже процедуры являются попыткой найти экспериментальный способ, адекватный задачам исследования новизны слова для индивида.

Первым этапом экспериментального исследования стало анкетирование испытуемых на предмет знакомости отобранных в исходном списке лексических единиц с целью выявления тенденции оценки их восприятия респондентами и подготовки выборки стимулов для субъективного шкалирования по параметрам ПСЗС и моделирования их корреляции в условиях субъективной новизны слова. Получаемые субъективные оценки позволяют актуализировать картину восприятия стимулов респондентами, что может послужить объективным материалом для их исследования на предмет субъективной новизны слова. Анкетирование ориентировано на носителя языка, его языковую интуицию.

Знакомость слова (familiarity) как параметр ПСЗС (далее – FAM) исследовалась, в частности, в работах [Золотова 2005б; Gilhooly, Logie 1980; Juhasz, Lai, Woodcock 2015]. Н.О. Золотова проводит шкалирование параметра знакомости слова по 7-ми бальной шкале, где 1 – «никогда не видел, не слышал, не употреблял», т.е. абсолютно незнакомое слово, 7 –

«вижу, слышу и употребляю ежедневно», т.е. часто и обычно употребляемое, хорошо знакомое слово [Золотова 2005б: 106]. Высокая корреляция полученных показателей параметра знакомости с характеристикой частотности лексических единиц отмечена также в работе [Juhasz, Lai, Woodcock 2015], авторы которого проводят шкалирование 629 сложных слов английского языка.

Отметим, что использование метода субъективного шкалирования параметра FAM указывает на *степень* знакомости слова для индивида, однако признаки, по которым оно узнается, данная экспериментальная процедура не отображает. В рамках исследования структуры ментального лексикона А.А. Залевской отмечено его многоуровневое строение и «возможность актуализации связей между единицами поверхностного яруса форм слов без обращения к глубинному ярусу значений» [Залевская 2007: 263]. Представление о ментальном лексиконе как о сети ассоциативных связей позволяет рассматривать слова в качестве «средоточия пучка связей, прямо ведущих к продуктам многочисленных актов глубинной предикации, что в совокупности со связями по линиям звуковой и графической формы слова дает многомерную систему связей» [цит. раб.: 269]. В этой связи субъективная новизна слова может включать в себя не только новизну *значения,* но и новизну *знака*. На основании этого нами предпринята попытка проанализировать параметр FAM с помощью анкетирования испытуемых на предмет узнаваемости (факт наличия или отсутствия ассоциативных связей) представленных стимулов по формальным внешним признакам (звукобуквенный состав слова) и их понимания (идентификация значения). Анкетирование проводилось с опорой на результаты свободных ассоциативных экспериментов разных лет, посвященных проблеме выявления идентификационных стратегий лексических единиц (С.И. Тогоева, Л.В. Барсук, Т.Г. Родионова, И.С. Лачина, О.С. Шумилина, Т.Ю. Сазонова, Ю.В. Федурко, Э.В. Саркисова). Экспериментальная процедура

субъективного оценивания лексических единиц по параметру FAM включала следующие задания для испытуемых (далее также – Ии.).

Задание 1. Субъективная оценка узнаваемости лексической единицы по внешним, формальным признакам (звукобуквенный состав) утвердительного или отрицательного характера (в целях исследования введем условное обозначение formal familiarity – FFAM).

Для анкетирования по критерию FFAM была подготовлена следующая инструкция: *«Каждый день нам встречаются разные слова в устной или письменной форме, некоторые из них мы хорошо знаем и используем в нашей повседневной речи, а с некоторыми мы можем сталкиваться впервые и, в зависимости от ситуации и нашего жизненного опыта, догадываться или нет об их значении. Пожалуйста, оцените слова в списке на предмет того, встречались ли они вам в устной или письменной речи или нет, видите ли вы их впервые или где-то слышали или видели: знак «+» – слово встречалось или скорее встречалось, чем не встречалось, знак «-» – слово не встречалось или скорее не встречалось, чем встречалось. При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения»*.

Задание 2. Субъективная оценка понимания значения лексической единицы утвердительного или отрицательного характера (в целях исследования введем условное обозначение meaning familiarity – MFAM).

Для анкетирования по критерию MFAM была разработана следующая инструкция: *«Каждый день нам встречаются разные слова в устной или письменной форме, некоторые из них мы хорошо знаем и используем в нашей повседневной речи, а с некоторыми мы можем сталкиваться впервые и, в зависимости от ситуации и нашего жизненного опыта, догадываться или нет об их значении. Пожалуйста, оцените слова в списке на предмет того, понимаете вы их значение или нет, догадываетесь об из значении или они для вас остаются «пустыми»: знак «+» – слово понятное или скорее понятное, чем не понятное; знак «-» – слово не понятное или скорее не*

понятное, чем понятно, и не вызывает никаких ассоциаций или вызывает, но с большим трудом. При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения».

Задание 3. Субъективная оценка лексической единицы по критерию «ощущение новизны» утвердительного или отрицательного характера (в целях исследования введем обозначение sense of newness – SoN). Критерий SoN может служить в качестве опорного элемента для анализа особенностей функционирования субъективной новизны слова в индивидуальном сознании и корреляции параметров ПСЗС. Выбор данного критерия не случаен: он апеллирует к непосредственному «живому» опыту индивида и побуждает его обратить внимания на собственные ощущения и соотнести их с переживаемым знанием. По мнению С.И. Тогоевой, «опора на ощущение носителя языка <…> для выявления качества “новизны” единицы <…> должна повлечь за собой обращение к человеку – носителю языка, пользователю и одновременно создателю языка в каждодневной коммуникации» [Тогоева 2000б: 21].

Для анкетирования по критерию SoN была разработана следующая инструкция: *«Некоторые слова, которые мы встречаем в повседневной жизни, могут нам казаться необычными по написанию или звучанию, порождать у нас субъективное «ощущение новизны». Пожалуйста, оцените слова в списке на предмет того, вызывают ли они у вас «ощущение новизны» или нет: знак «+» – вызывает или в большей степени вызывает, чем не вызывает, знак «-» – в большей степени не вызывает, чем вызывает, или не вызывает вовсе. При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения»*.

На втором этапе использовалось субъективное шкалирование (далее также – СШ) отобранных из исходного списка стимулов по параметрам ПСЗС с помощью 5-ти бальной шкалы (см. таблицу 3). Процедура

проведения эксперимента с помощью данного метода заключается в том, что Ии. был предъявлен набор стимулов, отобранных на основе матрицы субъективных оценок, каждый из которых необходимо прошкалировать по предложенным параметрам ПСЗС по градуированной шкале с приписыванием каждому стимулу один показатель в предложенном интервале значений шкалы параметра.

Таблица 3. Градация шкал для субъективной оценки параметров ПСЗС

Градация шкалы	Интерпретация
1 балл	признак не проявляется
2 балла	слабое проявление признака
3 балла	среднее проявление признака
4 балла	высокое проявление признака
5 баллов	очень высокое проявление признака

Исследование субъективной новизны слова с позиций параметрического подхода исходит из общей концепции значения слова как достояния индивида А.А. Залевской. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что «для носителя языка значение слова не является монолитным, оно может быть разложено на ряд составляющих, степень выраженности которых поддается количественному измерению» [Залевская 2007: 194-195]. Метод субъективного шкалирования позволяет описать психологическую структуру значения слов различной лексико-грамматической принадлежности (Е.Н. Колодкина, О.И. Блинова, Е.Ю. Мягкова, A. Paivio, M.P. Toglia, K.J. Gilhooly, B.J. Juhasz). Важно отметить, что в ходе проведенных экспериментов установлены взаимосвязи параметров друг с другом: «<…> отдельный параметр сам по себе является продуктом взаимодействия некоторого комплекса параметров, вклад каждого из которых в значение слова может варьироваться» [цит. раб.: 195]. В этой связи СШ параметров психологической структуры значения слова, трактуемого в качестве субъективно нового, и их корреляция друг с другом представляются

особенно актуальными. Экспериментальная процедура СШ параметров ПСЗС включала следующие задания.

Задание 1. Эмоциональность слова (emotionality) является параметром ПСЗС (далее – EMT), позволяющим выявить степень эмоциональной нагрузки слова в сознании индивида [Мягкова 1990]. Вслед за Е.Ю. Мягковой, под эмоциональной нагрузкой слова мы будем понимать различные проявления отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово [цит. раб.: 11].

Для оценки параметра эмоциональности была разработана следующая инструкция: *«Слова могут способствовать появлению у человека разных эмоций, связанных как с социокультурной средой, в которой человек вырос и живет, так и с его персональным жизненным опытом. Например, когда человек слышит или читает слово «предательство», это может вызвать в нем череду негодований, особенно если оно им было пережито и глубоко запало в душу. С другой стороны, например, слово «грифель» подобных сильных эмоций может не вызывать. Пожалуйста, оцените слова в списке по шкале от 1 до 5, где 1 – крайне низкая эмоциональность (слово с трудом вызывает эмоции или не вызывает вовсе), а 5 – очень высокое проявление эмоциональности (слово вызывает эмоции легко и быстро). Обратите внимание, что высокое проявление эмоциональности может носить как положительный (эмоции могут быть радостными и добрыми), так и отрицательный характер (гнев, негодование, опасение, злость). При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения»*.

Задание 2. Конкретность (concreteness) является параметром ПСЗС (далее – CON), позволяющим выявить степень представленности содержания значения слова в индивидуальном сознании в виде чувственного восприятия [Колодкина 2010]. При оценке конкретности Ии. была представлена следующая инструкция: *«Предметы или явления, обозначаемые словом, обладают разной способностью быть чувственно воспринятыми. Например,*

слово «яблоко» может вызывать ряд чувственных ассоциаций по вкусу, запаху, форме, в то время как слово «иерархия» подобных чувственных ассоциаций не вызывает. Пожалуйста, оцените слова в списке по шкале от 1 до 5, где 1 – крайне низкая конкретность (слово с трудом поддается чувственному восприятию или не поддается вовсе), а 5 – очень высокое проявление конкретности (слово поддается чувственному восприятию легко и быстро). Обратите внимание, что данное задание оценивает способность предмета или явления, обозначаемого словом, быть чувственно воспринятым (обонятельно, осязательно, аудиально, зрительно или даже на вкус). Если на ваш взгляд такое восприятие не представляется возможным, то это можно трактовать как низкое проявление конкретности (слово будет абстрактным). При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения».

Задание 3. Образность слова (imageability) является параметром ПСЗС (далее – IMG), указывающим на степень легкости, с которой лексическая единица вызывает в сознании индивида образы объекта или действия любой модальности [Paivio 1968; Колодкина 1987].

Для оценки параметра образности была подготовлена следующая инструкция: *«Слова могут вызывать в сознании человека мысленные образы вещей или явлений. Когда человек услышал или прочитал, например, слово «дом», он очень быстро может представить себе этот объект. С другой стороны, например, слово «неизвестность» представить себе гораздо сложнее. Пожалуйста, оцените слова в списке по шкале от 1 до 5, где 1 – образность не проявляется (слово не вызывает никаких образов или вызывает, но с трудом), а 5 – очень высокое проявление образности (слово вызывает образы очень легко и быстро). Обратите внимание, что высокое проявление образности может носить как положительный характер (положительные образы), так и отрицательный (образы могут быть неприятными). При выполнении задания помните, что любые ваши ответы*

будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения».

Задание 4. Необычность (uncommonness) можно трактовать в качестве экспериментального параметра ПСЗС (далее – UNC), находящегося в прямо пропорциональной зависимости от степени субъективной новизны слова и в обратно пропорциональной – от параметра знакомости слова (familiarity).

Параметр необычности позволяет выявить степень отдаленности лексической единицы от ядерных слоев ментального лексикона индивида. Для оценки необычности была разработана следующая инструкция: *«В своей повседневной речи мы сталкиваемся с разными словами: одни мы знаем очень хорошо, и они не вызывают у нас вопросов, другие – можем встречать впервые. Разные слова могут вызывать у нас разные ассоциации, казаться непривычными, вызывать вопросы и даже порождать некоторый дискомфорт. Пожалуйста, оцените слова в списке по шкале от 1 до 5, где 1 – крайне низкая необычность (слово с трудом воспринимается необычным или не воспринимается вовсе), а 5 – очень высокое проявление необычности (слово легко и быстро воспринимается как необычное). При выполнении задания помните, что любые ваши ответы будут правильными, вслушайтесь в себя и ориентируйтесь только на свои ощущения»*.

С учетом запланированных экспериментальных процедур нами были подготовлены опросные листы, которые представлены в приложениях 2 – 5 к настоящему диссертационному исследованию.

В целях научного наблюдения и объективной интерпретации результатов эксперимента нами также была предпринята попытка выявить, каким образом отношение Ии. к окружающей действительности проявляется в их ответах. Мы принимали во внимание такие составляющие *внешнего контекста*, как социальный статус информантов, будущий род деятельности, гендерный аспект, место проведения эксперимента (учебые аудитории, рабочее пространство), время проведения эксперимента (семестровое или каникулярное). Также мы проводили *беседу* с респондентами, в ходе которой

удалось выявить определенные модели поведения в экспериментальном опросе. Таким образом, экспериментальное исследование субъективной новизны лексической единицы проводилось с привлечением анкетирования на предмет выявления степени знакомости / незнакомости слова Ии, субъективного шкалирования, постэкспериментального опроса, наблюдения и беседы.

3.3. Отбор испытуемых и процедура проведения эксперимента

В связи с тем, что эксперимент проводился преимущественно среди молодых людей – студентов, активно использующих медийные ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в качестве основы проведения экспериментального исследования были выбраны условия, при которых носители языка рассматривались с точки зрения вовлеченности в пространство современных Интернет-коммуникаций. Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 138 респондентов, которые были разделены на четыре группы в соответствии с запланированными экспериментальными процедурами пилотажной и основной серий экспериментального исследования. Опрос Ии. проводился в письменном виде, анонимно, с указанием возрастных и гендерных параметров, а также направления подготовки. Респондентам предлагалось оценить предъявленные в опросном листе слова в соответствии с разработанными инструкциями. Время эксперимента не ограничивалось. С учетом темпа работы Ии. экспериментальные процедуры занимали от 20 до 30 минут (см. таблицу 4).

Участниками первой группы стали 30 студентов в возрасте от 18 до 22 лет 1 – 4 курсов лингвистических специальностей факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. Среди первой группы Ии. проводилось пилотажное

анкетирование на предмет знакомости по формальным признакам (FFAM) и понимания значения представленных в списке лексических единиц (MFAM).

Участниками второй группы стали 30 студентов в возрасте от 17 до 21 года 1 – 3 курсов лингвистических специальностей факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. Вторая группа испытуемых проходила СШ параметров ПСЗС (EMT, CON, IMG, UNC), а также расширенное анкетирование на предмет знакомости по формальным признакам (FFAM) и понимания значения представленных слов (MFAM) в соотношении с оценкой субъективной новизны слова (SoN).

Участниками третьей группы стали 57 студентов в возрасте от 19 до 21 года 3 курса не лингвистических специальностей факультета информационных технологий Тверского государственного технического университета и института экономики и управления Тверского государственного университета. Анкетирование третьей группы Ии. проводилось по аналогии с анкетированием Ии. первой группы.

Участниками четвертой группы стали 21 испытуемый в возрасте от 18 до 25 лет смешанных специальностей: анкетировались студенты 1 курса лингвистических специальностей факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, специалисты нелингвистических специальностей технической, исторической и экономической направленностей. Четвертая группа Ии. проходила повторное СШ параметров психологической структуры значения *вновь* отобранных лексических единиц, а также расширенное анкетирование на предмет знакомости по формальным признакам и понимания значения представленных слов в соотношении с оценкой субъективной новизны слова.

Таблица 4. Сводная информация о проведенных экспериментальных опросах

Группа Ии.	Возрастной диапазон	Количество Ии.	Время проведения
1 группа	18 – 22 года	30	Декабрь, 2015

Таблица 4. (Продолжение)

Группа Ии.	Возрастной диапазон	Количество Ии.	Время проведения
2 группа	17 – 21 год	30	Март, 2016
3 группа	19 – 21 год	57	Сентябрь, 2016
4 группа	18 – 28 лет	21	Апрель, 2017
	Итого:	138	2015 – 2017

Проведение экспериментальных процедур предполагало установление контакта с респондентами, подробное объяснение инструкций, при необходимости – их повторное разъяснение, ответы на возникающие вопросы по заданиям. В ходе эксперимента было отмечено разное восприятие и отношение Ии. к предъявленным заданиям: некоторые респонденты выполняли задания вдумчиво и добросовестно, некоторые спешили и выполняли задания слишком быстро. Отметим также, что частой реакцией респондентов было негодование по поводу большого количества незнакомых слов, что изначально их ставило в тупик, т.к. они переживали, что с заданиями могут не справиться. Для этого необходимо было разъяснить, что целью эксперимента является исследование субъективной новизны слова, и любые ответы будут верными. После разбора примеров, не входящих в основной список стимулов, респонденты приступали к выполнению заданий. В ходе экспериментальных процедур респонденты в целом были настроены доброжелательно.

3.4. Процедура обработки результатов эксперимента

Собранные в ходе психолингвистического эксперимента данные обрабатывались с помощью программного обеспечения Microsoft Excel 2007 с использованием динамических баз данных, перекрестных таблиц и сводных диаграмм. По результатам статистической обработки полученных в ходе экспериментального анализа корпусов данных получены следующие

количественные показатели: FFAM – 4 002 ответа, MFAM – 3 998 ответов, SoN – 509 ответов, EMT – 509 ответов, CON – 509 ответов, IMG – 508 ответов, UNC – 506 ответов, отказы - 19. Всего по итогам эксперимента получено и обработано 10 560 ответов (см. таблицу 5). Доля отказов составила 0,18 % от общего количества.

Таблица 5. Количественная характеристика эксперимента

Наименование критерия	Пилотажная серия	Основная серия	Общее количество	Количество отказов
FFAM, из них:	1 800	2 202	4 002	3
FFAM+	790	639	1 429	0
FFAM-	1 010	1 562	2 572	0
MFAM, из них:	1 800	2 198	3 998	7
MFAM+	684	422	1 106	0
MFAM-	1 116	1 775	2 891	0
SoN, из них:	300	209	509	1
SoN+	207	132	339	0
SoN-	93	77	170	0
EMT	300	209	509	1
CON	300	209	509	1
IMG	300	208	508	2
UNC	298	208	506	4
Общее	**5 098**	**5 443**	**10 541**	**19**

Экспериментальный анализ параметра FAM с помощью анкетирования испытуемых на предмет узнаваемости представленных стимулов по формальным внешним признакам и их понимания осуществлялся с помощью следующих критериев:

FFAM – субъективной оценки узнаваемости лексической единицы по внешним, формальным признакам (звуко-буквенный состав) утвердительного (FFAM+) или отрицательного (FFAM-) характера;

MFAM – субъективной оценки понимания значения лексической единицы утвердительного (MFAM+) или отрицательного (MFAM-) характера.

Корпус субъективных оценок знакомости лексических единиц, анализируется на основе матрицы (см. таблицу 6), которая представляет собой рабочий вариант возможного исследования новизны слова.

Таблица 6. Матрица субъективных оценок узнаваемости лексической единицы

		FFAM	
		+	-
MFAM	+	Лексема встречалась / скорее встречалась и является понятной или скорее понятной, чем не понятной.	Лексема не встречалась / скорее не встречалась, но является понятной или скорее понятной, чем не понятной.
	-	Лексема встречалась / скорее встречалась, но является не понятной или скорее не понятной, чем понятной.	Лексема не встречалась / скорее не встречалась и является не понятной или скорее не понятной, чем понятной.

Кластер оценок отрицательного характера формируют следующие комплексы субъективных оценок: FFAM-/MFAM-; FFAM-/MFAM+; FFAM+/MFAM-, что свидетельствует о незнакомости или частичной знакомости слова респондентам. Особенно нами был выделен комплекс субъективных оценок FFAM-/MFAM-, свидетельствующий о субъективном восприятии респондентами стимула в качестве незнакомого. Для каждого стимула были посчитаны: доля FFAM-/MFAM- в общем количестве комплексных субъективных оценок, а также доля FFAM-/MFAM-; FFAM-/MFAM+; FFAM+/MFAM- в сумме от общего количества комплексных субъективных оценок. Результаты подсчетов отражены в таблицах приложений 6 и 7, фрагменты которых представлены в таблицах 7 и 8.

Таблица 7 (фрагмент). Результаты анкетирования первой группы стимулов

№	Лексическая единица	Соотношение субъективных оценок				Доля, %	
		FFAM-MFAM-	FFAM-MFAM+	FFAM+MFAM-	FFAM+MFAM+	FFAM-MFAM-	Кластер отриц.
1	Айдентика	17	4	3	6	57	80
2	Анорак	14	0	3	13	47	57
3	Аутлет	2	0	4	24	7	20

Таблица 7 (фрагмент). (Продолжение)

№	Лексическая единица	Соотношение субъективных оценок				Доля, %	
		FFAM-MFAM-	FFAM-MFAM+	FFAM+MFAM-	FFAM+MFAM+	FFAM-MFAM-	Кластер отриц.
5	Байопик	22	0	3	5	73	83
50	Экваиринг	21	3	3	3	70	90
Всего:		704	67	169	560	относ.	относ.

По результатам пилотажного анкетирования из первоначального списка отобраны лексические единицы с наиболее высокими показателями по отрицательным комплексам субъективных оценок (FFAM-/MFAM-): БРОГИ (90%), КЛИКБЕЙТ (87%), ФЛОМАТ (100%), ЧИНОСЫ (83%), АЙДЕНТИКА (80%), БАЙБЕК (83%), БАЙОПИК (83%), ВЕНДИНГ (80%), КЛИКФРОД (87%), ЭКВАЙРИНГ (90%). Остальные стимулы показали более низкие результаты оценок.

Таблица 8 (фрагмент). Результаты анкетирования второй группы стимулов

№	Лексическая единица	Соотношение субъективных оценок				Доля, %	
		FFAM-MFAM-	FFAM-MFAM+	FFAM+MFAM-	FFAM+MFAM+	FFAM-MFAM-	Кластер отриц.
1	Анскулинг	46	4	2	3	84	94,5
2	Бариста	10	0	9	37	18	33,9
3	Буккроссинг	37	4	9	6	66	89,3
4	Бульмени	19	0	11	27	33	52,6
5	Буратта	49	0	6	2	86	96,5
35	Шугаринг	22	2	5	28	39	50,9
Всего:		1347	39	244	356	относ.	относ.

По результатам повторного анкетирования из первоначального списка отобраны следующие лексические единицы с наиболее высокими показателями по отрицательным комплексам субъективных оценок (FFAM-/MFAM-): АНСКУЛИНГ (84%), БУРАТТА (86%), ДЕДМОРОБУС (88%), КИМОДЖИ (75%), КУШОН (91%), КЮЛОТЫ (89%), МАРБЛИНГ (88%), МЮЛИ (88%), ОЛИВЬЕЖЕНОЕ (72%), ЧИСТАЗМ (91%).

Данные стимулы были представлены респондентам для оценки субъективной новизны слова по критерию SoN, дифференцированного по

отрицательному (SoN-) и положительному (SoN+) признаку. Отрицательный критерий SoN- означал, что стимулы были оценены респондентами как не вызывающие субъективного ощущения новизны, в то время, как положительный критерий SoN+ свидетельствовал, что субъективное ощущение новизны у респондентов присутствовало (см. таблицу 9). По результатам анализа выявлены высокие показатели субъективной оценки новизны стимулов респондентами.

Таблица 9. Анализ стимулов по критерию SoN

№	Лексическая единица	Количество субъективных оценок SoN-	Количество субъективных оценок SoN+	Доля SoN+ в общем объеме, %
1	Броги	9	21	70,0
2	Кликбэйт	6	24	80,0
3	Фломат	6	24	80,0
4	Чиносы	8	22	73,3
5	Айдентика	17	13	43,3
6	Байбэк	9	21	70,0
7	Байопик	8	22	73,3
8	Вендинг	14	16	53,3
9	Кликфрод	7	23	76,7
10	Эквайринг	9	21	70,0
11	Анскулинг	5	16	76,2
12	Буратта	4	17	81,0
13	Дедморобус	4	17	81,0
14	Кимоджи	12	9	42,9
15	Кушон	13	8	38,1
16	Кюлоты	8	13	61,9
17	Марблинг	9	12	57,1
18	Мюли	8	13	61,9
19	Оливьеженое	11	10	47,6
20	Чистазм	4	17	81,0

Далее нами произведен анализ показателей параметров EMT, CON, IMG, UNC ПСЗС в соответствии с оценкой Ии. по критерию SoN, таким образом были получены средние значения по параметрам психологической структуры значения каждой лексической единицы стимульного материала в разрезе SoN+ и SoN-, что позволило дифференцировать получаемые реакции Ии. в зависимости от их оценки субъективного восприятия стимулов на предмет наличия или отсутствия ощущения новизны (см. таблицу 10).

Подсчет среднего значения величины параметра ПСЗС вычислялся по формуле:

$$СЗ = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i \text{, где}$$

x – один из показателей параметра ПСЗС по 5-ти бальной шкале;

n – общее количество респондентов в заданной группе.

Таблица 10. Средние значения параметров ПСЗС, дифференцированные по критерию SoN

№	Лексическая единица	EMT		CON		IMG		UNC	
		SoN-	SoN+	SoN-	SoN+	SoN-	SoN+	SoN-	SoN+
1	Броги	2,4	1,9	3,7	1,7	4,2	2,1	2,6	3,9
2	Кликбэйт	2,7	2,2	3,3	2,1	2,7	2,3	3,3	4,4
3	Фломат	1,8	1,6	3,0	1,8	3,0	2,3	3,3	4,1
4	Чиносы	3,0	2,3	3,6	2,1	3,5	2,8	3,1	4,6
5	Айдентика	2,8	2,1	3,2	1,7	3,0	2,5	2,9	4,1
6	Байбэк	3,2	2,1	3,0	1,8	3,7	2,5	3,3	4,2
7	Байопик	3,1	1,9	3,4	1,7	3,2	2,1	2,9	4,3
8	Вендинг	3,0	2,0	3,5	1,7	3,6	2,5	2,8	4,5
9	Кликфрод	2,6	2,3	2,4	1,8	2,6	2,7	3,6	4,4
10	Эквайринг	2,7	2,0	2,9	1,8	2,9	2,4	2,5	4,2
11	Анскулинг	2,2	1,8	2,8	1,8	1,2	2,2	2,5	3,5
12	Буратта	2,5	3,3	2,7	2,9	2,5	1,9	3,2	3,7
13	Дедморобус	4,5	3,3	3,3	3,1	2,5	2,3	3,8	4,7
14	Кимоджи	2,9	2,3	2,8	2,2	2,2	2,8	3,0	3,9
15	Кушон	2,6	2,5	3,1	3,0	2,5	2,9	2,1	4,2
16	Кюлоты	2,5	2,2	2,7	2,2	2,5	2,6	2,7	4,1
17	Марблинг	2,9	2,7	2,4	1,8	2,4	2,0	2,4	3,8
18	Мюли	2,6	2,3	2,6	1,9	2,1	2,1	2,6	3,4
19	Оливьеженое	3,9	3,8	3,4	3,5	2,9	3,3	3,5	3,8
20	Чистазм	2,5	2,8	3,5	2,7	1	1,9	2,5	3,7

Согласно данным таблицы 10 совокупные подсчеты показателей параметров EMT, CON, IMG, UNC ПСЗС, дифференцированных по критерию SoN+ и SoN-, позволяют говорить о наличии обратно пропорциональных корреляций параметров эмоциональности, конкретности и образности *в условиях проявления субъективной оценки наличия «ощущения новизны»* у респондентов на заданные стимулы, что продемонстрировано полосами понижения на графиках (см. рис. 10 – 12). Одновременно с этим показатель параметра необычности демонстрирует прямо пропорциональную

корреляцию, о чем свидетельствуют полосы повышения на рис. 13. Соотношение средних значений параметров эмоциональности, конкретности, образности в условиях положительной оценки критерия SoN (SoN+) у Ии. со средними показателями параметров психологической структуры значения лексических единиц, оцененных Ии. по критерию SoN отрицательно (SoN-), также представлено на рис. 10 – 12.

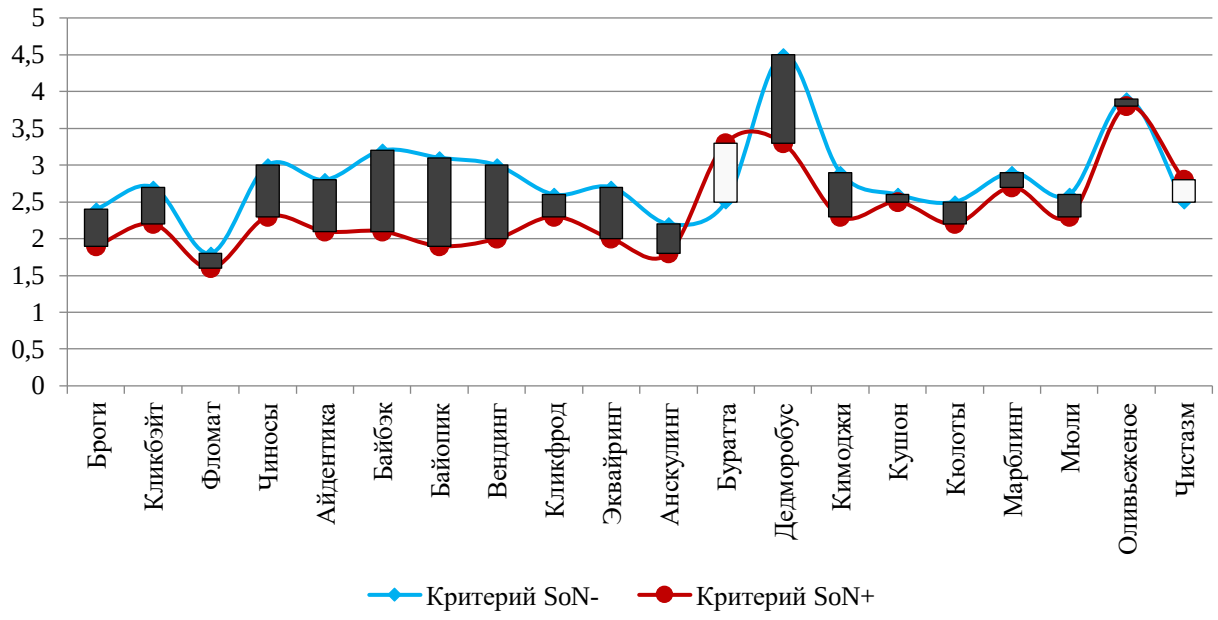

Рис. 10. Зависимость параметра ЕМТ от критерия SoN

При возникновении «ощущения новизны» параметр эмоциональности снижается в сравнении с показателями эмоциональности в отсутствии ощущения новизны, о чем свидетельствуют полосы понижения на рис. 10. При трактовании респондентами слова в качестве *субъективно нового* (90 %), оно становится менее эмоционально значимым для Ии., в то время как для слов, не обладающих для респондентов субъективной новизной, параметры эмоциональности выше. Исключение составили лексемы БУРАТТА и ЧИСТАЗМ: для них подобная тенденция не прослеживается. Данный факт может быть обусловлен двумя причинами:

1) повышенная эмоциональная значимость лексемы может возникать в случае высокой эмоциональной окрашенности формальных признаков

(составляющих), которые служат опорой для идентификации лексемы и выстраивания ассоциативного ряда (отметим, что данные процессы происходят на подсознательном уровне);

2) диаграмма, представленная на рис. 10 (а также последующих рис. 11 – 13), отображает корреляцию параметров ПСЗС относительно критерия «ощущения новизны», при этом не учитываются статистические данные по комплексам субъективных оценок знакомости слова, представленные в матрице в таблице 6. Соотношение трех показателей является отдельным исследовательским вопросом и не входит в задачи текущего экспериментального наблюдения, так как методику подобного подсчета предстоит выработать. Тенденция присутствия (отсутствия) «ощущения новизны» для субъективно оцененных знакомых (незнакомых) слов нами отмечена и будет оговорена ниже.

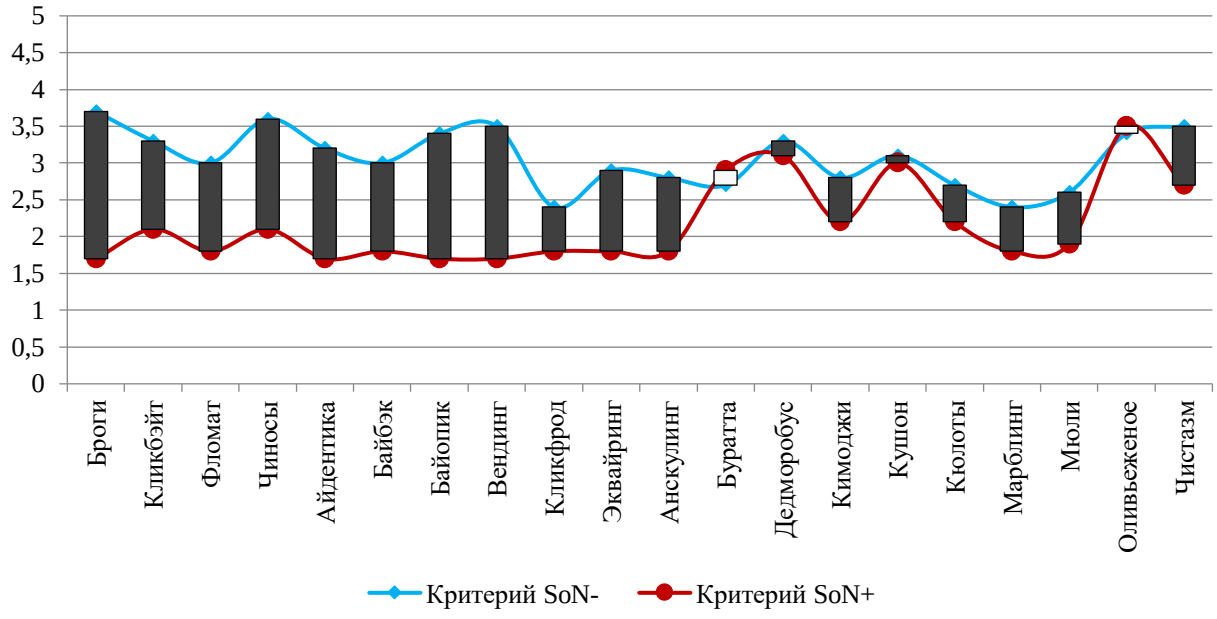

Рис. 11. Зависимость параметра CON от критерия SoN

При возникновении «ощущения новизны» параметр конкретности также проявил себя двояко (см. рис. 11): для бо́льшей части стимулов очевидна тенденция понижения рассматриваемого параметра (90 %), однако для лексем БУРАТТА и ОЛИВЬЕЖЕНОЕ тенденция прямо

противоположная. Отметим, что конкретность, вслед за Е.Н. Колодкиной, нами трактуется как способность конкретных слов вызывать чувственные образы в сознании человека. Также эффект конкретности тесно взаимосвязан с процессами понимания, возникновения интереса и извлечения ключевой информации из текста, чему, в частности, посвящена работа [Sadovski 2001]. В этой связи, осмелимся предположить, что для данных лексических единиц формальные опоры проявлялись достаточно сильно, что подсознательно побуждало респондентов указывать высокие показатели конкретности.

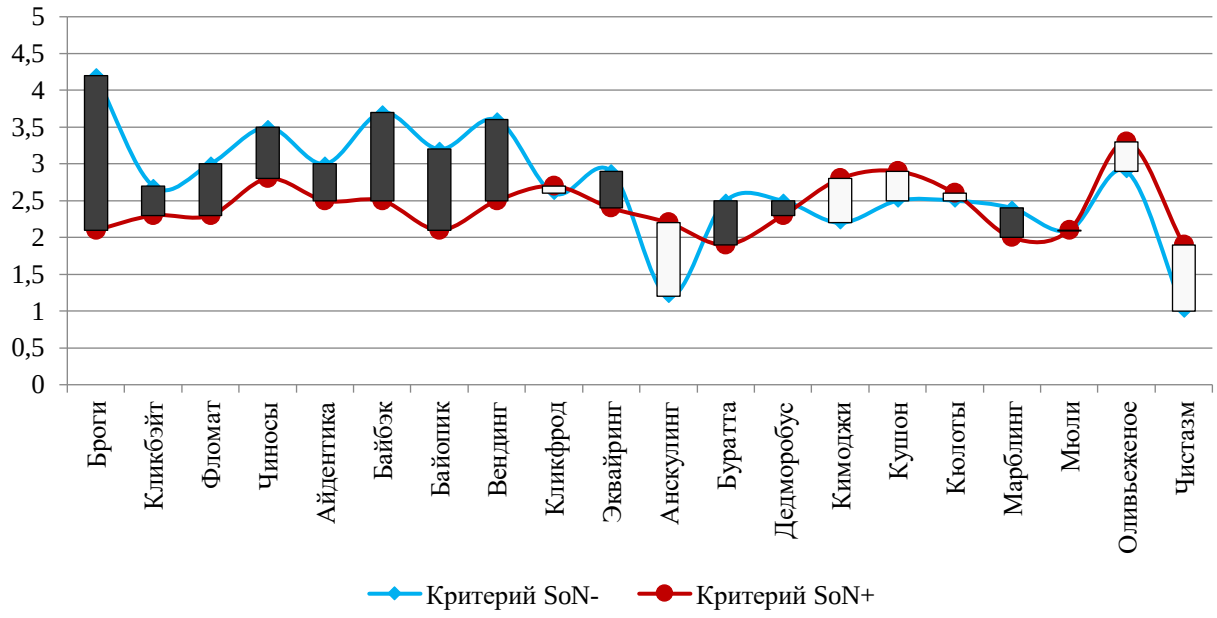

Рис. 12. Зависимость параметра IMG от критерия SoN

Параметр образности при возникновении «ощущения новизны» проявил себя наименее стабильно, тем не менее, для большинства стимулов (65 %) отмечено снижение показателя (см. рис. 12). Для лексем КЛИКФРОД, АНСКУЛИНГ, КИМОДЖИ, КУШОН, КЮЛОТЫ, ОЛИВЬЕЖЕНОЕ, ЧИСТАЗМ выявлена повышенная образность при возникновении «ощущения новизны» в сравнении с параметрами, когда «ощущение новизны» не возникало у респондентов. Вероятно, для обыденного сознания параметр образности является более «фактурным» по отношению к остальным рассматриваемым параметрам: на основании базовых

идентификационных стратегий с опорой на формальные признаки происходит формирование ансамбля ассоциативных связей, который может с наибольшей вероятностью вызывать стойкие образы в сознании.

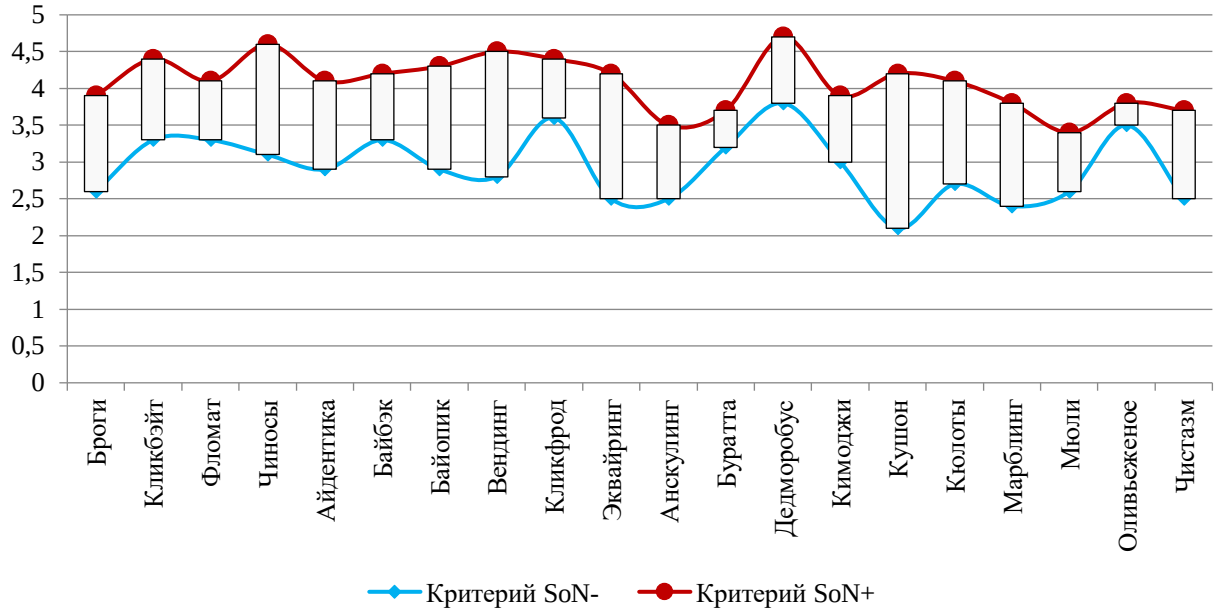

Рис. 13. Зависимость параметра UNC от критерия SoN

В целях исследования нами введен экспериментальный параметр необычности, который при возникновении у респондентов «ощущения новизны» значительно выше, чем в случаях отсутствия «ощущения новизны», о чем свидетельствуют полосы повышения на рис. 13. Данный параметр также нацелен на выявление особенностей индивидуального восприятия стимула носителями языка.

В ходе анализа субъективной новизны важным представляется замечание Е.Ю. Мягковой относительно психологической структуры значения слова, которую «целесообразно представить <…> как пучок потенциально равных компонентов, каждый из которых может быть более или менее четко выраженным в определенных условиях функционирования слова в индивидуальном сознании» [Мягкова 1990: 37]. В этой связи нами предпринята попытка отобразить корреляцию наблюдаемых параметров психологической структуры значения слова (см. рис. 14). На представленном графике прослеживаются пониженные показатели эмоциональности,

конкретности, образности при наличии субъективного «ощущения новизны» в сравнении со средними показателями аналогичных параметров ядерных слоев ментального лексикона, полученных в исследовании [Золотова 2005б]. С учетом перевода средних показателей из 5-ти балльной системы СШ в 7-ми балльную нами получены следующие значения:

- 3,32 балла для параметра эмоциональности (ядерные слои находятся в диапазоне от 3,44 до 4,48 баллов);
- 3,04 балла для параметра конкретности (ядерные слои находятся в диапазоне от 4,37 до 4,62 балла);
- 3,37 баллов для параметра образности (ядерные слои находятся в диапазоне от 4,27 до 5,03 баллов).

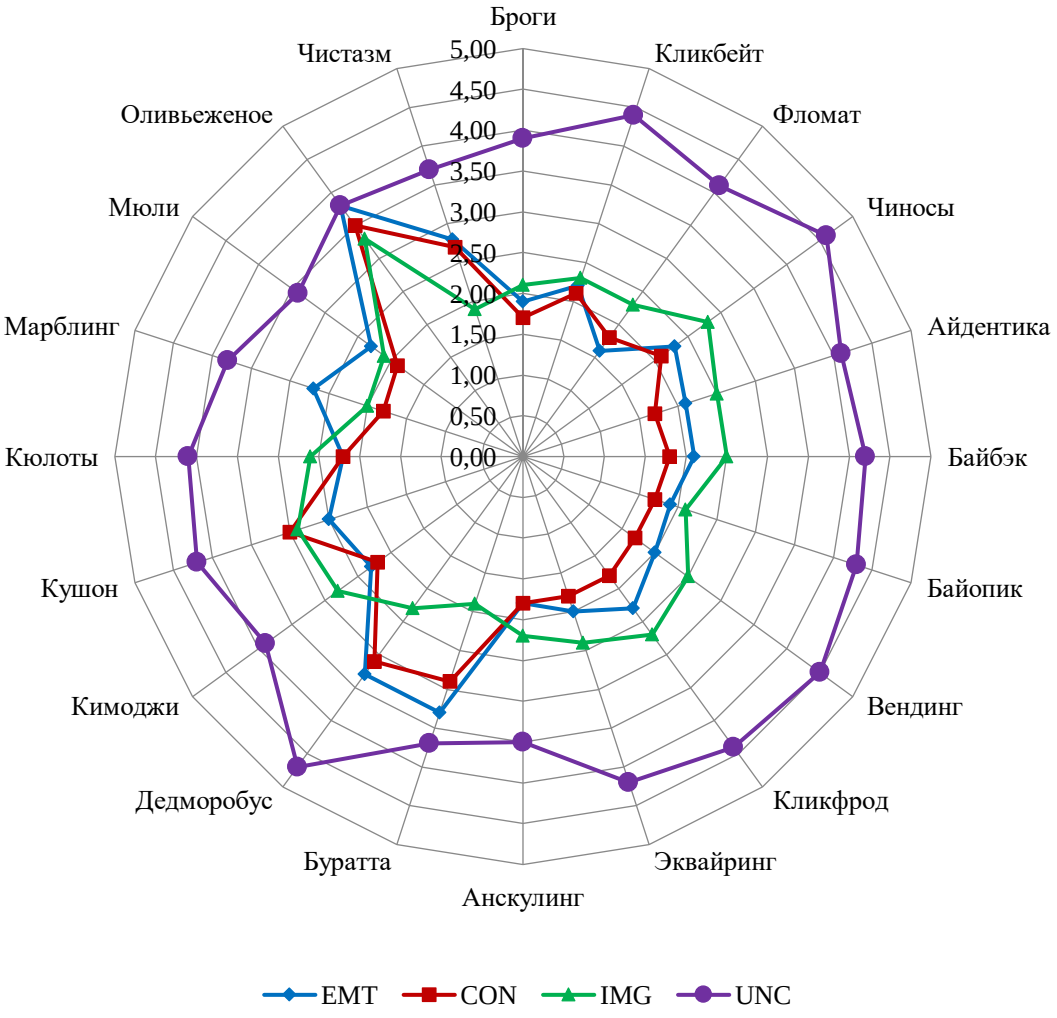

Рис. 14. Корреляция параметров ПСЗС в условиях критерия SoN+

Одновременно с этим средний показатель параметра необычности в условиях возникновения субъективного «ощущения новизны» по 7-ми балльной шкале составляет 6,9 баллов (в отсутствии субъективной новизны данный параметр составляет 4,1 балла).

Представляется важным отметить еще одну тенденцию, отчетливо проявившуюся в ходе второго этапа анкетирования отобранных лексических единиц в соотношении субъективных оценок Ии. по критерию «ощущение новизны» с комплексами субъективных оценок на предмет знакомости лексической единицы: «ощущение новизны» проявляется во всех четырех комплексах субъективных оценок, несмотря на то, что лексическая единица отмечалась как знакомая полностью или частично. Наблюдается и обратная тенденция: отсутствие «ощущения новизны» при полной или частичной незнакомости слова. В таблицах 11 и 12 приведены результаты анкетирования первой и второй выборок лексических единиц. Отмеченная тенденция проявляется в первой выборке и сохраняется во второй.

Таблица 11. Результаты анкетирования (абсолютные показатели)

	FFAM- MFAM-		FFAM- MFAM+		FFAM+ MFAM-		FFAM+ MFAM+	
	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2
SoN+	184	120	7	6	9	4	7	4
SON-	34	38	14	8	15	20	30	9
Всего	218	158	21	14	24	24	37	13

Подсчет относительного показателя по критерию «ощущения новизны» в комплексах субъективных оценок общей знакомости вычислялся по формуле:

$$P = \frac{n_{абс}}{\sum_{част}} * 100\ \%, \text{ где}$$

P – относительный показатель;

$n_{абс}$ – количество реакций SoN+ или SoN- или их суммы;

$\sum_{част}$ – общее количество реакций рассматриваемого показателя в определенном комплексе субъективных оценок.

Таблица 12. Результаты анкетирования (относительные показатели)

	FFAM- MFAM-		FFAM- MFAM+		FFAM+ MFAM-		FFAM+ MFAM+	
	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2	Выборка №1	Выборка №2
SoN+, %	84,4	75,9	33,3	42,9	37,5	16,7	18,9	30,8
SON-, %	15,6	24,1	66,7	57,1	62,5	83,3	81,1	69,2
Всего, %	72,6	75,6	7,1	6,7	8,0	11,4	12,3	6,2

В комплексе субъективных оценок знакомости FFAM-/MFAM-, когда, по оценке респондентов, слово им не встречалось, и они его не понимают, на долю субъективных оценок наличия «ощущения новизны» пришлось 84,4 % ответов для первой выборки и 75,9 % ответов для второй, в то время как 15,6 % (24,1 % соответственно) респондентов ответили, что подобные слова у них «ощущения новизны» не вызывают.

Интересна и обратная тенденция для комплекса субъективных оценок знакомости FFAM+/MFAM+, когда слово респондентам встречалось и является понятным: 81,1 % (69,2 %) ответили, что «ощущения новизны» лексема не вызывает, в то время как 18,9 % (30,8 %) респондентов отметили наличие «ощущения новизны».

Проблематика незнакомого слова является достаточно проработанной в современном языкознании: вопросам идентификации *незнакомых* слов посвящены работы К.З. Чигогидзе, Ю.В. Федурко, Э.В. Саркисовой. Тем не менее, проблема соотношения *незнакомого* и *нового* до сих пор в научной среде остается открытой, поскольку незнакомое слово для индивида не всегда может выступать новым, а субъективная новизна не во всех случаях означает незнакомое слово. Эти и некоторые другие вопросы остаются не раскрытыми. Например, в работе [Федурко 2008] незнакомое и новое слово отождествляются. Однако результаты, полученные в ходе СШ, свидетельствуют об обратном: необычность наблюдается как в отсутствии, так и в присутствии субъективной новизны, о чем позволяют судить соотношения экспериментального критерия «ощущения новизны» с комплексами субъективных оценок знакомости слова, приведенные в

таблицах 11 и 112. Подобный факт может являться свидетельством того, что *субъективная новизна* и *незнакомость* в обыденном сознании являются разными качествами слова.

3.5. Интерпретация результатов экспериментального исследования

В связи с тем, что ядро ментального лексикона является неоднородным: в его структуре выделяют до пяти слоев (ядерных и приядерных зон), периферийные слои ментального лексикона также являются неоднородными по своей структуре: выделяют ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Исходя из специфики общей знакомости лексических единиц, что проявляется в аудиальной и графической знакомости *знака* и понимании *значения*, можно смоделировать четыре вида периферийных слоев ментального лексикона, в соответствии с которыми градуируется субъективная новизна: степень удаленности лексической единицы от ядерных зон обратно пропорциональна уровню субъективной новизны (см. рис. 15).

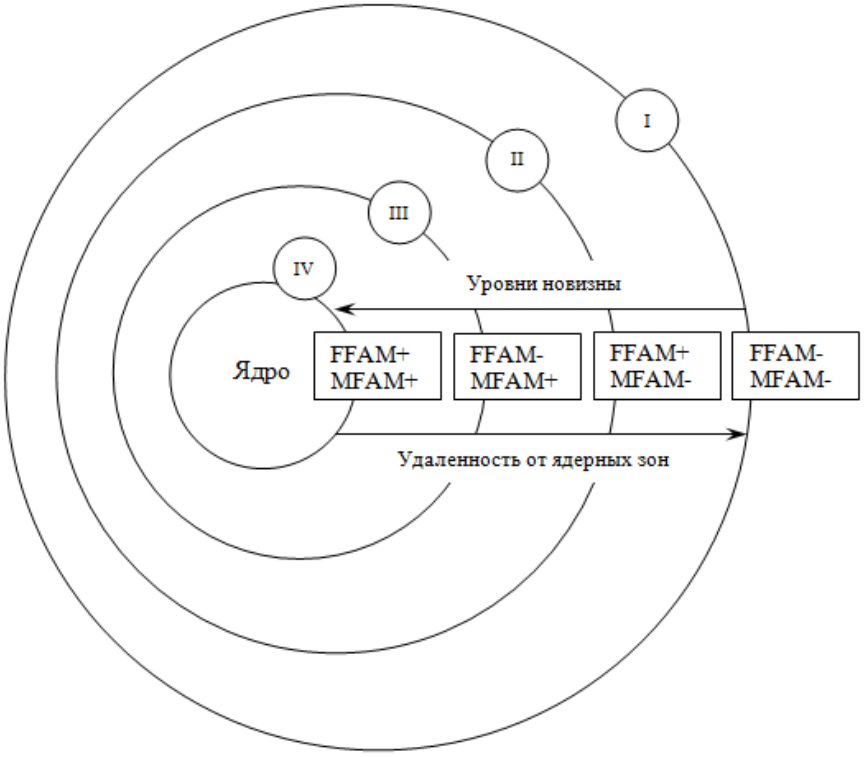

Рис. 15. Моделирование уровней субъективной новизны

Подобное разделение носит условный характер: границы между периферийными слоями лексикона так же, как и границы между отдельными слоями ядра, размытые. Тем не менее, по данным экспериментального исследования субъективное «ощущение новизны» лексической единицы может проявляться на всех уровнях периферии: как на более отдаленных от центра, так и на более приближенных к нему.

Особую роль в формировании субъективной новизны слова играют базовые идентификационные стратегии, выявленные в более ранних исследованиях словесных новообразований и незнакомых слов. Особенности функционирования внутреннего контекста, а также специфика ассоциативных рядов в условиях возникновения чувства нового у индивида, представляют особый интерес для дальнейших исследований. Вместе с тем полученные экспериментальные данные относительно специфики проявления параметров эмоциональности, конкретности и образности психологической структуры значения слова в условиях возникновения субъективной новизны позволяют сделать ряд выводов.

1. При возникновении «ощущения новизны» параметр эмоциональности снижается в сравнении с показателями эмоциональности в отсутствии такового. При трактовке слова в качестве субъективно нового оно становится менее эмоционально значимым для респондента. В отличие от средних показателей параметра эмоциональности для лексических единиц ядерных слоев лексикона, обладающих достаточной степенью выраженности, средние показатели параметров эмоциональности для лексических единиц периферийных слоев менее выражены.

2. При возникновении «ощущения новизны» лексическая единица становится более абстрактной для индивида: показатели параметра конкретности ПСЗС для слов, оцениваемых в качестве субъективно новых, менее выражены, чем аналогичные показатели для слов, не вызывающих чувства нового, а также для единиц ядра.

3. Субъективная новизна возникает как результат реализации идентификационных стратегий с опорой на формальные признаки (фонетический и/ или графический образ стимула/ единиц ассоциативного ряда, морфологические признаки, цепочки графем или фонем, лексико-грамматические признаки). Несмотря на то, что параметр образности проявил себя наименее стабильно в ходе экспериментального исследования (выявлены как пониженные, так и повышенные показатели параметра в условиях возникновения «ощущения новизны»), средние значения показателя также ниже соответствующих значений параметра ПСЗС в ядерных слоях ментального лексикона. Необходимым является замечание относительно большей «фактурности» параметра образности для обыденного сознания в рамках исследования субъективной новизны и необычности: поиск опор на подсознательном уровне позволяет заполнить «пробелы» в недостаточном количестве знаний о лексеме. В случае, когда данные опоры сопровождаются высокими проявлениями образности, субъективно новая лексика также может иметь выраженную образность.

4. При исследовании экспериментального параметра необычности выявлено, что стимулы, вызывающие у Ии. «ощущение новизны», обладают высокими показателями необычности, в то время, как при отсутствии «ощущения новизны» уровень необычности значительно ниже. В связи с тем, что необычность, как и незнакомость лексической единицы являются переменными по отношению к «ощущению новизны», осмелимся сделать предположение, что последнее выполняет медиативную функцию («незнакомое» – «новое» – «необычное») и служит определенным эвристическим потенциалом слова, который субъективен для индивида и служит для интенсификации когнитивных механизмов поиска (продуцирования) информации как во внешнем мире, так и подсознательно – в рамках функционирования внутреннего контекста.

Выводы по главе

1. В отличие от исследования ядерных и приядерных слоев ментального лексикона, где выстроены достаточно прочные ассоциативные связи и материалом исследования может выступать частотная лексика, исследование субъективной новизны лексической единицы обладает спецификой экспериментального материала: им могут выступать лексические единицы, *значительно* удаленные от ядра ментального лексикона. Таковыми лексическими единицами теоретически может выступать любая лексика в зависимости от индивидуального речемыслительного опыта респондентов: историзмы, архаизмы, неологизмы (в их традиционном лингвистическом понимании), профессионализмы, жаргонизмы и даже общеупотребительная лексика, по тем или иным обстоятельствам не усвоенная индивидом.

2. Опыт экспериментального анализа показывает, что многие из вышеотмеченных лексем могут трактоваться респондентами как знакомые, не вызывающие чувства нового. Именно поэтому при подборе экспериментального материала необходимо учитывать возраст, гендерные признаки, специализацию, сферу деятельности, уровень эрудиции испытуемых и многие другие факторы, которые помогут смоделировать тип аудитории и подобрать адекватный экспериментальный материал для создания условий эксперимента, максимально приближенных к естественным. Таковым материалом нам послужила лексика современного рекламного дискурса, которая является, во-первых, актуальной и интересной для анкетируемой аудитории, во-вторых, обладает большим словообразовательным потенциалом, что делает ее достаточно подвижной для пополнения лексического состава языка. Поэтому подобная лексика в достаточной степени может служить источником субъективной новизны при проведении экспериментального исследования.

3. Для исследования субъективной новизны лексической единицы потребовалась комплексная методика, которая затрагивала бы всю совокупность аспектов восприятия лексической единицы индивидом: знакомость стимулов для Ии., оценка субъективного «ощущения новизны», а также особенности проявления психологической структуры значения на фоне данных критериев. Использование экспериментальной методики, включающей метод субъективного шкалирования, дает возможность не только обнаружить разницу в проявлении параметров психологической структуры значения слова в отсутствии или присутствии субъективного «ощущения новизны», но и измерить степень их интенсивности путем приписывания ему количественной оценки.

4. Большое количество совпадающих пониженных оценок отобранных лексем по отдельным шкалам, полученное от испытуемых разных групп, свидетельствует о справедливости тезиса о возникновении субъективной новизны лексической единицы в периферийных слоях ментального лексикона и подтверждает статус субъективного нового слова как единицы периферии. Полученные в ходе анализа экспериментальных данных средние показатели параметров психологической структуры значения слова (эмоциональности, конкретности и образности) *в условиях возникновения субъективного «ощущения новизны»* у респондентов значительно ниже аналогичных показателей в условиях отсутствия такового. Проведенные ранее исследования параметров психологической структуры значения слова для ядра ментального лексикона и его ближайшего окружения позволили сопоставить полученные ранее показатели с показателями настоящего экспериментального исследования и проследить понижение параметров психологической структуры периферийных единиц в условиях возникновения субъективного «ощущения новизны».

5. Исходя из полученных экспериментальных данных осмелимся сделать вывод, что субъективное «ощущение новизны» формирует особую психологическую структуру значения слова, отличительным признаком

которой является гибкость и открытость для достаточно быстрого формирования сети ассоциативных связей, в отличие от центральных зон индивидуального лексикона, ассоциативные связи которых достаточно прочные. Субъективная новизна лексической единицы является когнитивным базисом, потенциалом для глубинного, подсознательного развития индивида, так как формирует интерес и служит «пусковым моментом» для поиска и сбора необходимой для понимания информации.

6. Обработка результатов экспериментального исследования позволила выявить особенности проявления «ощущения новизны» в индивидуальном сознании и внести определенную понятийную ясность в природу исследуемого явления. Экспериментальным путем выявлено, что субъективное новое слово не тождественно незнакомому слову. Анализ общей знакомости стимулов респондентам (напомним, что она включает аудиовизуальную знакомость и понимание значения) в соотношении с субъективными оценками «ощущения новизны» показал, что незнакомые слова в большей степени вызывают «ощущение новизны», однако некоторые стимулы, оцененные респондентами как незнакомые или частично незнакомые, подобного «ощущения новизны» не вызывали. Справедлива и аналогичная ситуация для стимулов, оцененных в качестве знакомых (частично знакомых): некоторые из них все же вызывали «ощущение новизны». Несмотря на то, что подобные реакции проявлялись в меньшей степени, справедливым будет утверждение, что субъективная новизна лексической единицы является б*о*льшим, чем лишь незнакомость лексемы. Субъективную новизну лексической единицы справедливо трактовать в качестве эвристического потенциала, которым обладает слово, субъективно наличествующего для индивида исходя из особенностей его речемыслительного опыта.

7. Особенностью субъективной новизны лексической единицы является также ее неоднородность в пространстве ментального лексикона. Экспериментальным путем смоделированы уровни новизны от более

удаленных от ядра слоев индивидуального лексикона к более приближенным. Субъективная новизна может варьироваться в зависимости от степени идентификации лексемы индивидом. Подобная многослойность свидетельствует о достаточно сложном характере исследуемого явления.

Полученные результаты подтвердили необходимость более глубокого экспериментального исследования послойной организации периферийных слоев ментального лексикона. Дальнейшее исследования специфики функционирования субъективной новизны в индивидуальном сознании позволили бы более тщательно проработать вопросы, связанные со спецификой формирования ассоциативных рядов, а также сопоставить большее количество исследуемых параметров друг с другом, укрепить теоретическую базу и усовершенствовать экспериментальную методику анализа субъективной новизны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предпринята попытка исследовать феномен новизны лексической единицы с позиций его функционирования в пространстве индивидуальной речемыслительной деятельности, а отчасти и переосмыслить уже существующие предположения о его природе. Рассмотрение новизны лексической единицы с позиций ее включенности в пространство индивидуального сознания носителя языка позволило расширить определение и понимание нового слова с позиций психолингвистической теории нового слова, провести широкомасштабное психолингвистическое исследование параметра новизны слова, направленное, в первую очередь, на индивидуальный речемыслительный опыт носителя языка.

Понятие «ощущение новизны» часто используется лингвистами в рамках изучения вопросов неологизации в качестве «объяснительного» элемента, однако сама природа явления не осмысляется. Одновременно с этим существует огромный корпус исследований, посвященных проблематике функционирования незнакомых слов в индивидуальном лексиконе и выявляющих особенности их идентификации. Тем не менее, в науке отсутствует единое систематизированное понимание феномена «ощущения новизны» лексической единицы, что порождает большое количество вопросов у исследователей. Предпринятая в настоящем исследовании попытка переосмыслить явление новизны слова с позиций существующей на настоящий момент системы научных взглядов имела целью разграничить возможные интерпретации феномена новизны и экспериментально проверить предположения о возможной природе субъективной новизны слова в индивидуальном сознании.

В ходе настоящего исследования выявлено двоякое понимание феномена «ощущение новизны»: с одной стороны, оно тесно увязывается лингвистами с новой лексической единицей, которой в системно-

структурной лингвистике выступает неологизм, с другой стороны – наличествует многочисленные споры о том, что «ощущение новизны» служит критерием для неологизма. Именно поэтому остро встает вопрос о самой природе «ощущения новизны», и шире – феномена новизны лексической единицы не только с позиций системно-структурной лингвистики, но как комплексное видение данной проблемы. Проведенное исследование позволило дифференцировать системно-структурную новизны лексической единиц, которая актуализируется в метаязыковой деятельности лингвиста, и субъективную новизну лексической единицы, которая актуализируется в психологической структуре значения слова.

В рамках когнитивного спектра лингвистических исследований дается трактовка феномена нового слова с позиций индивидуальной речемыслительной деятельности и способов организации когнитивного пространства. Однако сам феномен «ощущения новизны» практически не исследуется, несмотря на ряд работ по проблематике идентификации незнакомых слов.

В ходе теоретического исследования установлено, что возникновение «ощущения новизны» лексической единицы является продуктом реализации сложнейших, взаимосвязанных друг с другом речемыслительных механизмов восприятия слова на уровне тела и языка: активизируются нейронные сети, подключаются психические (познавательные) процессы, запускаются психолингвистические процессы идентификации слова, в ходе которых на подсознательном уровне осуществляется поиск опор для опознания слова. В ряде проведенных психолингвистических исследований экспериментальным путем выявлены стратегии идентификации незнакомого слова, которые осуществляются в результате опор на *формальные признаки*, что обеспечивает узнаваемость слова и предположение о его значении. На основании данных процессов и сформированных ассоциативных связей реализуется особая психологическая структура значения слова, в которой могут объединяться различные параметры.

Исследования специфики функционирования речемыслительной деятельности позволило выделить в пространстве ментального лексикона *субъективные новые слова*, обладающие субъективной новизной в режиме «здесь и сейчас» пока слово актуализируется посредством сети ассоциативных связей в пространстве речемыслительной деятельности. Результаты проведенного экспериментального исследования позволили определить статус субъективного нового слова и подтвердили предположение о его принадлежности к периферийным слоям ментального лексикона. Одновременно с этим выявлено, что субъективная новизна обладает свойством неоднородности, которое определяется субъективным опытом познания окружающей действительности и совокупностью индивидуальных переживаемых знаний как на уровне идентификации словоформы, так и на уровне понимания ее значения.

Проведенное экспериментальное исследование позволило сделать ряд существенных выводов относительно феномена субъективной новизны. Экспериментальным путем выявлено, что «ощущение новизны» может проявляться на различных уровнях идентификации словоформы и значения, именно поэтому незнакомое слово не является тождественным новому слову в пространстве индивидуальной речемыслительной деятельности. Новизна лексической единицы является б*о*льшим, чем незнание слова. Вместе с тем незнание слова является одной из возможных составляющих нового слова.

Подобный взгляд на проблематику нового слова в индивидуальной речемыслительной деятельности позволил смоделировать сценарии дифференциации лексических единиц в пространстве внутреннего контекста и апробировать их в ходе психолингвистического эксперимента. «Ощущение новизны» можно рассматривать как один из этапов идентификации слова, интегрированный в общий процесс речемыслительной деятельности. При этом «ощущение новизны» в условиях имеющихся ассоциативных связей «сканирует» внутренний когнитивный опыт, недостаток которого служит платформой для развития и расширения метального лексикона. Таким

образом, «ощущение новизны» выступает в качестве эвристического потенциала – определенной способности лексической единицы сохранять когнитивные маркеры для развития и расширения ментального лексикона посредством нового.

Экспериментальное исследование субъективной новизны лексической единицы позволило также выявить взаимосвязь отдельных параметров психологической структуры значения слова в условиях возникновения «ощущения новизны». Полученные средние показатели по параметрам эмоциональности, конкретности и образности были значительно ниже показателей, полученных в аналогичных исследованиях ядерных зон ментального лексикона, что подтвердило предположение о принадлежности субъективных новых слов к периферийным слоям ментального лексикона. Выявлено, что «ощущение новизны» действительно влияет на психологическую структуру значения слова, делая ее более гибкой и открытой для формирования новых ассоциативных связей за счет снижения показателей эмоциональности, конкретности и образности. Таким образом, «ощущение новизны» интегрирует в пространстве психологической структуры значения слова всю переживаемую индивидом информацию и выступает когнитивным маркером для расширения имеющихся представлений о слове.

Результаты проведенного исследования позволяют прогнозировать дальнейшие направления исследования феномена новизны в индивидуальном сознании. Одним из перспективного направления является разработка комплексного нейролингвистического подхода к анализу феномена субъективной новизны лексической единицы, а также исследование особенностей послойной организации периферийных слоев ментального лексикона и их количественный подсчет. В настоящем исследовании осталась не затронутой специфика построения ассоциативных связей в условиях возникновения «ощущения новизны», вместе с тем подобное исследования позволило бы углубиться в проблематику субъективной

новизны слова и выявить те внутренние когнитивные условия, в рамках которых носитель языка воспринимает слово в качестве субъективно нового.

Предпринятое исследование является одной из возможных попыток переосмысления феномена новизны лексической единицы в индивидуальном сознании. Предложенная методика анализа субъективной новизны не охватывает всего потенциала психолингвистической науки, которая на сегодняшний день обладает огромным потенциалом для исследования особенностей функционирования индивидуальной речемыслительной деятельности. Предстоит большая работа, которая потребует более углубленного изучения феномена индивидуальной новизны, так и создания новых экспериментальных методик.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ПСЗС – психологическая структура значения слова

Ии. – испытуемые

СШ – субъективное шкалирование

EMT – параметр эмоциональности

CON – параметр конкретности

IMG – параметр образности

UNC – параметр необычности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.01 / С.И. Алаторцева; Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с.
2. Антюфеева Ю.Н. Английские новообразования в развитии: поенциальное слово, окказионализм, неологизм [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.Н. Антюфеева; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 19 с.
3. Атланова Е.О. Субъективный концепт как предмен лингвокогнитивного исследования (экспериментальное исследование на материале концепта новое слово) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.О. Атланова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 22 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
5. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. Вертикальный контекст как филологическая проблема [Текст] / О.В. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47-54.
6. Бажанов В., Шольц Р.В. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы [Текст] / В. Бажанов, Р.В. Шольц. – М.: Навигатор, 2015. – 564 с.
7. Бехтель Э.Е., Бехтель А.Э. Контектуальное опознание [Текст] / Э.Е. Бехтель, А.Э. Бехтель. – СПб.: Питер. – 2005. – 336 с.
8. Бехтерева Н.П. и др. Механизмы деятельности мозга человека [Текст]: кол. монография / Н.П. Бехтерева и др. / под ред. Н.П. Бехтеревой. – Л.: Наука, 1988. – 677 с.
9. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение [Текст] / Ф. Блум, А. Лейзерсон, Л. Хофстедтер; пер. с англ. Е.З. Годиной. – М.: Мир, 1988. – 248 с.

10. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 731 с.
11. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
12. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / И.А. Бубнова; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2008. – 51 с.
13. Булавина Н.В. Понятие «новое слово» в современной лингвистике [Текст] / Н.В. Булавина // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 61-62.
14. Бурдьё П. О телевидении [Электронный ресурс] / П. Бурдьё / URL: http://bourdieu.name/content/bourdieu-o-televidenii. – Дата обращения: 06.06.2017.
15. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) [Текст]: монография / В.А. Буряковская. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.
16. Валова Л.В. Причины ошибочной семантизации русских агнонимов носителями языка [Текст] / Л.В. Валова // PRIMO ASPECTU. – 2013. – Т. 12. - № 2 (105). – С. 174-177.
17. Василюк Ф.Е. Структура образа [Текст] / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5-19.
18. Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Контекст как психологическая категория [Текст] / А.А. Вербицкий, В.Г. Калашников // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 3-15.
19. Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Понятие «контекст» в категориальном строе психологической науки [Текст] / А.А.

Вербицкий, В.Г. Калашников // Педагогика и психология образования. – 2015. – № 4. – С. 90-99.

20. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 152 с.
21. Волостных А.В. Функции неологизмов в рекламном тексте (на материале русского и французского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.В. Волостных; Кубан. гос. ун-т. – Тамбов, 2005. – 22 с.
22. Волошин Ю.К. Новообразования и собственно неологизмы современного английского языка: (Опыт дифференциации новых слов) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.К. Волошин; Моск. гос. пед. ин-т. – Москва, 1971. – 15 с.
23. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
24. Гак В.Г. О современной французской неологии [Электронный ресурс] / В.Г. Гак / URL: http://neolexiling.narod.ru/Material/ Gak_franz_neol.htm. – Дата обращения: 23.04.2017.
25. Гридина Т.А. Язык как творчество: аспекты изучения детской «неологии» [Текст] / Т.А. Гридина // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 6. – С. 118-123.
26. Дашинимаева П.П. Нейробиологический аспект порождения и восприятия речи: итоги в первом приближении [Текст] / П.П. Дашинимаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – Вып. 557. – С. 191-196.
27. Денисова Э.С., Немцева Е.В. Стратегии идентификации нового слова (на материале свободного ассоциативного эксперимента) [Текст] / Э.С. Денисова, Е.В. Немцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Серия «Филология». – 2008. – № 2. – С. 120-126.

28. Ермакова Е.Н. Преобразовательные возможности современного русского языка: окказиональные и отенциальные слова и фразеологизмы [Текст] / Е.Н. Ермакова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3. – С. 289-298.
29. Ерпилова Е.И. Неологизация: сущность и динамика проблемы [Электронный ресурс] / Е.И. Ерпилова / URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/017-003.pdf. – Дата обращения: 07.10.2015.
30. Ефимова М.В. Психолингвистические особенности функционирования термина в индивидуальном сознании [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М.В. Ефимова; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2015. – 24 с.
31. Забродина И.К. История развития зарубежной неологии (на примере немецкого, французского, китайского языков) [Текст] / И.К. Забродина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – Ч. 2. – № 4 (34). – С. 95-97.
32. Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе [Текст] / А.А. Залевская // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2012а. – № 3. – С. 479-493.
33. Залевская А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
34. Залевская А.А. Внутренний контекст и метафора «живой поликодовый гипертекст» [Текст] / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология. – 2012б. – № 24. – Вып. 4. – С 55-62.
35. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 8-19.
36. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» [Электронный ресурс] / А.А. Залевская // ULR:

http://www.philology.gisap.eu/sites/default/files/Zalevskaya-Pages%20from%20Philological%20sciences_GISAP1.indd-6.pdf. – Дата обращения: 21.08.2016.

37. Залевская А.А. Идентификация слова: процесс и продукт [Текст] / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011. – № 28. – Вып. 4. – С. 190-203.
38. Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 135 с.
39. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека [Текст] / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
40. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
41. Зарицкая Л.А. Некоторые аспекты изучения новых слов и терминов в современной лингвистике [Текст] / Л.А. Зарицкая // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 11 (172). – С. 144-146.
42. Зирка Н.А., Хабарова Н.А. Роль неологизмов в рекламных текстах [Текст] // Ученые записки Таврического национального университета. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – С. 368-372.
43. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык [Текст]: автореф. ... дис. докт. филол. наук: 10.02.19 / Н.О. Золотова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005а. – 48 с.
44. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык [Текст]: монография / Н.О. Золотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005б. – 204 с.

45. Иваницкий А.М. Мозговая основа субъективных переживаний: гипотеза информационного синтеза [Электронный ресурс] / А.М. Иваницкий // URL: http://aha.ru/~geivanit/SUBJ.html. – Дата обращения: 28.08.2016.
46. Иваницкий А.М., Стрелец В.Б., Корсаков И.А. Информационные процессы мозга и психическая деятельность [Текст] / А.М. Иваницкий, В.Б. Стрелец, И.А. Корсаков. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
47. Иванова В.И. Системно-антропоцентрическая лингвистика [Текст] / В.И. Иванова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2016. – № 2. – С. 14-17.
48. Ивашкевич И.Н. К вопросу о когнитивной природе восприятия и его отражении в семантике слова [Текст] / И.Н. Ивашкевич // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 165-171.
49. Калинин А.В. Лексика русского языка [Текст] / А.В. Калинин. – 5-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 320 с.
50. Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Карасева; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2007. – 16 с.
51. Карпович А.Е., Малаховский Л.В. О принципах построения «Словаря английских неологизмов» К.Л. Барнхарта [Текст] / А.Е. Карпович, Л.В. Малаховский // Новые слова и словари новых слов. – Изд-во «Наука», 1978. – С. 64-71.
52. Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Касаткина; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2007. – 24 с.
53. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст]: дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Кибрик; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2003. – 90 с.

54. Кипарисов Г.О. Семантические неологизмы [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.О. Кипарисов; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2011. – 23 с.

55. Князева Е. Трансдисциплинарность: в поисках оснований синтеза научного знания [Текст] / Е. Князева // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. – С. 281-301.

56. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший [Текст]: монография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2015. – 631 с.

57. Колодкина Е.Н. О специфике психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Н. Колодкина; Калинин. гос. ун-т. – Саратов, 1987. – 17 с.

58. Колодкина Е.Н. Образный компонент значения в современной российской лингвистике и психолингвистике [Электронный ресурс] / Е.Н. Колодкина // URL: http://ir.csu.edu.tw/bitstream/ 987654321/1223/1/428.pdf. – Дата обращения: 23.08.2015.

59. Колодкина Е.Н. Эффект конкретности: обзор [Текст] / Е.Н. Колодкина // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2010. – № 4. – С. 187-196.

60. Колшанский Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 154 с.

61. Косович О.В. Актуальные проблемы изучения феномена неологии [Текст] // Lingua mobilis. – 2013. – № 1 (40). – С. 55-58.

62. Косович О.В. Неологизм vs. неоним. Терминологический инструментарий неологии [Текст] / О.В. Косович // Брянск. гос. ун-т. – 2015. – № 1. – С. 255-258.

63. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики [Электронный ресурс] / П.И. Костомаров //

URL: http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/758/754. – Дата обращения: 23.04.2017.

64. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов [Текст] / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н.З. Котеловой. – Л.: Наука, 1978. – С. 5-26.
65. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию [Текст] / Н.В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
66. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 141-237.
67. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Тескт] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
68. Курасова Е.В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Курасова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 23 с.
69. Кущева О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике [Электронный ресурс] / О.Ю. Кущева // URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2006.4/398/kusheva2006_4.pdf. – Дата обращения: 23.04.2017.
70. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая [Текст] / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
71. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения [Текст] / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.
72. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования [Текст] / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

73. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
74. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование [Текст] / А.Р. Лурия. – М.: Наука, 1974. – 172 с.
75. Лыков А.Г. Современная русская лексикология: русское окказиональное слово [Текст] / А.Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
76. Марютина Т.М., Кондаков И.М. Психофизиология [Текст] / Т.М. Марютина, И.М. Кондаков. – М.: МГППУ, 2004. – 350 с.
77. Махнин П.Н. Психолингвистические аспекты воздействия рекламных текстов [Текст]: автореф. дис. … канд. филол.наук: 10.02.19 / П.Н. Махнин; Моск. гос. лингв. ун-т. – Москва, 2005. – 24 с.
78. Милославский И.Г. Новизна с последствиями [Электронный ресурс] / И.Г. Милославский // URL: http://izvestia.ru/news/349367. – Дата обращения: 23.04.2017.
79. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы [Текст] / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М.: Астра семь: Русские словари, 1997. – 414 с.
80. Москалева М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке [Текст] / М.В. Москалева // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2008. – № 80. – С. 246-250.
81. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст [Текст] / В.Я. Мыркин // Филологические науки. – 1978. – № 1. – С. 95-100.
82. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования [Текст] / Е.Ю. Мягкова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 112 с.

83. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Е.Ю. Мягкова; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000. – 43 с.

84. Набиева Е.А. Новые слова в медиакультуре современности [Текст] / Е.А. Набиева // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 117-119.

85. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. [Текст] / Р.С. Немов. – 3-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 1. Общие основы психологии. – 688 с.

86. Несветайло Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конституенты лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.Н. Несветайло; Юж. фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2010. – 18 с.

87. Нургалиева Н.Х. Неологизмы и модели возникновения новых слов в языке (на примере эмпирического анализа англицизмов в корпусе текстов немецкого языка) [Текст] / Н.Х. Нургалиева // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 3. – С. 849-857.

88. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

89. Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины [Электронный ресурс] / М.Ю. Олешков, В.М. Уваров // URL: http://pedlib.ru/Books/3/0311/3_0311-79.shtml#book_page_top. – Дата обращения: 02.02.2016.

90. Олянич А.В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки [Текст] / А.В. Олянич // Рекламный дискурс и рекламный текст / под ред. Т.Н. Колокольцевой. – М.: Флинта – Наука, 2011. – С. 10-38.

91. Осгуд Ч. Значение термина «восприятие» [Текст] / Ч. Осгуд // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – 2-е изд. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 113-116.

92. Пасечная Л.А., Попова Т.В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике [Текст] / Л.А. Пасечная, Т.В. Попова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 167-171.

93. Петровский А.В. Общая психология [Текст] / А.В. Петровский. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976. – 479 с.

94. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf. – Дата обращения: 21.08.2016.

95. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст]: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

96. Попова Т.В. Русская неология и неография [Текст] / Т.В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.

97. Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии [Текст] / К. Прибрам; пер. с англ. Н.Н. Даниловой, Е.Д. Хомской / под ред. А.Р. Лурии. – М.: Прогресс, 1975. – 464 с.

98. Резанова З.И, Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных [Текст] / З.И. Резанова, А.А. Миклашевский // Вестник Томского государственного университета. – Серия «Филология». – 2016. – № 5 (43). – С. 71-92.

99. Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Родионова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1994. – 19 с.

100. Розен Е.В. Новая лексика в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Розен // Иностранные языки в школе. – 1966. – №4. – С. 53-61

101. Савина Е.О. Агнонимы в языке и тексте [Текст] / Е.О. Савина // Известия Тульского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 2. – С. 291-295.
102. Сазонова Т.Ю. Внутренний когнитивный контекст идентификации слова [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова // URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-10.pdf. – Дата обращения: 29.08.2016.
103. Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Сазонова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1993. – 19 с.
104. Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Э.А. Салихова; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 49 с.
105. Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2014. – 18 с.
106. Семенова С.С. Речевые неологизмы и их стилистические функции в современной французской прозе [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.05 / С.С. Семенова; Ленинград. гос. пед. ин-т. – Ленинград, 1975. – 22 с.
107. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке [Текст] / Е.В. Сенько. – Владикавказ: ИР. – 1994. – 185 с.
108. Сийпола Е.М. Установка в восприятии [Текст] / Е.М. Сийпола // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – 2-е изд. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 342.
109. Соколов Е.Н. Нейронные механизмы памяти и обучения [Текст] / Е.Н. Соколов. – М.: МГУ, 1981. – 140 с.

110. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 122 с.
111. Стеценко А.П. Психологическая структура значения и ее развития в онтогенезе [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 19.00.01 / А.П. Стеценко; Моск. гос. ун-т. – Москва, 1984. – 17 с.
112. Тибилова М.И. Аспекты изучения нового слова в современном русском языке [Текст] / М.И. Тибилова // Вестник Костромского государственного университета. – 2009. – Т. 15. – № 1. – С. 114-116.
113. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.М. Ткаченко; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2007. – 21 с.
114. Тогоева С.И. «Пространство» для нового слова [Текст] / С.И. Тогоева // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014а. – Вып. 14. – С. 79-83.
115. Тогоева С.И. Некоторые особенности параметров в психологической структуре значения нового слова [Текст] / С.И. Тогоева // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 250-254.
116. Тогоева С.И. Новое слово: подходы и проблемы [Текст] / С.И. Тогоева // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: кол. монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь, 1999. – С. 75-101.
117. Тогоева С.И. Образ в идентификации нового слова [Текст] / С.И. Тогоева // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014б. – С. 214-219.
118. Тогоева С.И. Особенности построения образа нового слова индивидом [Текст] / С.И. Тогоева // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – Серия «Филология». – №5. – С. 303-308.

119. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / С.И. Тогоева; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2000а. – 43 с.
120. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии [Текст]: монография / С.И. Тогоева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000б. – 155 с.
121. Тогоева С.И. Специфика субъективных дефиниций словесных новообразований [Текст] / С.И. Тогоева // Психолингвистические проблемы семантики: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – С. 24-31.
122. Тогоева С.И. Субъективные дефиниции в идентификации лексических инноваций [Текст] / С.И. Тогоева // Вестник Тверского государственного университета. – 2014в. – Серия «Филология». – № 6. – С. 246-240.
123. Федорова О.В. Психолингвистика vs. когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки [Текст] / О.В. Федорова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2014. – Вып. 2. – С. 7-20.
124. Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.В. Федурко; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2008. – 15 с.
125. Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Ж.И. Фридман; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 24 с.
126. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельности формирует наш внутренний мир [Текст] / К. Фрит; пер. с англ. П. Петрова. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 335 с.
127. Цалко Т.В. Неологизмы – наименования лиц в русской лексикографии и современном узусе: Эволюция семантической характеристики [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Цалко; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2001. – 25 с.

128. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов) [Тескт]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Д. Цыганова; Хакас. гос. ун-т. – Абакан, 2015. – 20 с.

129. Черникова Н.В. Семантические неологизмы в современном русском языке, 80-е – 90-е годы XX века [Текст]: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Черникова; Моск. педагог. ун-т. – Москва, 1997. – 272 с.

130. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов [Текст] / под ред. Е.Н. Шагаловой. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.

131. Шанский М.Н. Лексикология современного русского языка [Текст] / М.Н. Шанский. – 3-е изд. перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 304 с.

132. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» [Текст] / С.Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета. – 2010. – № 4 (2). – С. 795-799.

133. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Ленинград: Издательство «Наука», 1974. – 428 с.

134. Юмшанова Е.В. Принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Юмшанова; Иванов. гос. ун-т. – Иваново, 1999. – 171 с.

135. Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words [Text] / J. Altarriba, L.M. Bauer, C. Benvenuto // Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. – 1999. – № 4. – P. 578-602.

136. Crick F. Function of the thalamic reticular complex: The searchlight hypothesis [Text] / F. Crick // Proceedings of the National Academies of Science USA. – 1984. – Vol. 81 (14). – P. 4586-4590.

137. Druta I. Neology, neonymy, neosemy: terminological perspective [Electronic resource] / I. Druta // URL: http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-01/Lds/Lds%2001%2084.pdf. – Date: 21.08.2016.
138. Edelman G.M. Neural Darwinism: the theory of neuronal group selection [Text] / G.M. Edelman. – New York: Basic books, 1987. – 371 p.
139. Feldman J.A. From Molecule to Metaphor: A neural theory of language [Electronic resource] / J.A. Feldman // URL: http://www.chaz.org/Courses/Sapir_Whorf/Brain_language/Neural_Theory.pdf. – Date: 23.08.2016.
140. Friendly M. et al. Norms for imagery, concreteness, orthographic variables and grammatical usage for 1 080 words [Text] / M. Friendly, P.E. Franklin, D. Hoffman, D.D. Rubin // Behavior Research Methods & Instrumentation. – 1982. – Vol. 14 (4). – P. 375-399.
141. Gardner H. The mind's new science: A history of the cognitive revolution [Text] / H. Gardner. – N.Y.: Basic Books, 1985. – 448 p.
142. Gilhooly K.J., Logie R.H. Age-of-acquisition, imagery, concreteness, familiarity, and ambiguity measures for 1,944 words [Text] / K.J. Gilhooly, R.H. Logie // Behavior Research Methods and Instrumentation. – 1980. – № 12. – P. 395-427.
143. Goosse A. La néologie française aujourd'hui [Text] / A. Goosse. – Paris: C.I.L.F., 1975. – 73 p.
144. Guilbert L. La créativité lexicale [Text] / L. Guilbert. – Paris: Larousse, 1975. – 285 p.
145. Guilbert L. Le vocabulaire de l'astronautique: Enquète linguistique à travers la presse d'information à l'occasion de cinq exploits de cosmonautes [Text] / L. Guilbert. – Rouen: Université de Rouen, 1967. – 361 p.
146. Guilbert L., Lagane R., Niobey G. Grand Larousse de la Langue Française en six volumes. – Paris: Larousse, 1971. – 736 p.
147. Juhasz B.J., Lai Y.-H., Woodcock M.L. A database of 629 English compound words ratings of familiarity, lexeme meaning dominance, semantic transparency, age of acquisition, imageability, and sensory

experience [Text] / Juhasz B.J., Y.-H. Lai, M.L. Woodcock // Behavior Research Methods. – 2015. – № 4. – P. 1004-1019.

148. Kacinik N., Shears C., Chiarello C. Familiarity for nouns and verbs: not the same as, and better than, frequency [Text] / N. Kacinik, C. Shears, C. Chiarello // Proceedings of the 22nd Annual Conference of the Cognitive Science Society. – 2000. – P. 1035.
149. Moss H.E., Tyler L.K. Investigating semantic memory impairments: The contribution of semantic priming [Text] / H.E. Moss, L.K. Tyler // Memory. – 1995. – Vol. 3. – P. 359-395.
150. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach [Text] / A. Paivio. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 323 p.
151. Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. Concreteness, imagery and meaning fullness values for 925 nouns [Text] / A. Pavio, J.C. Yuille, S.A. Madigan // Journal of Experimental Psychology. – 1968. – V. 76.1. – P. 1-25.
152. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les neologisms [Text] / J. Pruvost, J.-F. Sablayrolles. – Paris: Presses Universitaires de France, 2003. – 127 p.
153. Quemada B. Avant-propos [Text] / B. Quemada // Neologica. – 2007. – № 1. – P. 6-7.
154. Sablayrolle J.-F. La néologie en français contemporain: Examen du concept et analyse de productions néologiques récentes [Text] / J.-F. Sablayrolle. – Paris: Honoré Champion éditeur, 2000. – 589 p.
155. Sadovski M. Resolving the effects of concreteness on interest, comprehension and learning important ideas from text [Text] / M. Sadovski // Educational Psychology Review. – 2001. – Vol. 13. – № 3. – P. 263-268.
156. Saussure F. Cours de linguistique générale [Electronic resource] / F. Saussure // URL: https://ru.scribd.com/document/25077281/SAUSSURE-Ferdinand-Cours-de-linguistique-generale. – Date: 21.08.2017.
157. Thagard P. Being Interdisciplinary: Trading zones in cognitive science [Electronic resource] / P. Thagard // URL: http://cogsci.uwaterloo.ca/ Articles/Pages/interdisciplinary.pdf. – Date: 23.08.2016.

158. Walker I., Hulme C. Concrete words are easier to recall than abstract words: Evidence for a semantic contribution to short-term serial recall [Text] / I. Walker, C. Hulme // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition. – 1999. – Vol. 25. – P. 59-68.

Приложение 1

Российские научно-исследовательские работы
в области исследования аспекта новизны лексической единицы

(По результатам мониторинга данных электронного каталога диссертаций Российской государственной библиотеки http://diss.rsl.ru)

Обозначения таблицы:
К –диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Д – диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук
М – монография
*2001 – ссылка на другие работы автора

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
1	Левит З.Н.	1951	К	Неологизмы в современном французском языке (на материале лингвистической терминологии)
2	Топуридзе-Сумбатова Н.Ю.	1952	К	Неологизмы в современном немецком языке (по материалам прессы, публицистических работ и художественной литературы Германской демократической республики)
3	Олексеенко Н.Г.	1955	К	Неологизмы в современном английском языке периода 1939-1945 гг. (на материале газеты «Дейли Уоркер», Лондон)
4	Сенин П.И.	1955	К	Словарные и фразеологические неологизмы советской эпохи в произведениях К. А. Федина
5	Соловьева Т.А.	1956	К	О некоторых неологизмах американской политической лексики XX века (по работам В. Фостера)
6	Линский С.С.	1959	К	Неологизмы в словарном составе английского языка 16 века: Способы их ведения и популяризации писателями и лексикографами
7	Маслова Г.Д.	1962	К	К вопросу о неологизмах в современном французском языке
8	Федорищев В.Е.	1963	К	Неологизмы в современном польском литературном языке

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
9	Некрот А.Д.	1965	К	Неологизмы русского происхождения в лексике чешского литературного языка (1917-1962 гг.)
10	Мамытов Дж.	1966	К	Неологизмы киргизского языка советской эпохи (Образование лексико-семантическим и грамматическим способами)
11	Байтикова Ш.К.	1967	К	Неологизмы в казахской советской литературе (на материале 1920-1930 гг.)
12	Булавин Н.М.	1969	К	Семантическая структура неологизмов существительных в британском и американском вариантах английского языка
13	Киселева Р.А.	1970	К	Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции (на материале английской и американской сатирической и комической литературы XX века)
14	Розен Е.В. *1971, 1991, 2000 (а), 2000 (б)	1971	Д	Современные вокабулярные неологизмы: Опыт социолингвистического исследования на материале немецкого языка (ГДР и ФРГ)
15	Волошин Ю.К.	1971	К	Новообразования и собственно неологизмы современного английского языка: Опыт дифференциации новых слов
16	Миклашевская Г.А.	1971	К	Неологизмы в современном английском языке периода с 1946 по 1957 год
17	Маноли И.З.	1972	К	К проблеме стилистического неологизма (на материале произведений французских писателей XX века)
18	Лопатин В.В.	1973	М	Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования
19	Сингх Р.П.	1975	К	Существительные-неологизмы со значением лица в современном русском языке
20	Семенова С.С.	1975	К	Речевые неологизмыи их стилистические функции в современной французской прозе
21	Лейчик В.М.	1982	М	Люди и слова
22	Степанов Г.М.	1983	К	Неологизмы в теории и практике современной лексикографии: на материале русских и английских словарей новых слов
23	Ревекко Д.С.	1984	К	Лингвистические и экстралингвистические аспекты лексических инноваций в сфере специальной лексики (на материале современной немецкой терминологии по металлообработке)

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
24	Осадчук М.Л.	1984	К	Немецкие терминологические неологизмы в области радиоэлектроники
25	Сорокина Э.А.	1984	К	Прилагательные-неологизмы современного русского языка
26	Ильясова С.В.	1984	К	Семантика и структура отыменных глагольных новообразований (на материале периодической печати 70-х - 80-х годов)
27	Клименко Г.В.	1984	К	Лексические новообразования современного русского языка 70-х годов XX века
28	Намитокова Р.Ю. *1986, 1988, 2015	1986	М	Авторские неологизмы: словообразовательный аспект
29	ХецияА.Дж.	1986	К	Неологизмы в абхазском языке: словообразовательный аспект, 1930-1980 гг.
30	Виннин С.В.	1986	К	Социолингвистическая интерпретация политических неологизмов американского происхождения
31	Шанский Н.М.	1987	П	Слова, рожденные Октябрем
32	Анисимова Е.В.	1987	К	Неологизмы, образованные по аналогии, в лексике современного немецкого языка: на материале имен существительных и прилагательных
33	Вакуленко О.Л.	1987	К	Авторские неологизмы, афоризмы и контекстуально-преобразованные фразеологизмы как проблема перевода: На материале англоязычных переводов поэзии В. Маяковского
34	Гринберг И.М.	1987	К	Сложные существительные-неологизмы современного русского языка и их отражение в двуязычном (русско-молдавском) словаре
35	Сихарулидзе Н.Г.	1988	К	Типология фактора устойчивости новой лексики: на материале новообразований английского языка 1930-40 гг.
36	Романова О.К.	1988	К	Составные именные неологизмы русского языка (на материале советской прессы 80-х годов)
37	Новикова Н.В.	1988	К	Новообразования в современной научной фантастике: словообразовательные и нормативно-стилистические аспекты
38	Сергеева А.Б.	1988	К	Функционирование нового производного словав контексте: на материале французского языка

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
39	Намитокова Р.Ю. *1986, 1988, 2015	1988	Д	Авторские новообразования: структура и функционирование: на материале современной русской поэзии
40	Цейтлин С.Н.	1989	Д	Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка)
41	Козейко И.П.	1989	К	Словообразовательные неологизмы в современном белорусском языке (на материале 60-80 гг. XX века)
42	Каплина М.М.	1989	К	Текстообразующие функции авторских новообразований в художественном тексте: На примере произведений современных французских писателей
43	Клюенкова М.С.	1989	К	Неологизмы в общественно-политической лексике ГДР 70-80-х гг.
44	Тогоева С.И. *1989, 2000	1989	К	Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования
45	Эглит Л.В.	1990	К	Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд
46	Изотов В.П.	1990	К	Социально-словообразовательный аспект изучения новообразований (на материале современной русской советской драматургии)
47	Кучинский Ю.Б.	1990	К	Неологизмы-существительные в современном русском литературном языке: идеографический и семантический анализ
48	Чигогидзе К.З.	1990	К	Постижение значения незнакомого слова посредством контекста
49	Розен Е.В. *1971, 1991, 2000 (а), 2000 (б)	1991	П	Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке
50	Бронникова Н.Г.	1991	К	Инновации в детской речи
51	Заботкина В.И.	1991	Д	Семантика и прагматика нового слова: На материале английского языка
52	Елизарова Л.Н.	1992	К	Терминологические и художественные новообразования в функциональном аспекте: на материале произведений современной научной фантастики
53	Алдашева А.	1992	К	Лексические новообразования в современном казахском литературном языке (на материале периодической печати 1976-1991 гг.)

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
54	Сазонова Т.Ю.	1993	К	Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных)
55	Добрыднева Е.А.	1993	К	Фразеологические новообразования в современном русском литературном языке
56	Дейкина А.Ю.	1993	К	Отвлеченные имена существительные-новообразования в «толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля
57	Березовенко А.В.	1993	К	Лексические инновациив современном болгарском языке (на материале 80-х годов)
58	Родионова Т.Г.	1994	К	Стратегии идентификации неологизмов-глаголов
59	Сенько Е.В. *1994, 2000, 2001, 2007, 2012	1994	М	Инновации в современном русском языке
60	Амер М.А.	1994	К	Научно-технические термины-неологизмы в современном русском литературном языке: На материале словарей 70-80-х гг.
61	Сухоплещенко Ю.Ф.	1994	К	Когнитивная структура прагматически ориентированных лексических новообразований: на материале британской прессы
62	Громова Н.В.	1994	Д	Принципы развития неологии в младописьменных языках: На материале языка суахили
63	Соловьева Н.Н.	1995	К	Авторские новообразования в детской литературе: Структура, систематика, прагматика
64	Бовчук Н.И.	1995	К	Индивидуально-авторские неологизмы в русской поэзии 60-80 гг. XX века
65	Сюта Г.М.	1995	К	Языковые инновации в украинской поэзии шестидесятников и членов нью-йоркской группы
66	Глаголева Э.Х.	1996	К	Лексические новообразования в русской периодической печати 80-90-х годов XX века
67	Черникова Н.В.	1997	К	Семантические неологизмы в современном русском языке, 80-е - 90-е годы XX века
68	Магомедгаджиева П.Н.	1997	К	Лексические новообразования современного русского языка 90-х гг. XX в.
69	Алаторцева С.И.	1998	Д	Проблемы неологии и русская неография
70	Малянова Л.В.	1998	К	Функционально-стилистическое исследование языка русской литературы серебряного века: Поэтические неологизмы Игоря Северянина
71	Нефляшева И.А.	1998	К	Новообразования в газетно-публицистическом стиле: Системно-функциональный анализ на материале 1991-1997 годов

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
72	Мистюк Т.Л.	1998	К	Тенденции семантической эволюции современного русского языка: На базе неологической метафоризации общеупотребительной лексики в газетной публицистике 1992-1997 годов
73	Липилина Л.А.	1998	К	Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: На материале существительных, появившихся в современном английском языке за последние 30 лет
74	Куваева Л.П.	1999	К	Новообразования-существительные 70-х и 90-х годов XX века и контексты их употребления: На материале газетно-публицистического стиля
75	Юмшанова Е.В.	1999	К	Принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка
76	Коршунова Т.Н.	1999	К	Семантико-деривационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Игоря Северянина
77	Шалина Л.В.	1999	К	Лексические новообразования в русском и немецком языках последних десятилетий, конец 60-х - 90-е годы
78	Плотникова Л.И. *2000, 2003, 2004	2000	М	Новое слово: порождение, функционирование, узуализация
79	Изюмская С.С.	2000	К	Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты
80	Ежкова О.А.	2000	К	Субстантивные новообразования в поэтическом языке М. И. Цветаевой
81	Сенько Е.В. *1994, 2000, 2001, 2007, 2012	2000	Д	Неологизация в современном русском языке конца XX века
82	Розен Е.В. *1971, 1991, 2000 (а), 2000 (б)	2000	М	На пороге 21 века: новые слова и словосочетания в немецком языке
83	Розен Е.В. *1971, 1991, 2000 (а), 2000 (б)	2000	М	Как появляются слова: немецкая лексика: история и современность
84	Тогоева С.И. *1989, 2000	2000	Д	Психолингвистические проблемы неологии
85	Золотарева М.Н.	2001	К	Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте: На материале неологизмов 70-90 годов XX века с глагольными корнями

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
86	Цалко Т.В.	2001	К	Неологизмы-наименования лиц в русской лексикографии и современном узусе: Эволюция семантической характеристики
87	Корнеева Т.А.	2001	К	Сложные адъективные новообразования в языке поэзии русских символистов
88	Сенько Е.В. *1994, 2000, 2001, 2007, 2012	2001	М	Теоретические основы неологии
89	Васильева Г.М.	2001	Д	Лингвокультурологические аспекты русской неологии
90	Костина С.А.	2002	К	Типы и функции новообразований П. А. Вяземского
91	Алешина Л.В.	2002	Д	Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии
92	Бутов В.Н.	2002	К	Пути и способы обогащения общественно-политической лексики и фразеология английского языка конца XX столетия
93	Митирева Л.Н.	2002	К	Психолингвистический анализ неологизмов, заимствованных из английского языка: На материале экономических терминов
94	Балыш Ю.А.	2003	К	Неологические синонимы и их функциональный статус в современном французском языке
95	Михайлова А.В.	2003	К	Инновации в официально-деловом стиле русского языка новейшего периода: На материале жанров договора и письма-предложения
96	Алиева Г.Н.	2003	Д	Аббревиатурные неологизмы современного русского языка конца 90-х годов XX - начала XXI века: Семантико-деривационный аспект
97	Гаджимурадова Б.Н.	2003	К	Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии: словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика
98	Кошелева С.В.	2003	К	Новообразования в идиолекте Андрея Белого: На материале романов «Петербург» и «Москва»
99	Тумакова Е.В.	2003	К	Глагольные новообразования в современном русском языке: семантика и функционирование
100	Сачкова С.В.	2003	К	Прагматические аспекты функционирования лексических новообразований

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
101	Москалева Е.В.	2003	К	Прагматические особенности функционирования английских и русских неологизмов: На материале художественных и публицистических текстов
102	Плотникова Л.И. *2000, 2003, 2004	2003	М	Словотворчество как феномен языковой личности
103	Редькина Т.Ю.	2004	К	Особенности номинации в публицистическом тексте: На материале универбатов-неологизмов
104	Антюфеева Ю.Н.	2004	К	Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм
105	Никульцева В.В.	2004	К	Лексические неологизмы Игоря-Северянина: Деривация, значение, употребление
106	Плотникова Л.И. *2000, 2003, 2004	2004	Д	Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова
107	Шайхутдинова Х.А.	2005	К	Языковые механизмы семантических инновационных процессов
108	Баран О.В.	2005	К	Сопоставление экономических терминосистем во французском и русском языках в аспекте современной неологии
109	Марьянчик В.А.	2005	К	Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса
110	Гацалова Л.Б. *2005 (а), 2005 (б), 2005 (в)	2005	Д	Неология как наука в общей парадигме современного языкознания: На материале русского и осетинского языков
111	Гацалова Л.Б. *2005 (а), 2005 (б), 2005 (в)	2005	М	Принципы лексикографической репрезентации и языковой адаптации неологизмов
112	Гацалова Л.Б. *2005 (а), 2005 (б), 2005 (в)	2005	М	Неология в современной лингвистике
113	Михеева Е.И.	2005	К	Неологизмы современного немецкого языка: Интегративный аспект на материале имен существительных
114	Матарыкина Н.Д.	2005	К	Неологизмы немецкого молодежного сленга на рубеже XX-XXI веков
115	Щербакова О.В.	2005	К	Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля существительных-неологизмов в современном английском языке

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
116	Рожнова И.А.	2005	К	Неологизмы в английской терминологии полиграфического производства
117	Зайцева Е.А. *2005, 2008	2005	К	Новообразования-наименования лица в современном русском языке рубежа XX-XXI веков: Мотивированность. Семантика. Структура
118	Бережная Е.П.	2005	К	Фразеологические неологизмыв произведениях раннего и позднего творчества А.П. Чехова
119	Прохорова С.Р.	2005	К	Особенности образования неологизмов со значением деятеля в современном английском языке
120	Тобулток О.В.	2005	К	Денотативные пространства новых производных единиц: На материале субстантивной лексики, появившейся в период с 80-х годов XX столетия в английском языке
121	Волостных А.В.	2005	К	Функции неологизмов в рекламном тексте: На материале русского и французского языков
122	Магомадова Х.К.	2005	К	Инновации в словарном составе современного русского языка: Конец XX-начало XXI вв.
123	Огородникова Е.Б.	2005	К	Лингвокультурологические аспекты разносистемных неологических единиц второй половины XX века - начала XXI века: На материале произведений фантастики в русском и французском языках
124	Фомина Л.Н.	2005	К	Типы и функции новообразований в поэзии эгофутуристов
125	Яценко А.И.	2005	К	Сопоставительный анализ лексических инноваций концептосферы «потребление»: На материале русского и немецкого языков
126	Газизова Л.В.	2006	К	Стратегии идентификации полисемантичного слова: на материале разносистемных языков
127	Князев Н.А.	2006	К	Английские лексические новообразования в сфере компьютерных технологий
128	Курасова Е.В.	2006	К	Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода
129	Олейник О.В.	2006	К	Немецкие сленгизмы в свете неологической теории
130	Гуральник Т.А.	2006	К	Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере неономинации: на материале американского варианта английского языка

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
131	Скуратов И.В.	2006	Д	Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты
132	Касьянова Л.Ю. *2006, 2009 (а), 2009 (б)	2006	М	Векторы неологизации в современном русском языке
133	Соловьева Н.В.	2006	К	Лексические и фразеологические неологизмы, вступающие в отношения противоположности
134	Зырянова А.В.	2006	К	Функционирование неологизмов-лексем в современном русском языке в семантико-коммуникативном и прагматическом аспектах: на материале средств массовой информации
135	Токтонов А.Г.	2006	К	Новая лексика в русских газетах 1990-х годов: системно-словообразовательный анализ: На материале «Компьютерного корпуса текстов русских газет конца XX века»
136	Сабирова Г.С.	2006	М	Неология в современном татарском языке
137	Лавров Н.Н.	2006	К	Интерлексикологический анализнеологизмовв типе текста «инструкция»: на материале английского, немецкого, французского и русского языков
138	Алиаскарова Г.Ф.	2006	К	Сравнительный анализ неологизмов в русском и немецком языках
139	Гарбовская Н.Б.	2006	К	Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах
140				
141	Студенцов О.Р.	2007	К	Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И.Я. Яковлева и его школы: 1871-1917 гг.
142	Юсупова С.С. *2007, 2014	2007	К	Новые слова и значения в чеченском языке: постсоветский период
143	Чурилова И.Н.	2007	К	Неологизмы в театральной терминологии английского языка конца XX - начала XXI вв.
144	Тропина И.А.	2007	К	Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект
145	Пивоварова Е.В.	2007	К	Новая немецкая лексика периода объединения Германии: лингвокультурологические и когнитивные аспекты

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
146	Беренкова В.М.	2007	К	Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец»: в английском и русском текстах
147	Бузунов Н.Н.	2007	К	Французские неологизмы-глаголы, образованные за период со второй половины XX века по настоящее время
148	Гончарова В.А.	2007	К	Сопоставительный структурно-семантический анализ новообразованийс элементом анти- / anti- в русском и английском языках: на материале современных масс-медиа
149	Костина Е.В.	2007	К	Авторские новообразованияв языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты
150	Сенько Е.В. *1994, 2000, 2001, 2007, 2012	2007	М	Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект
151	Айбабина Е.А.	2008	М	Неологизмы в коми языке: социолингвистический аспект изучения: доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО Российской академии наук
152	Москвина М.А.	2008	К	Лексико-фразеологические инновации в публицистике конца XX - начала XXI вв.: семантика, стилистика, прагматика
153	Зайцева Е.А. *2005, 2008	2008	М	Неологизмы-наименования лица в русском языке начала 21 века: семантика, словообразования
154	Бышук О.П.	2008	К	Типы и функции новообразований в творчестве С. Кржижановского
155	Милявская Н.Б.	2008	К	Когнитивные основы формирования значения неологизмов, образованных в результате метафтонимического переноса: на материале современного английского языка
156	Сейфаддинова Д.С.	2008	К	Устаревшая и инновационная лексика лезгинского языка
157	Федурко Ю.В.	2008	К	Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс
158	Атланова Е.О.	2009	К	Субъективный концепт как предмет лингвокогнитивного исследования: экспериментальное исследование на материале концепта новое слово
159	Ажигова Т.М.	2009	К	Неономинации начала XXI века в современном русском языке: на материале региональной прессы

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
160	Виноградова М.В.	2009	К	Гендерный аспект процесса идентификации значения нового слова носителями языка
161	Шелонцева Л.Н.	2009	М	Неологизмы в языке маркетинга (на материале английского языка)
162	Билибин Д.Д.	2009	К	Лексико-семантические инновации в современном немецком языке как отражение процесса объединения Европы
163	Шишкарева О.А.	2009	К	Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект: на материале нижегородской прессы начала XXI в.
164	Касьянова Л.Ю. *2006, 2009 (а), 2009 (б)	2009	Д	Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца 20 – начала 21 века
165	Касьянова Л.Ю. *2006, 2009 (а), 2009 (б)	2009	М	Когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации
166	Несветайло Ю.Н.	2010	К	Неологизмы и окказионализмы как конституенты лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты
167	Анисимова Л.А.	2010	К	Лексические особенности языка современной российской качественной и массовой прессы. Неологизмы
168	Шишкина А.А.	2010	К	Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа: на материале новообразований российской прессы начала XXI в.
169	Кравцова Т.В.	2010	К	Механизмы формирования индивидуально-авторских неологизмов в современном французском языке
170	Новикова Л.В.	2010	К	Деривационный потенциал неологизмов немецкого языка
171	Тойтукова А.О.	2010	К	Лексические инновации в русском языке начала XXI века: 2000 - 2009 гг.
172	Ровная О.В.	2010	К	Речевые адъективные инновации в коммуникативном пространстве французской и российской прессы
173	Алексеева Е.В.	2011	К	Адъективные новообразования в современном русском языке
174	Горнфельд А.Г.	2011	М	Новые словечки и старые слова (переизд.)

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
175	Яцук Н.Д.	2011	К	Лексические новообразования в прозе и публицистике Ю.М. Полякова
176	Шевелева Е.Н.	2011	К	Процессы неологизации в лексике тематической сферы «Досуг» в русском языке новейшего периода: по материалам словарей и современных средств массовой информации
177	Живутская И.Г.	2011	К	Префиксальные неологизмы во французском и английском языках: на материале прессы и толковых словарей
178	Тимашова Ж.Е.	2011	К	Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов: на материале произведений А. Белого и В. Иванова
179	Близнецова Т.А.	2011	К	Глагольные неологизмы в денотативном пространстве 2-й половины 20 века: семантика, стилистика, прагматика: на материале словарей
180	Кипарисов Г.О.	2011	К	Семантические неологизмы
181	Халявина Д.В.	2011	К	Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты
182	Гуцкая Г.Б.	2011	К	Авторские новообразования Ф.А. Искандера: функционально-прагматический и структурно-семантический аспекты
183	Шумилова А.В.	2011	К	Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: на материале Нижегородских СМИ
184	Тибилова М.И.	2011	К	Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект
185	Лунева Ю.В.	2012	К	Интерлексикологический подход к изучению неологизмов в родственных и неродственных языках
186	Музофиршоев М.О.	2012	К	Неологизмы и способы их образования в современном таджикском литературном языке: на материалах периодической прессы 90-х гг. XX и начала XXI веков
187	Григоренко О.В.	2012	М	Теоретико-практические основы становления неологии и неографии в отечественной лингвистике
188	Сенько Е.В. *1994, 2000, 2001, 2007, 2012	2012	М	Лексические новации в современной языковой картине: новые слова, значения, словосочетания

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
189	Мурзабулатова Ю.А.	2013	К	Неологизмы со значением деятеля в современном русском языке: на материале прессы конца XX - начала XXI вв.
190	Вахницкая Н.И.	2013	К	Роль заимствования в создании неологизмов современного немецкого языка: на материале неологизмов 90-х годов XX века
191	Сухих М.П.	2013	К	Роль неологизмов в формировании поэтической картины мира русского авангарда: на материале поэтических текстов В. Хлебникова и Д. Ревякина
192	Алимова Р.Р.	2013	К	Неология в современном испанском газетно-публицистическом дискурсе: деривационные и лексико-семантические процессы
193	Юсупова С.С. *2007, 2014	2014	М	Неологизация лексической системы современного чеченского языка
194	Синицын А.В.	2014	К	Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка
195	Марченко Е.И.	2014	К	Пропозиционально-фреймовое моделирование семантики новых слов (на материале региональной русской лексики в Кыргызстане)
196	Кадырова Л.Д.	2014	К	Гибридные неономинации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект
197	Рец И.В.	2014	К	Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неономинации
198	Страмной А.В. *2007, 2014	2014	М	Газетный текст как источник неологизмов
199	Тугуз Э.А.	2014	К	Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе: на материале английского языка
200	Саркисова Э.В.	2014	К	Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова
201	Синицына Н.Н.	2015	К	Новая лексика и фразеология в русском и немецком языках на рубеже XX-XXI вв.: источники, семантико-прагматическое своеобразие и языковые механизмы номинации (по лексикографическим данным)
202	Голец В.А.	2015	К	Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе: 1990 - 2014 гг.

№	Ф.И.О.	Год	Вид	Наименование
203	Пучнина А.С.	2015	К	Лингво-экспрессивные модификации речевых единиц в текстах рекламы и СМИ
204	Саенко М.Н.	2015	К	Общие инновации в базисной лексике как аргумент в дискуссии о балто-славянском единстве
205	Цыганова Н.Д.	2015	К	Полиаспектное описание неолексем: по материалам словотворческих интернет-сайтов
206	Намитокова Р.Ю. *1986, 1988, 2015	2015	М	Авторские новообразования: структура и функционирование

Приложение 2

Анкетный лист № 1

Возраст: _____ Пол: муж. / жен. Специальность: _____ Курс: _____

№	Слово	Встречал (+) / Не встречал (-)	Понимаю (+) / Не понимаю (-)
1	Айдентика		
2	Анорак		
3	Аутлет		
4	Байбэк		
5	Байопик		
6	Благолентие		
7	Блэкаут		
8	Бомбер		
9	Броги		
10	Брэндализм		
11	Вендинг		
12	Газлайтинг		
13	Гилаут		
14	Деним		
15	Джегинсы		
16	Драфт		
17	Жусть		
18	Клавака		
19	Кластер		
20	Кликбэйт		
21	Кликфрод		
22	Корнер		
23	Коуч		
24	Крымогон		
25	Лоукостер		
26	Лоферы		
27	Лофт		
28	Мелтдаун		
29	Оупэнспейс		
30	Парка		
31	Прайвеси		
32	Праймериз		
33	Пэчворк		
34	Свитшот		
35	Сизифинг		
36	Слиперы		
37	Слипоны		
38	Смущауза		
39	Таймлайн		
40	Таймшифтинг		
41	Транш		
42	Тренч		
43	Фидбэк		
44	Фломат		
45	Фотобомбинг		
46	Френдузиаст		
47	Фронтмен		
48	Чиносы		
49	Эгкорн		
50	Эквайринг		

Приложение 3

Анкетный лист № 2

Возраст: _____ Пол: муж. / жен. Специальность: _____ Курс:_____

Слово	**Встречал (+) / Не встречал (-)**	**Понимаю (+) / Не понимаю (-)**	**Ощущение новизны (+ / -)**
Броги			
Кликбэйт			
Фломат			
Чиносы			
Айдентика			
Байбэк			
Байопик			
Вендинг			
Кликфрод			
Эквайринг			

Слово	**Эмоциональность**	**Конкретность**	**Образность**	**Необычность**
Броги	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Кликбэйт	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Фломат	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Чиносы	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Айдентика	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Байбэк	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Байопик	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Вендинг	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Кликфрод	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Эквайринг	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5

Приложение 4

Анкетный лист № 3

Возраст: _____ Пол: муж. / жен. Специальность: _____ Курс: _____

№	Слово	Встречал (+) / Не встречал (-)	Понимаю (+) / Не понимаю (-)
1	Анскулинг		
2	Бариста		
3	Буккроссинг		
4	Бульмени		
5	Буратта		
6	Велорикша		
7	Глиттер		
8	Гранола		
9	Гриллзы		
10	Дедморобус		
11	Дезерты		
12	Каршеринг		
13	Кейп		
14	Кимоджи		
15	Краунфандинг		
16	Кушон		
17	Кюлоты		
18	Лукбук		
19	Лукэтфлавер		
20	Марблинг		
21	Марсала		
22	Мюли		
23	Неспрессо		
24	Оливьеженое		
25	Рубатки		
26	Скинни		
27	Слоуфуд		
28	Стимпод		
29	Стробинг		
30	Суширрито		
31	Тинт		
32	Тюбинг		
33	Френчпресс		
34	Чистазм		
35	Шугаринг		

Приложение 5

Анкетный лист № 4

Возраст: _____ Пол: муж. / жен. Специальность: _____ Курс:_____

Слово	**Встречал (+) / Не встречал (-)**	**Понимаю (+) / Не понимаю (-)**	**Ощущение новизны (+ / -)**
Анскулинг			
Буратта			
Дедморобус			
Кимоджи			
Кушон			
Кюлоты			
Марблинг			
Мюли			
Оливьеженое			
Чистазм			

Слово	**Эмоциональность**	**Конкретность**	**Образность**	**Необычность**
Анскулинг	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Буратта	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Дедморобус	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Кимоджи	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Кушон	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Кюлоты	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Марблинг	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Мюли	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Оливьеженое	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5
Чистазм	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5	1__2__3__4__5

Приложение 6

Результаты пилотажного анкетирования на предмет знакомости стимулов исходного списка

№	Лексическая единица	Соотношение субъективных оценок				Доля, %	
		FFAM- MFAM-	FFAM- MFAM+	FFAM+ MFAM-	FFAM+ MFAM+	FFAM- MFAM-	Кластер отриц.
1	Айдентика	17	4	3	6	57	80
2	Анорак	14	0	3	13	47	57
3	Аутлет	2	0	4	24	7	20
4	Байбэк	20	1	4	5	67	83
5	Байопик	22	0	3	5	73	83
6	Благолентие	18	3	7	2	60	93
7	Блэкаут	6	0	12	12	20	60
8	Бомбер	6	1	2	21	20	30
9	Броги	26	0	1	3	87	90
10	Брэндализм	13	3	5	9	43	70
11	Вендинг	16	2	6	6	53	80
12	Газлайтинг	19	3	3	5	63	83
13	Гилаут	26	1	2	1	87	97
14	Деним	9	0	2	19	30	37
15	Джегинсы	5	4	4	17	17	43
16	Драфт	9	1	3	17	30	43
17	Жусть	25	2	1	2	83	93
18	Клавака	22	1	5	2	73	93
19	Кластер	9	0	6	15	30	50
20	Кликбэйт	23	1	2	4	77	87
21	Кликфрод	21	2	3	4	70	87
22	Корнер	10	2	5	13	33	57
23	Коуч	6	1	2	21	20	30
24	Крымогон	22	1	2	5	73	83
25	Лоукостер	15	1	3	11	50	63
26	Лоферы	13	1	4	12	43	60
27	Лофт	4	1	8	17	13	43
28	Мелтдаун	11	3	3	13	37	57
29	Оупэнспейс	6	1	2	21	20	30
30	Парка	0	0	0	30	0	0
31	Прайвеси	9	1	6	14	30	53
32	Праймериз	17	0	4	9	57	70
33	Пэчворк	16	0	5	9	53	70
34	Свитшот	2	0	3	25	7	17
35	Сизифинг	25	2	2	1	83	97
36	Слиперы	3	1	4	22	10	27
37	Слипоны	13	0	1	16	43	47
38	Смущауза	24	0	1	5	80	83
39	Таймлайн	4	0	2	24	13	20
40	Таймшифтинг	8	2	6	14	27	53
41	Транш	15	0	6	9	50	70
42	Тренч	8	1	6	15	27	50
43	Фидбэк	6	1	3	20	20	33
44	Фломат	30	0	0	0	100	100
45	Фотобомбинг	12	4	3	11	40	63
46	Френдузиаст	14	9	2	5	47	83
47	Фронтмен	9	3	1	17	30	43
48	Чиносы	24	0	1	5	80	83
49	Эгкорн	29	0	0	1	97	97
50	Экваиринг	21	3	3	3	70	90
Всего:		704	67	169	560	относ.	относ.

Приложение 7

Результаты основного анкетирования на предмет знакомости стимулов исходного списка

№	Лексическая единица	Соотношение субъективных оценок				Доля, %	
		FFAM- MFAM-	FFAM- MFAM+	FFAM+ MFAM-	FFAM+ MFAM+	FFAM- MFAM-	Кластер отриц.
1	Анскулинг	46	4	2	3	84	94,5
2	Бариста	10	0	9	37	18	33,9
3	Буккроссинг	37	4	9	6	66	89,3
4	Бульмени	19	0	11	27	33	52,6
5	Буратта	49	0	6	2	86	96,5
6	Велорикша	37	1	9	10	65	82,5
7	Глиттер	41	0	9	7	72	87,7
8	Гранола	23	0	11	23	40	59,6
9	Гриллзы	46	0	4	7	81	87,7
10	Дедморобус	50	4	3	0	88	100,0
11	Дезерты	34	1	11	11	60	80,7
12	Каршеринг	46	1	6	4	81	93,0
13	Кейп	43	1	8	5	75	91,2
14	Кимоджи	41	0	11	3	75	94,5
15	Краунфандинг	35	0	8	14	61	75,4
16	Кушон	52	0	2	3	91	94,7
17	Кюлоты	51	0	2	4	89	93,0
18	Лукбук	18	2	9	27	32	51,8
19	Лукэтфлавер	51	2	3	1	89	98,2
20	Марблинг	50	0	5	2	88	96,5
21	Марсала	43	0	5	9	75	84,2
22	Мюли	50	0	4	3	88	94,7
23	Неспрессо	32	0	15	10	56	82,5
24	Оливьеженое	41	4	9	3	72	94,7
25	Рубатки	40	0	6	11	70	80,7
26	Скинни	32	2	4	19	56	66,7
27	Слоуфуд	24	5	11	16	43	71,4
28	Стимпод	41	1	9	6	72	89,5
29	Стробинг	45	0	7	5	79	91,2
30	Суширито	42	2	7	6	74	89,5
31	Тинт	46	0	3	8	81	86,0
32	Тюбинг	23	0	9	25	40	56,1
33	Френчпресс	35	2	10	9	63	83,9
34	Чистазм	52	1	2	2	91	96,5
35	Шугаринг	22	2	5	28	39	50,9
Всего:		1347	39	244	356	относ.	относ.